

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

№ 4 (30) • 2019

Тема номера:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕАЭС И ЕС

Информационная поддержка: пресс-служба Евразийской экономической комиссии

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
<https://www.eijournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2019
- © Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2019
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS

International Scientific and Analytical Journal

№ 4 (30) • 2019

Topic of the Issue:
Problems and Prospects of the EAEU and the EU Cooperation

Information support: press service of the Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2019
 - © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2019
 - © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: Economy, Law, Policy“ (compilation), 2019
 - © All rights reserved
-

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК, академик Российской академии наук, доктор экономических наук

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессор, доктор философских наук, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ШАМАХОВ Владимир Александрович, Председатель международного научного совета, директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель Председателя международного научного совета, советник директора Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

ЖАКЫПОВА Фатима Надыровна, ректор Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор экономических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук

НАСЫРОВ Алмаз Турусбекович, ректор Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики, кандидат экономических наук

ПАЛЬЧИК Геннадий Владимирович, ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор педагогических наук

РАХИМИ Фарход Кодирович, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук

РАХИМОВ Ибод Хабибулаевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Маджлиси Оли Республики Таджикистан в МПА СНГ, ПА ОДКБ

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, директор Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, доктор философских наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, профессор, доктор политических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права юридического факультета Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева

АКАЕВ Аскар Акаевич, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук, доктор технических наук

АСАУЛ Максим Анатольевич, заместитель директора Департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Чрезвычайный и полномочный посол, кандидат экономических наук

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, ректор Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, доктор экономических наук, кандидат политических наук, доцент

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, профессор, академик Академии наук Республики Таджикистан, доктор экономических наук

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук, редактор раздела «Право»

КРОТОВ Михаил Иосифович, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, доктор экономических наук

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, редактор раздела «Экономика»

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, доктор юридических наук

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, заведующий кафедрой истории и теории государства и права Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор юридических наук

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права Северо-Западного института управления РАНХиГС, профессор, доктор юридических наук

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика»

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэвийн, профессор, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management, RANEPA, Professor, Doctor of Philosophy, Expert of the Russian Academy of Sciences

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

SHAMAKHOV Vladimir, Chair of the International Scientific Council, Director of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economics

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Chairman of the International Scientific Council, Advisor to the Director of the North-West Institute of Management, RANEPA, PhD of Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor in Law

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

ZHAKYPOVA Fatima, Rector of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Economics

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Science

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics

NASIROV Almaz, Rector of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic, PhD in Economics

PALCHIK Gennady, Rector of the Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Doctor of Pedagogical Sciences

RAHIMI Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics

RAHIMOV Ibod, Deputy Secretary General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan to the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Science

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Director of the Integration Development Department of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philosophy

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Law

AKAEV Askar, professor of Lomonosov Moscow State University, foreign member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Technical Sciences

ASAUL Maksim, Deputy Director of the Department of Transport and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission, Doctor of Economics

DENISOV Andrey, Ambassador the Russian Federation to the People's Republic of China, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary, PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University, Doctor of Political Sciences

YEREMEEV Stanislav, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Doctor of Economics, PhD of Political Sciences, Associate Professor

KAZANTSEV Andrei, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Economics

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law, editor of the "Law" section

KROTOV Mikhail, the Chief of staff of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation Committee on Issues of the Commonwealth of Independent States and Contacts with Fellow Countryman, Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Professor of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics, editor of the "Economics" section

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), Doctor of Political Sciences

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law, Doctor in Law

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Economics, Doctor in Law

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University, Doctor of History

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road", Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Head of the Department of History and Theory of State and Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law

STAROVOITOV Alexander, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor in Law

TOROPYGIN Andrei, Professor of the North-West Institute of Management of RANEPA, Doctor of Political Sciences, editor of the "Politics" section

KHASH-ERDENE Sambalhundeivin, Professor, Chairman of the society «Knowledge» of Mongolia, Doctor of Sociological Sciences

CHEN ZHIGAN, Vice-President of the Chinese Business Center in St. Petersburg, Doctor of Economics

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
№ 4 (30) 2019

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю. ЕАЭС — ЕС: перспективы всеобъемлющего экономического соглашения	11
---	----

ГЛАВНОЕ

Кефели И. Ф., Шамахов В. А. Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия ЕАЭС и ЕС в формате Большого евразийского партнерства	17
--	----

Шухно С. С. ЕАЭС и китайская инициатива «Один пояс — один путь»: новые возможности сотрудничества.....	26
--	----

ЭКОНОМИКА

Асаул М. А., Малыгин И. Г., Мохов А. Е. Международные транспортные коридоры Евразии и Экономический пояс Шелкового пути.....	33
--	----

Красильников С. Р., Михневич С. В. Продвигая евразийскую интеграцию: роль бизнеса в развитии сотрудничества в сфере услуг и торговой политике.....	41
---	----

Куклина Е. А. Энергетический вектор российско-азербайджанского экономического сотрудничества в цифровом пространстве современного мира	50
---	----

Тун Вэй, Уржумцева Т. Б. Анализ внешней торговли и ее экономическое влияние на страны Центральной Азии.....	62
---	----

ПРАВО

Кириленко В. П., Мишальченко Ю. В., Торопыгин А. В. Экономическое и правовое обеспечение развития внутреннего водного транспорта Евразийского региона	68
--	----

Лебедев А. С. Особенности регулирования международной электронной торговли в таможенном законодательстве ЕАЭС	76
--	----

Никоноров В. В. Правовые особенности международной организации ИНМАРСАТ.....	82
--	----

ПОЛИТИКА

Дмитриевич Душко Сербско-китайское всестороннее стратегическое партнерство как внешнеполитическая парадигма «Нового Шелкового пути» (In eng).....	94
--	----

Каплуненко А. М.

Проблема анализа структуры политических возможностей цифровизации публичного управления в России: региональный аспект	107
---	-----

Ли Цзинчэн

Международные экономические проекты как инструмент развития БРИКС.....	113
--	-----

Попов Д. Г., Роговской Д. А.

Совместный вектор развития Арктического региона в рамках национальных программ стран Азии и Российской Федерации	120
--	-----

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза	126
Политолог рассказал, когда Таджикистан вступит в ЕАЭС	128
Таджикистан и ЕАЭС: преимущества при любом раскладе	128
Постпред России при ЕС рекомендовал Европе интеграцию с ЕАЭС	130
Глазьев считает, что гармоничный валютный контроль будет стимулировать инвестиции КНР в РФ	132
Для промышленного рывка в ЕАЭС необходимы кооперация производства и инновационные проекты	133
В Москве состоялась научно-практическая конференция об итогах развития евразийской интеграции	135
Евразийская экономическая комиссия заинтересована в сотрудничестве с аналитическими центрами	138
Публикации журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в 2019 г.....	140
АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»	
Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»	142

EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics
International scientific-analytical journal
№ 4 (30) 2019

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Y. Glazyev

EAEU — EU: Prospects for a Comprehensive Economic Agreement 11

MAIN

Igor F. Kefeli, Vladimir A. Shamakhov

Geopolitical and Geoeconomic Aspects of Interaction of EAEU and EU in the Format of a Big Eurasian Partnership..... 17

Sergey S. Shukhno

EAEU and China's One Belt, One Way Initiative: New Opportunities for Cooperation 26

ECONOMICS

Maksim A. Asaul, Igor G. Malygin, Aleksey E. Mokhov

International Transport Corridors of Eurasia and the Silk Road Economic Belt 33

Sergey R. Krasilnikov, Sergey V. Mikhnevich

Fostering Eurasian Integration: The Role of Business in Services and Trade Policy Cooperation Development..... 41

Evgenia A. Kuklina

The Energy Vector of Russian-Azerbaijan Economic Cooperation in the Digital Space of the Modern World 50

Tong Wei, Tatiana B. Urzhumtseva

Analysis of Foreign Trade and Its Economic Impact on the Countries of Central Asia 62

LAW

Viktor P. Kirilenko, Yury V. Mishalchenko, Andrey V. Toropygin

Economic and Legal Ensuring the Development of Inland Water Transport of the Eurasian Region 68

Alexander S. Lebedev

Features of the International e-Commerce Regulation in the EAEU Customs Legislation..... 76

Vladimir V. Nikonorov

Legal Details of the International Organization INMARSAT 82

POLITICS

Duško Dimitrijević

Serbia-China Comprehensive Strategic Partnership — the Foreign Policy Paradigm of the “New Silk Road” (In eng)..... 94

Aleksey M. Kaplunenko

An Issue on Analysis of Digital Public Governance Political Opportunities Structure in Russia: Regional Aspect..... 107

Li Jingcheng

International Economic Projects as a Development Tool of BRICS	113
--	-----

Dmitry G. Popov, Dmitry A. Rogovskoi

Joint Development Vector of the Arctic Region in the Framework of National Programs of the Countries of Asia and the Russian Federation.....	120
---	-----

EURASIAN CHRONICLE

Concept of the Eurasian Economic Union Common Financial Market Formation.....	126
Politologist Told when Tajikistan will Join the EAEU	128
Tajikistan and EAEU: Advantages in Any Way	128
Russia's Permanent Representative to the EU Recommended Europe Integration with the EAEU.....	130
Glazyev Believes that Harmonious Currency Control Will Stimulate PRC Investments in the Russian Federation.....	132
Industrial Leap Forward in EAEU Requires Cooperation of Production and Innovative Projects	133
Scientific and Practical Conference on Results of Eurasian Integration Held in Moscow.....	135
Eurasian Economic Commission is Interested in Cooperation with Analytical Centers.....	138

Publications of the Journal "Eurasian Integration: Economy, Law, Policy" in 2019	140
--	-----

FOR AUTHORS OF THE JOURNAL

Guidelines for the design of articles accepted for consideration by the editors	142
Rules for authors of the articles, admitted to the editorial office of the international scientific and analytical journal "EURASIAN INTEGRATION: economy, law, policy"	143

ЕАЭС — ЕС: перспективы всеобъемлющего экономического соглашения

Глазьев С. Ю.

Член Коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК, Москва, Российская Федерация, главный редактор; <http://glazev.ru/>

Постановка вопроса о достижении цели создания зоны преференциального сотрудничества между ЕАЭС и ЕС в нынешнем геоэкономическом контексте лишь на первый взгляд может показаться преждевременной и неактуальной. Понятно, что введенные европейским сообществом из соображений атлантической солидарности вслед за США экономические санкции в отношении России значительно усложнили двусторонний диалог, в том числе в парадигме сформулированной Президентом России В. В. Путиным идеи зоны свободной торговли (ЗСТ) «от Лиссабона до Владивостока». Сконструированные под надуманными политическими и идеологическими предложениями санкции поставили в дискомфортное положение, прежде всего, европейский бизнес, заинтересованный в расширении присутствия (главным образом, продукцией машиностроения) на рынках России и других государств ЕАЭС на фоне растущей экономической и технологической экспансии Китая.

Впрочем, всякая идея притягательна только тогда, когда она соответствует запросам времени и позволяет на недискриминационной основе по отношению к другим участникам международного экономического обмена реализовать национальные интересы и конкурентные преимущества. Именно поэтому трансформация замысла трансконтинентальной ЗСТ от океана до океана в концепцию Большого евразийского партнерства (БЕП), обеспечивая идеологическую преемственность, фиксирует готовность России к равноправному деловому разговору не только со стратегическими партнерами на Востоке, но и с государствами Европы. Такое, не обремененное политическими факторами, партнерство ориентирует на решение задач формирования преференциальных режимов торгово-экономического сотрудничества, развития материковой транспортной, информационной и энергетической инфраструктуры, сочетания национальных планов развития и гармонизации международной производственно-технологической кооперации, перехода к справедливой системе валютно-финансовых отношений, а также прекращения существующих и недопущения новых конфликтных ситуаций. На то, что широкое материковое партнерство формирует сразу несколько интеграционных структур, обратил внимание Президент России В. В. Путин еще 17 июня 2016 г. в выступлении на Пленарном заседании Петербургского экономического форума. В частности, он отметил, что «масштаб технологических, экономических задач и объективно складывающаяся ситуация сегодня — все это имеет такой масштаб и такой характер, что развиваться эффективно можно только вместе, выстраивая кооперационные связи. Мы считаем, что такая кооперация может эффективно строиться в рамках гибких и открытых интеграционных структур, которые поощряют конкуренцию в научном поиске, многообразии технических решений, позволяют странам-участникам в полной мере реализовать свои компетенции и свой потенциал... Мы могли бы опереться на целую сеть двусторонних и многосторонних торговых соглашений с разной глубиной, скоростью и уровнем взаимодействия, открытостью рынка, в зависимости от готовности той или иной национальной экономики к такой совместной работе, на договоренностях о совместных проектах в области науки, образования, высоких технологий. Все эти соглашения должны быть нацелены в будущее, создавать основу для совместного гармоничного развития на базе эффективной и равноправной кооперации»¹.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52178> (дата обращения: 10.10.2019).

Сочетание уже имеющихся преференциальных торговых режимов в Евразии, в том числе многосторонних, реализуемых на двухстороннем треке — с участием отдельных государств ЕАЭС — моделей сотрудничества, создает ткань партнерства. Насущной задачей является придание БЭП гармонии, прочности и привлекательности за счет разнообразных инструментов содействия интеграционному строительству — международных институтов развития, совместных инвестиционных проектов, удлинения цепочек создания добавленной стоимости.

Аксиология современного партнерства предполагает разнонаправленность и диверсификацию торгово-экономических и инвестиционных связей. Такая ценностная основа полностью соответствует российской дипломатической традиции равноправного сотрудничества со всеми, а также четко артикулированной цели превращения ЕАЭС в работоспособное объединение, эффективно реализующее потенциал торговли с третьими странами и таможенными союзами. В настоящее время в Евразии функционирует полтора десятка региональных экономических объединений разной степени глубины интеграции и широты охватываемых сфер регулирования. Большая часть региональных объединений нацелена на устранение торговых барьеров, формирование зон свободной торговли, гармонизацию норм технического, таможенного, тарифного и нетарифного регулирования. Поскольку почти все евразийские государства являются членами ВТО, нормы этой организации служат естественной основой региональных экономических объединений.

Сопряжение ЕАЭС как классического регионального объединения, ориентированного на формирование полноценного общего рынка входящих в него государств, с инициативой «Один пояс — один путь», ориентированной на стимулирование совместных инвестиций в крупные инфраструктурные проекты, может служить моделью сборки БЭП. Такая модель сочетает принципы свободной торговли и объединение конкурентных преимуществ на основе совместных инвестиций в целях достижения синергетического эффекта и взаимной выгоды всех участников интеграции.

ЕС, в свою очередь, создает ассоциации с близлежащими странами, предусматривающие отношения свободной торговли, и имеет единое экономическое пространство с Европейской ассоциацией свободной торговли (ЕАСТ), которая располагает разветвленной сетью отношений свободной торговли со многими государствами и их экономическими объединениями как в Евразии, так и на других континентах. ЕС имеет всестороннее торгово-экономическое соглашение с Канадой (СЕТА), ведет переговоры о создании зоны свободной торговли с южноамериканской МЕРКОСУР. Великобритания и Франция имеют преференциальные торгово-экономические отношения с бывшими колониями в других частях света.

Наряду с традиционными региональными объединениями с преференциальным режимом торговли действует множество соглашений по десяткам позиций международного экономического сотрудничества, включая: торговлю товарами и услугами; устранение нетарифных барьеров; либерализацию доступа на финансовые рынки; конвергенцию различных норм и стандартов; права интеллектуальной собственности; развитие международной транспортной инфраструктуры (автомобильные и железнодорожные коридоры); взаимный доступ к государственным закупкам; создание общего рынка электроэнергии; согласование правил конкуренции; взаимное признание дипломов о профессиональном образовании; выработку совместных инициатив и механизмов нейтрализации региональных и глобальных конфликтов.

Несмотря на инспирированное неэкономическими факторами значительное сужение возможностей взаимной торговли, доля ЕАЭС (преимущественно России) в импорте Евросоюза в 2018 г. составила 10,6% (объем встречного экспорта в ЕАЭС составляет около 5% внешнеторгового оборота ЕС). Учитывая емкость рынков ЕС и ЕАЭС (17 и 1,8 трлн долл. соответственно) и комплиментарность взаимной торговли, эти показатели весьма скромны. Потенциальное единое евразийское экономическое пространство (только ЕС и ЕАЭС имеют наднациональные органы регулирования, в то время как другие объединения функционируют как межгосударственные) объединило бы хозяйственную деятельность стран с населением соответственно 512 и 182 млн чел.

Исследователи полагают, что всестороннее соглашение между ЕС и ЕАЭС может стать и, вероятнее всего, станет реальностью к середине 2020-х гг. К этому подталкивают совпадающие экономические интересы промышленников и предпринимателей, деятельно ратующих за изъятие экономической повестки сотрудничества из общего контекста межсоюзных и межгосударственных отношений. Предполага-

емое соглашение о сотрудничестве двух союзов должно учитывать широту рассматриваемых вопросов, объем и структуру отношений, степень взаимосвязанности стран — членов союзов и их общих соседей. Оно может охватывать множество сфер взаимодействия — от торговли товарами и услугами до свободы передвижения капитала и трудовых ресурсов, безвизового режима, развития трансграничной и транзитной инфраструктуры, технического регулирования и стандартизации, институциональной конвергенции, защиты прав интеллектуальной собственности и других вопросов нормативного регулирования.

В связи с этим на исследователей и аналитиков должна быть возложена миссия детального количественного и качественного анализа возможных последствий такой интеграции и создания перспективной повестки для будущих переговоров. При проведении таких оценок следует иметь в виду, что ЕАЭС заинтересован в глубоком и всеобъемлющем соглашении с ЕС, но не в узко сформулированной зоне свободной торговли¹.

Масштабная работа по оценке перспектив и выбора стратегии межсоюзного взаимодействия была запущена при непосредственном участии автора этих строк на площадке Международного института прикладного системного анализа (IIASA) в австрийском Лаксенбурге в июне 2013 г. Проект «Вызовы и возможности экономической интеграции в рамках Большого Европейского и Евразийского пространства» прошел первую фазу — состоялось семь семинаров высокого уровня, в ходе которых представители Европейской комиссии, ЕЭК, Евразийского банка развития, эксперты обсуждали конкретные аспекты интеграции. По итогам первой фазы инициатива по совместному евразийскому будущему стала основной независимой дискуссионной и аналитической платформой, в рамках которой организованы контакты между Европейской комиссией и ЕЭК. Проект предоставил возможности для налаживания диалога между наднациональными исполнительными органами управления интеграцией. Ключевые выводы по итогам первой фазы исследования представлены в финальном отчете-докладе «Европейский союз и Евразийский экономический союз: долгосрочный диалог и перспективы соглашения²». Дискуссия по этому масштабному проекту велась в нескольких определенных в качестве ключевых предметных областях.

1. **Методика** оценки экономического влияния соглашения об интеграции по линии ЕС — ЕАЭС на договаривающиеся стороны. В этой части подчеркнуто, что нельзя ограничиваться описанием краткосрочного прямого воздействия на торговлю. Необходимо проанализировать, какие последствия (прямые и косвенные) следует ожидать в долгосрочной перспективе, особенно в вопросе нетарифных барьеров, что потребует применения современных методов анализа и моделирования.

2. **Торговые режимы:** рассматриваются 20 потенциальных областей возможного комплексного соглашения — от торговли товарами до защиты прав интеллектуальной собственности. При этом определено, что экономические эффекты ослабления нетарифных барьеров могут быть более значительными, нежели упразднение имеющихся импортных пошлин.

3. **Энергетика.** Вопрос энергетической безопасности является фундаментальным и для ЕС, и для ЕАЭС. В случае Европы речь идет о стабильности предложения (безопасности источников энергоносителей и транзитной инфраструктуры, справедливые и предсказуемые цены); России и Казахстана — о стабильности спроса (финансовая и экономическая безопасность, справедливые и предсказуемые цены); транзитных стран — о стабильности доходов и поставок.

4. **Транспорт и инфраструктура.** Дискуссия по этому пункту сосредоточивает внимание участников потенциального единого экономического пространства ЕС и ЕАЭС на необходимости модернизации и дальнейшего развития основных евразийских транспортных коридоров (автомобильных и железнодорожных) до 2030 г., в том числе в контексте формирования коммуникационного каркаса Евразии с участием КНР. В части объектов инфраструктуры подчеркивается огромный потенциал развития общих рынков электроэнергии и трансконтинентальных волоконно-оптических линий связи. И в том

¹ Количественный анализ экономической интеграции Европейского союза и Евразийского экономического союза: методологические подходы // Аналитический доклад. СПб. : ЦИИ ЕАБР. 2014 (№ 23).

² Европейский союз и Евразийский экономический союз: долгосрочный диалог и перспективы соглашения // Аналитический доклад IIASA и ЦИИ ЕАБР. 2016 (№ 38).

и в другом направлениях ключевую роль играют совместные капиталовложения, безопасности и гармонизации нормативного регулирования.

5. Мобильность населения. В рамках этой «свободы» межсоюзного взаимодействия предлагается создать пространство доверия, основанное на безвизовом режиме, организации крупномасштабных академических обменов и поиске комфортных для граждан вариантов для безбарьерной мобильности трансграничных пенсионных выплат между двумя союзами. При этом вопрос трудовой миграции поднимать пока преждевременно.

Отдельным предметом скрупулезного анализа на сегодняшний день являются перспективы торгово-экономических и инвестиционных отношений между ЕС, ЕАЭС и тремя государствами, которые заключили с Евросоюзом соглашения об углубленной и всеобъемлющей зоне свободной торговли: Украина, Молдова и Грузия. Как полагают специалисты, в частности исследователи ЦИИ ЕАБР, на определенном этапе при условии движения двух союзов навстречу друг другу появится возможность начать конструктивные переговоры о предоставлении государствам, имеющим ЗСТ с ЕС, возможности применять другой режим и следовать иным регулятивным нормам в торгово-экономических отношениях с ЕАЭС. Это потребует поиска и нахождения Евросоюзом серьезных компромиссов, связанных с внесением изменений в договоры со своими ассоциированными членами.

В связи с этим следует обратить внимание на один нюанс в выступлении В. В. Путина на Петербургском экономическом форуме 7 июня 2019 г., когда он отметил, что ситуация за последние годы изменилась коренным образом: на месте некогда доминирующей модели развития, основанной на евроатлантической либеральной традиции, претендовавшей на универсальную роль, вызревают два возможных сценария дальнейшего хода событий: «перерождение универсалистской модели глобализации, ... когда общие международные правила будут подменяться законами, административными и судебными механизмами одной страны или группы влиятельных государств, ... [и] фрагментация глобального экономического пространства политикой ничем не ограниченного экономического эгоизма и его силовое продавливание. Но это путь к бесконечным конфликтам». Путин уже не призывает в очередной раз к объединению интересов и усилий ЕС и ЕАЭС в рамках Большого евразийского партнерства, а обращает внимание участников форума на российский Хартленд (по Макиндеру): «Освоение пространств в Центральной и Восточной Сибири, и не как сырьевой базы, а как научно-промышленного центра, должно сделать этот регион связующим звеном между европейской частью России и Дальним Востоком, между рынками Китая, стран АТР, Европы, включая Восточную Европу, должно привлечь сюда свежие, хорошо подготовленные трудовые ресурсы»¹.

В дальнейшем необходим глубокий эмпирический (прежде всего, секторальный) анализ в целях подготовки потенциальных соглашений по линии ЕС — ЕАЭС. Исследования должны охватить все существующие Соглашения об ассоциации и зоны свободной торговли между ЕС и третьими странами. Следует также учитывать роль третьих стран в Программе Восточного партнерства (в частности, Армении и Азербайджана) и возможное их участие в интеграции по линии ЕС — ЕАЭС. Кроме того, предстоит изучить экономические программы и проекты Китая в контексте Большой Евразии.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (дата обращения: 10.06.2019).

Евразийский промышленный конгресс «Интеграция». Октябрь, 2019 г.

15 октября в «Президент-отеле» проходил Евразийский промышленный конгресс «Интеграция 2019». На центральном пленарном заседании «Большое Евразийское партнерство» выступили министры Евразийской экономической комиссии: по интеграции и макроэкономической политике — С. Ю. Глазьев (*на фото в центре*), по промышленности и агропромышленному комплексу — А. М. Субботин, по внутренним рынкам, информатизации и ИКТ КАН — К. А. Минасян, председатель правления Евразийского банка развития А. Ю. Бельянинов, вице-президент РАН Ю. Ю. Балега и другие.

Евразийский промышленный Конгресс «ИНТЕГРАЦИЯ» — новая международная дискуссионная площадка для обсуждения актуальных проблем и перспектив промышленного сотрудничества в ЕАЭС, вопросов движения промышленных товаров на общем рынке ЕАЭС и на рынках третьих стран, а также выработки действенных инструментов с целью эффективной интеграции и развития взаимодействия предпринимателей на пространстве ЕАЭС и дружественных стран.

Задача Конгресса — стать ежегодной качественной диалоговой площадкой мирового уровня для развития деловых связей между предприятиями государств — членов Союза, а также с партнерами из третьих стран, что позволит совершить промышленный рывок в ЕАЭС.

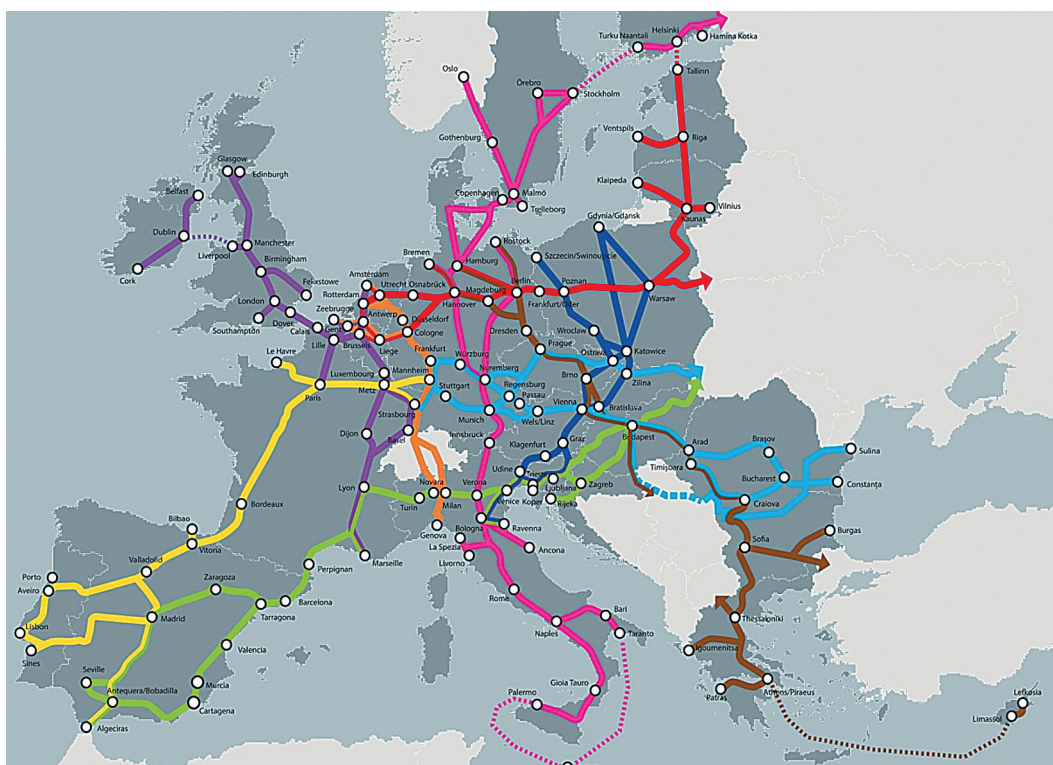

Рис. 1. Trans-European Transport Network, TEN-T. Главные коридоры¹
(К статье И. Ф. Кефели и В. А. Шамахова «Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия ЕАЭС и ЕС в формате Большого евразийского партнерства», стр. 23.)

Рис. 2. МТК «Север-Юг» (I) и Южный морской путь в сопряжении с Панъевропейским транспортным коридором № 9 (II)
(К статье М. А. Асаула, И. Г. Малыгина, А. Е. Мохова «Международные транспортные коридоры Евразии и Экономический пояс Шелкового пути», стр. 35)

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://triniti.eu/wp-content/uploads/2014/02/Ten-T.png> (дата обращения: 20.11.2019).

Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия ЕАЭС и ЕС в формате Большого евразийского партнерства

Кефели И. Ф., Шамахов В. А.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются во многом еще дискуссионные вопросы обустройства Большой Евразии как полицивилизационного пространства, охватывающего Северо-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский регионы. Обращается внимание на неоднозначность интерпретации евразийской идеи применительно к прогнозным оценкам геополитического статуса современной России. Указывается на необходимость осуществления геополитической и геоэкономической экспертизы разрабатываемых проектов Большого евразийского партнерства от Лиссабона до Владивостока и признания статуса государственной идеологии как непрямого звена конституционного права.

Ключевые слова: Европейский союз, Евразийский экономический союз, Большая Евразия, Большое евразийское партнерство, геополитика, геоэкономика, интеграционные процессы

Geopolitical and Goeconomic Aspects of Interaction of EAEU and EU in the Format of a Big Eurasian Partnership

Igor F. Kefeli, Vladimir A. Shamakhov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article analyzes in many ways still debatable issues of arranging Greater Eurasia as a poly-civilization space covering the North Atlantic, Eurasian and Asian-Pacific regions. Attention is drawn to the ambiguity of the interpretation of the Eurasian idea as applied to forecast estimates of the geopolitical status of modern Russia. The need for a geopolitical and goeconomic examination of the projects under development of the Greater Eurasian Partnership from Lisbon to Vladivostok and the recognition of the status of state ideology as an indispensable link of constitutional law is pointed out.

Keywords: European Union, Eurasian Economic Union, Greater Eurasia, Greater Eurasian Partnership, geopolitics, goeconomics, integration processes

Недавно Постпред Российской Федерации при Европейском союзе (ЕС) Чрезвычайный и Полномочный Посол В. А. Чижов выступил с докладом **«Мировой (бес)порядок и европейская (не)безопасность»** на конференции «Глобальный (бес)порядок: на пути к мировоззрениям, основанным на диалоге» в рамках 17-го Родосского Форума «Диалог цивилизаций» и напомнил участникам конференции, что «основан Евросоюз был... не на ценностях, а на интересах, как инструмент предотвращения новой войны в Европе... Сейчас ЕС в известном смысле вернулся к своему первоначальному предназначению и вновь превратился в инструмент сопряжения интересов своих стран-членов. Менее чем через три недели начнет работу новая Еврокомиссия, глава которой У. фон дер Ляйен определила ее как „геополитическую“. Посмотрим,

как геополитика в исполнении новоиспеченных еврокомиссаров будет способствовать преодолению переломных кризисных явлений и сохранению за Европой в широком смысле этого слова глобальных позиций как в экономике, так и в политике в меняющемся многополярном мире. Я, конечно, далек от того, чтобы давать советы новому руководству ЕС. Но хотелось бы обратить внимание на очевидное. Единственный путь для того, чтобы Евросоюз уже в этом веке не превратился в захудалый «задний двор» мировой экономики и политики, — это объединение Европы или даже Евразии от Лиссабона до Владивостока... Что же касается более общего «рецепта» объединения Евразии, то он, на наш взгляд, уместен в простое словосочетание — интеграция интеграций. То есть сопряжение экономических потенциалов двух сосуществующих на нашем континенте крупнейших интеграционных проектов — ЕАЭС и ЕС. Характерно, что зафиксирован этот рецепт был впервые еще на московском саммите Россия — ЕС в 2005 г. в «дорожной карте» по общему пространству внешней безопасности: «Россия и Европейский союз признают, что процессы регионального сотрудничества и интеграции, в которых они участвуют и которые основаны на суверенных решениях государств, играют важную роль в укреплении безопасности и стабильности. Они соглашаются активно продвигать эти процессы взаимовыгодным образом посредством ориентированного на результат тесного сотрудничества и диалога между Россией и Европейским союзом, внося тем самым эффективный вклад в формирование Большой Европы без разделительных линий и основанной на общих ценностях». На мой взгляд, трудно поспорить с тем, что только «Большая Евразия» с ее смычкой инвестиционно-технологического потенциала ЕС и ресурсной базы России и ее партнеров по ЕАЭС сможет составить здоровую конкуренцию бурно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР)». Правда, российский посол в Евросоюзе справедливо подчеркнул, что, говоря о здоровой конкуренции, мы отнюдь не противопоставляем евразийский мегапроект инициативам, исходящим из АТР, и что «китайская инициатива „Одного пояса — одного пути“ вполне сочетается с нашим видением общего экономического и гуманитарного пространства на просторах Евразии. Очевидно, что и в плане обеспечения безопасности в нашем общем европейском „доме“ друг без друга нам не обойтись»¹.

Мы специально привели достаточно большую выдержку из текста доклада российского дипломата, чтобы показать довольно четкое и недвусмысленное позиционирование России в глобальной геополитике и геоэкономике. Подтверждением тому могут служить три официальных документа последних лет, которые четко позиционируют место России на евразийском пространстве и показывают, как историко-софские воззрения основателей евразийства, пройдя через горнило идеолого-политических ристалищ, вполне органично включаются в русло российской внешней политики и в систему международных отношений. Это, во-первых, Концепция внешней политики Российской Федерации (30.10.2016), в которой четко указаны три региона евразийского континента — Евро-Атлантический, Евразийский и Азиатско-Тихоокеанский — и определена стратегическая задача в отношениях России с ЕС: «Формирование общего экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана на основе гармонизации и сопряжения процессов европейской и евразийской интеграции» (ст. 63). Как здесь не вспомнить работу В. И. Ламанского «Три мира Азийско-Европейского материка» (1892 г.), в которой он четко выделял три части материка: «1) собственная Европа, 2) собственная Азия и 3) средний мир, т. е. ненастоящая Европа и ненастоящая Азия... искомые границы так названного нами Среднего мира на азиатско-европейском материке обнимают всю русскую империю» [7, с. 185–186, 199–200]. В данной концепции также закреплено следующее положение: «Россия рассматривает укрепление своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и активизацию отношений с расположенными в нем государствами как стратегически важное направление своей внешней политики, что обусловлено принадлежностью России к этому динамично развивающемуся геополитическому региону, <...> и настроена на формирование... пространства совместного развития государств — членов АСЕАН, ШОС и ЕАЭС в целях обеспечения взаимодополняемости интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском и Евразийском регионах» (ст. 78, 82)². Во-вторых, —

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://russiaeu.ru/ru/vystuplenie-vachizhova-na-konferencii-globalnyy-besporjadok-put-k-mirovozzreniyu-na-osnove-dialoga> (дата обращения: 11.10.2019).

² [Электронный ресурс]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248 (дата обращения: 15.06.2018).

«Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 г.» (14.10.2016), в преамбуле которой определена зона ответственности ОДКБ: это «территории государств — членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств — членов ОДКБ»¹. Нельзя не упомянуть, в-третьих, и «Циндаоскую декларацию Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества» (10.06.2018), в которой прямо указано на то, что «государства — члены ШОС будут последовательно развивать сотрудничество в сферах политики, безопасности, торговли и экономики..., а также способствовать формированию общего видения идеи создания сообщества единой судьбы человечества»².

Иначе говоря, со стороны России и ряда евразийских организаций (с ее участием) достаточно четко определены предложения по обустройству континента в форматах «Большой Евразии», «Большого евразийского партнерства», «интеграции интеграций» и др. Эти предложения были инициированы творческим наследием отечественных евразийцев, теоретико-мировоззренческими наработками современных авторов и, наконец, официальными документами. Правда, на пути обустройства встречается разночтение сложившейся в последние годы ситуации среди ряда отечественных авторов.

Дискуссии по поводу Большой Евразии

Стоит напомнить слова П. Н. Савицкого, произнесенные им на Международном съезде историков (Варшава, 1933 г.): «Евразийцы... считают необходимым русскую историю расширить до рамок истории Евразии как особого исторического и географического мира, простирающегося от границ Польши до Великой китайской стены... евразийцы являются обоснователями в русской науке геополитического подхода к русской истории» [8, с. 126].

Осмысление феномена Большой Евразии как цивилизационного пространства по-прежнему остается дискуссионным, что подтверждается, в частности, недавними заявлениями некоторых известных ученых-международников — Владислава Иноземцева, Андрея Картунова, Алексея Куприянова и ряда других. Дело в том, что эти авторы предлагают рассматривать всю евразийскую тематику не в рамках транзита классического евразийства в неоевразийство, а с позиций совсем иного драйвера — воспринимать его с позиций глобальной трансформации политэкономической карты мира в целом. Так, В. А. Иноземцев заявляет, что мир начала XXI в. начал вновь “инстинктивно” стремиться к биполярности: одним полюсом по-прежнему выступают Соединенные Штаты и Европейский союз (в котором более проатлантическими оказываются его восточные члены), другим — Китай и примыкающая к нему Россия (? —И. К., В. Ш.)... Концепция «Большой Евразии» уязвима, поскольку она не исчерпывается только Россией и Китаем (допуская сходство их геополитических интересов) и не опирается на значимые культурно-исторические основы, тогда как концепция «Большой Европы» имеет прочный ценностно-культурный и исторический фундамент, но ей недостает геополитического и организационного оформления. Обе концепции, продолжает далее Иноземцев, по-своему «перекошены» в пространственном отношении: «В первом случае “Большая Европа” гипертрофированно перекашивается на Восток, так как большая часть России находится в Азии; во втором — “Большая Евразия” практически не имеет ничего от Европы, коль скоро Россия объявляется наследницей монголов, а Западная Европа — “малозначимой оконечностью” этой самой Евразии». «Большая стратегия», по Иноземцеву, это:

- развитие тихоокеанского побережья России, а не пресмыкательство перед Китаем;
- сближение с Европой и США;
- утверждение нашей исторической идентичности, культурной и цивилизационной близости России к основным геополитическим игрокам, указанным в предыдущим пункте.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php> (дата обращения: 10.06.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 15.06.2018).

Сегодня, завершает свои рассуждения Иноземцев, ни теория «Большой Европы», ни концепт «Большой Евразии» не могут являться действенными платформами для позиционирования России в глобальной политике XXI в., и потому «будет печально, если оно (время утверждения идеи всестороннего союза с Западом ради того, чтобы само это понятие исчезло за ненадобностью, никогда не ставилось в центр российских «больших стратегий») придет и застанет российских интеллектуалов внешней политики за собиранием новых конструкций из тех же кубиков, какими баловались еще их деды»¹. Что же касается кубиков, какими баловались «деды российских интеллектуалов», то к последним, надо полагать, Иноземцев относит основателей отечественного евразийства — упомянутого выше П. Н. Савицкого, а также С. Н. Трубецкого, Г. В. Вернадского, Н. Н. Алексеева и др. Здесь, как говорится, комментарии излишни...

В свою очередь, А. В. Картунов, пытаясь упредить «праведный гнев нынешних ортодоксов геополитики», недавно заявил, что евразийский Хартленд XXI в. находится там, где Макиндер видел «Внутренний полумесяц», — на территориях Китая и Индии, «по отношению к которым остальные части евразийского массива — Россия, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток и даже протяженный европейский полуостров азиатского материка — выступают в роли континентальных лимитрофов... судьбы Евразии зависят в первую очередь от того, как сложатся отношения в новом Хартленде — между Китаем и Индией»². Однако нельзя забывать, что Макиндер, развивая свои взгляды, сформулированные в статье «Географическая ось истории» (1904 г.), на которую ссылается Картунов, в работе «Круглая Земля и обретение мира» (*“The Round World and the Winning of Peace”*, 1943) четко определял границы Хартленда — «это северная и внутренняя часть Евро-Азии. Он простирается на юг от арктического побережья до срединных пустынь, и широкий перешеек между Балтийским и Черным морями образует его западные пределы... территория СССР эквивалентна Хартленду во всех направлениях», кроме одного, уточняет Макиндер, — на восток от Лены («земля Лены», «Леналенд»). Эта земля не входит в Россию-Хартленд [«Россию-Средоточие», *Heartland, Russia*]. Макиндер, рассуждая с позиций геополитики, четко заявлял, что Советский Союз выйдет победителем из Второй мировой войны: «Хартленд — огромнейшая естественная крепость на земле. Впервые в истории она обеспечена гарнизоном, адекватным ей и численно, и качественно» [9, с. 3–6; 10, р. 197–201]. Явным показателем способности геополитики теоретически предсказывать и обосновывать внешнюю политику и военную стратегию государств служат слова Макиндера (а речь об этом идет в 1943 г.) о необходимости открытия второго, западного фронта на основе взаимодействия Америки, Великобритании и Франции, в рамках которого первая обеспечивала бы глубину обороны, вторая служила окруженным водой передовым оплотом, а третья — удобным для обороны плацдармом, поскольку «морская мощь в своем финальном применении должна быть земноводной, если она призвана уравновесить мощь сухопутную». Более того, «необходимо, чтобы эти три победительницы (Макиндер тогда об этом заявлял вполне уверенно, хотя до открытия второго фронта пришлось ждать еще целый год. — И. К., В. Ш.) и четвертая — Россия — заручились обязательством выступить сообща и немедленно, если обозначится любая угроза нарушения мира». После такого посыла Макиндер впервые высказал суждение еще об одной великой черте всемирной географии — о некоем подобии «пояса, как бы обвитого вокруг тяготеющих к Северному полюсу регионов. Он начинается с пустыни Сахара, затем, если двигаться на восток, обретает свое продолжение в арабских, иранских, тибетских и монгольских пустынях и через пустоши «земли Лены», Аляски и Лаврентийской возвышенности в Канаде дотягивается до засушливой зоны на западе Соединенных Штатов. Этот пояс пустынь и пустошей — черта первостепенной важности во всемирной географии. Внутри него обретаются два взаимно соотнесенных явления почти равной значимости: Хартленд и бассейн Средиземного океана (Северная Атлантика) с его четырьмя придатками (Средиземным, Балтийским, Арктическим и Карибским морями). За пределами этого пояса — Великий океан (Тихий, Индийский и Южно-Атлантический) и земли, отдающие ему свою речную влагу (азиатские муссонные края, Австралия, Южная Америка и Африка к югу от

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategiy/> (дата обращения: 08.11.2018).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vossoedinenie-khartlenda-geopoliticheskaya-khimera-ili-istoricheskiy-shans/> (дата обращения: 06.02.2019).

Сахары)». Это прозрение Макиндера положило начало обоснованию геополитической концепции Римленда (Rimlend) — «Внешнего полумесяца», преемницы стратегии «Анаконды», а ныне трактуемой как «Евразийский пояс нестабильности» [2; 3, с. 22–28; 4]. Поэтому предлагаемый Кортуновым «перенос Хартленда» из своего исконного ареала в новый — «между Китаем и Индией» — вряд ли может быть признан как конструктивная основа геополитического дискурса.

В подобного рода дискурсе появилась еще одна позиция, высказанная А. В. Куприяновым и А. С. Королевым: мир стоит на пороге «Второй холодной войны» между США и Китаем, поскольку обе стороны заинтересованы в распространении своего влияния, получении доступа к ресурсам, продвижении своих товаров на рынки зависимых стран и статусе мирового гегемона в мировой рыночной системе. На географической карте «Второй холодной войны» авторы незатейливо изображают три группы стран — ведущие эту самую холодную войну (США и Китай), страны-изгои (Иран, Судан, КНДР, Куба, Сирия, Венесуэла) и “swingpowers” = «колеблющиеся державы» (Россия и Индия). Ответом на сложившуюся обстановку, которая может привести к реализации двух сценариев (холодная война так и останется холодной либо перерастет в горячую), со стороны Москвы и Нью-Дели может стать формирование неофициального, невоенного альянса «Движение мирного развития». Более того, авторы предлагают России и Индии делать «свой выбор с осторожностью: любые изменения в их позициях могут радикально изменить статус-кво, вне зависимости от того, будет это горячая или холодная война. Географическое положение России позволяет ей контролировать как сухопутные, так и водные пути Северной Евразии, в то время как Индия является ключевой силой, контролирующей маршруты Южной Евразии. Без российского участия никто не сможет воспользоваться ресурсами арктического шельфа, без Индии невозможно получить доступ к ресурсам Восточной Африки. В действительности, вместо того чтобы пытаться действовать как “колеблющиеся державы” (swingpowers), обеим странам следует стремиться к такой политике и позиционированию, которые способствовали бы построению многополярного мира. В некоторых случаях это может повлечь за собой балансирование между США и Китаем, которое будет требовать от Дели и Москвы создания коалиций для решения конкретных задач, что позволило бы предотвратить формирование однополярных или биполярных механизмов... Если Россия (внимание! — *И. К., В. Ш.*) вступит в союз с Китаем, он чрезвычайно усилится; если США вступят в союз с Индией, позиции Китая очень ослабнут. Если Россия или Индия внезапно примкнут к США, это будет означать поражение Китая, которому придется забыть о своих морских амбициях и заняться укреплением границы. Если Россия и Индия решат встать на сторону Китая, это будет означать поражение США, потому что ресурсы Китая станут неисчерпаемы» [5, с. 8–9]. Что же касается геоэкономических трендов, для них авторы уготовили схему сотрудничества, иницилируемую Raisina Dialogue — ежегодной конференцией по проблематике геополитики и геоэкономики, проводимой в Нью-Дели с 2016 г. на площадке независимого мозгового центра Observer Research Foundation при поддержке Министерства иностранных дел Индии: «Россия и Индия являются лидерами таких блоков: в случае России это Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в случае Индии — Южно-Азиатская ассоциация регионального сотрудничества (СААРК) и Инициатива стран Бенгальского залива по многоотраслевой технико-экономической кооперации (БИМСТЕК)» [5, с. 15].

Так уважаемые аналитики-международники раскладывают на политической карте мира геополитические кубики, треугольники, диполи для объяснения того, как формировать полицентричное мироустройство без какого-либо учета уже действующих соглашений в рамках ЕАЭС, ШОС, проектов «Один пояс — один путь» и «Север-Юг», Большого евразийского партнерства, которое, в частности, нацелено на коалиционное взаимодействие ЕАЭС и ЕС.

На пути к геополитическому и геоэкономическому взаимодействию ЕС и ЕАЭС

На пути геополитического и геоэкономического взаимодействия ЕС и ЕАЭС, несмотря на многочисленные заявления европейских и российских политиков о необходимости тесного сотрудничества, по-прежнему остается гораздо больше шипов, чем лепестков роз. Еще четыре года назад И. С. Иванов отмечал, что «стало модным заявлять о том, что на место Большой Европы от Лиссабона до Владивостока приходит

Большая Евразия от Шанхая до Минска. И хотя контуры Большой Евразии пока остаются зыбкими и во многих отношениях неясными, нельзя не видеть объективный и долговременный характер процессов становления новой транснациональной экономической и политической конструкции. Евроатлантика и Евразия оформляются как новые центры глобального притяжения, а отношения между ними превращаются в главную ось мировой политики будущего... Перед нами стоит задача определить такие правила игры между Евроатлантикой и Евразией, которые бы свели к минимуму риски неконтролируемой конфронтации, создали бы возможности для диалога и сотрудничества в решении общих проблем и восстановления управляемости международной системы»¹. Это заявление следует рассматривать, на наш взгляд, как констатацию тех реалий, которые означали наступление новой геополитической эпохи современного мироустройства — Past Cold War, выразившейся в коренных изменениях системы международных отношений. Эти изменения, в свою очередь, обусловили переформатирование коалиций государств и глобальных регионов [1; 6]. В таком формате, очевидно, следует анализировать отношения между двумя макрорегионами Большой Евразии — Евроатлантикой и Евразией — с позиций, в первую очередь, Евросоюза, с одной стороны, и ЕАЭС и ШОС — с другой.

Позиция Евросоюза зафиксирована в ряде документов последних лет. Так, к примеру, в «Глобальной стратегии Европейского союза по внешней политике и политике безопасности» (A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy, June, 2016) стоит обратить внимание на следующие позиции, сформулированные авторами данного документа:

- Мы переживаем экзистенциальный кризис как внутри Европейского союза, так и за его пределами. Наш союз под угрозой.
- Наш европейский проект, принесший с собой беспрецедентный мир, процветание и демократию, ставится под сомнение.
- К востоку от наших границ была нарушена Европейская система безопасности.
- Когда речь идет о коллективной обороне, НАТО остается главной структурой для большинства стран — членов ЕС.
- ЕС будет укреплять сотрудничество с Североатлантическим альянсом на базе взаимодополняемости, синергии и полного соблюдения институциональных основ, инклюзивности и автономности обеих сторон при принятии решений.
- Нарушение Россией международного права и дестабилизация ситуации на Украине наряду с затяжными конфликтами в регионе Черного моря стали вызовом для основ Европейской системы безопасности.
- Поддержание отношений с Россией представляет собой одну из стратегических задач... ЕС и Россия зависят друг от друга. Поэтому мы будем взаимодействовать с Россией, чтобы обсуждать разногласия и сотрудничать в тех случаях, когда наши интересы пересекаются.
- В этом хрупком мире одной «мягкой» силы недостаточно: мы должны повысить нашу эффективность в сфере безопасности и обороны².

Стоит обратить внимание на сам тон документа: речь в нем идет об «экзистенциальном кризисе» и о некоей угрозе по отношению к ЕС, но не говорится — с чьей стороны. «К востоку от наших границ была нарушена Европейская система безопасности», стоит только догадываться — с чьей. Обвинение в адрес России в нарушении международного права сопровождается призывом не только к укреплению сотрудничества ЕС с НАТО, но и к взаимодействию с Россией как решению стратегической задачи, поскольку «ЕС и Россия зависят друг от друга». Более того, в двух последующих отчетах (за 2017 и 2018 гг.) о ходе реализации «Глобальной стратегии ЕС (EUGS)» мы не встретим ни слова о том, как решается стратегическая задача взаимодействия с Россией. Разве только что когда речь заходит о публичной дипломатии, то упоминается

¹ Иванов И. С. Закат Большой Европы. Выступление на XX ежегодной конференции Балтийского форума «США, ЕС и Россия — новая реальность» [Электронный ресурс], 12 сентября 2015 г., Рига, Латвия. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Zakat-Bolshoi-Evropy-17680> (дата обращения: 30.09.2019).

² Shared Vision, Common Action: a Stronger Europe a Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. 56 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://europa.eu/globalstrategy/en> (дата обращения: 10.09.2019).

проект OPEN EU Neighbours South (открыть ЕС южным соседям), включающий цифровую кампанию, целью которой является информирование миллиона молодых людей о предлагаемых ЕС возможностях, а также работа в программах сети Жан Моне и Erasmus¹.

В ответ на призывы российских политических лидеров к тесному сотрудничеству России, ЕАЭС и ЕС дал ответ президент Франции Э. Макрон, выступив 27 августа 2019 г. на встрече с послами Франции. «Международный порядок, — заявил он, — потрясен беспрецедентным образом, но особенно, если можно так выразиться, великим переворотом, который, вероятно, произошел впервые в нашей истории, примерно во всех областях, с глубокой исторической величиной. Это, прежде всего, геополитическая трансформация и стратегическая перестройка. Мы, вероятно, переживаем конец западной гегемонии над миром... Давайте посмотрим на Индию, Россию и Китай. У них гораздо более сильное политическое вдохновение, чем у европейцев сегодня... И поэтому все, что приходит, очень глубоко потрясает нас и перетасовывает карты». Макрон видит силу внешней политики Франции в наличии союзников в каждом регионе мира и в том, что «мы не та сила, которая считает, что враги наших друзей обязательно наши враги или что нам запрещено разговаривать с ними», указывая при этом на США как на «важного союзника». Однако особого внимания заслуживает его заявление об отношении Франции к России. Говоря о проекте воссоздания европейской цивилизации, Макрон четко определил свою позицию: «мы не можем сделать это без переосмысления наших отношений с Россией... отталкивание России от Европы является глубокой стратегической ошибкой, потому что мы подталкиваем Россию либо к изоляции, которая усиливает напряженность, либо к союзу с другими великими державами, такими как Китай... Я считаю, что нам нужно построить новую архитектуру доверия и безопасности в Европе, потому что европейский континент никогда не будет стабильным, никогда не будет безопасным, если мы не успокоим и не проясним наши отношения с Россией»².

Надо полагать, заявления подобного рода должны быть взяты за основу взаимодействия не только Франции и России, но и в целом Евросоюза и Евразийского экономического союза. Призыв к необходимости в инициативном порядке долгосрочного прогнозирования отношений России с Евросоюзом должен, очевидно, найти ответ со стороны руководства Евросоюза и европейских лидеров. Судя по заявлению Макрона, мяч на их стороне. Однако этот мяч руководство Евросоюза направляет в другую сторону — в Центральную Азию без какого-либо упоминания о том, что ряд государств этого региона связаны обязательствами своего участия в ЕАЭС. Обратимся к документам последнего времени. Так, осенью 2018 г. Европейским союзом была обнародована новая «Стратегия экономического сопряжения Европы с Азией»³, в которой были определены конкретные направления деятельности ЕС для включения государств центральноазиатского региона в зону своих интересов — строительство инфраструктуры, в т. ч. продления Транс-Европейской транспортной сети (Trans-European Transport Network, TEN-T), обмен данными, интеграция сообщества и др. Особое внимание стало уделяться Каспийско-Черноморскому региону⁴. Обратим внимание на карту (см. рис. 1 на стр. 16), на которой четко просматриваются возможные выходы «коридоров» этой сети на северо-западной, западной и юго-западной границах России. Однако указанная Стратегия вполне сознательно предполагает обход этих границ с целью выхода в Центральноазиатский регион, очевидно для того, чтобы реализовать иные возможности в рамках глобальной экономики: «ЕС и Азия должны обеспечить эффективную и устойчивую связь. Связность, совместимость способствует экономическому росту и созданию рабочих мест, глобальной конкурентоспособности и торговле, а также перемещению людей, товаров и услуг между Европой и Азией»⁵. Причем Стратегия в Азии вытекает из рассмотренной выше EUGS.

¹ The EU Global Strategy — Year 1 [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/topics/eu-global-strategy/49750/eu-global-strategy—year-1_en 10/01/2017 (дата обращения: 15.10.2019); EU Global Strategy report — Year 2: a Year of Action to Address “Predictable Unpredictability” [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/topics/eu-global-strategy/47277/eu-global-strategy-report-year-2-year-action-address-predictable-unpredictability_en 25/06/2018 (дата обращения: 15.10.2019).

² Discours de M. Emmanuel Macron, Président de la République, à la XXVIe édition de la Conférence des ambassadeurs et ambassadrices [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2018/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs> (дата обращения: 10.10.2019).

³ Connecting Europe and Asia. Building Blocks for an EU Strategy. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2018. 12 p.

⁴ [Электронный ресурс]. URL: <http://casp-geo.ru/novaya-strategiya-es-po-tsentralnoj-azii-i-kaspijskij-region/> (дата обращения: 20.10.2019).

⁵ [Электронный ресурс]. URL: <http://casp-geo.ru/novaya-strategiya-es-po-ekonomicheskomu-sopryazheniyu-s-aziej/> (дата обращения: 20.10.2019).

«Чем больше между нами связей, тем больше у нас возможностей для выработки совместных политических решений, для обеспечения экономического процветания граждан, — заявила Верховный представитель ЕС Ф. Могерини во время принятия Совместного коммюнике Европейской комиссии и Верховного представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности (19 сентября 2018 г.), в котором было представлено видение ЕС новой всеобъемлющей стратегии по наращиванию связей между Европой и Азией. — Мы используем подход Европейского союза: установить тесные контакты и укрепить партнерство для обеспечения устойчивой взаимосвязанности во всех секторах, на основе уважения общих правил. Это и есть европейский путь, позволяющий преодолевать вызовы и не упускать открывающиеся возможности, на благо жителей и Европы, и Азии». Следом за Могерини ее коллега, заместитель Председателя Европейской комиссии по вопросам занятости, экономического роста, инвестиций и конкурентоспособности Ю. Кайтайнен раскрыл истинный интерес Евросоюза: «Мы хотим сотрудничать с нашими партнерами из Азии, чтобы расширить связи между Европой и Азией, на основе наших ценностей и нашего подхода. Инфраструктурные объекты, которые будут построены, должны быть согласованными, функционально совместимыми, а также обладать финансовой и экологической устойчивостью. Тендерные процедуры должны быть открытыми и транспарентными, чтобы обеспечить надлежащее управление и равные условия. Именно такой подход является эффективным; именно такой подход востребован странами Азии, Восточного партнерства, Западных Балкан и другими странами мира»¹. Не далее как в мае 2019 г. Евросоюз принимает очередной документ — «The EU and Central Asia: New Opportunities for a Stronger Partnership» («ЕС и Центральная Азия: новые возможности для более крепкого партнерства»), в котором получили развитие ранее принятые решения по стратегическому внедрению Евросоюза в ряд центральноазиатских государств:

- Европейский союз (ЕС) и пять стран Центральной Азии (Казахстан, Кыргызская Республика, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан) имеют давние отношения, основанные на тесных взаимных интересах.
- Стратегия ЕС по Центральной Азии 2007 г. помогла ЕС и Центральной Азии достичь беспрецедентного уровня сотрудничества.
- Стратегическое географическое положение Центральной Азии на перекрестке Европы и Азии, ее доля в импорте энергии в ЕС и рыночный потенциал в семьдесят миллионов жителей, а также заинтересованность ЕС в региональной безопасности сделали Центральную Азию еще более важным партнером ЕС.
- Процессы реформ в регионе вызвали призывы к политическому признанию и поддержке модернизации со стороны ЕС².

Судя по подобным заявлениям, представители разных ведомств Евросоюза строят свою политику, пока еще никак не ориентированную на установление партнерских отношений с ЕАЭС и китайским проектом «Один пояс — один путь». Предлагаемый Россией проект Большого евразийского партнерства пока еще не находит должного отклика со стороны Евросоюза. Поэтому сохраняют свою актуальность, во-первых, геополитическая и геоэкономическая проработка и экспертиза разрабатываемых проектов Большого евразийского партнерства от Лиссабона до Владивостока. Во-вторых, назрела необходимость разработки теоретико-методологических оснований и стратегии глобальной безопасности в условиях антропоцена как новой эпохи в геологической истории Земли и разворачивающейся промышленной революции 4.0. В-третьих, учитывая, что одной из основных сфер глобальной безопасности является кибер- и информационно-психологическая безопасность, идеологическая война, присущая эпохе холодной войны, переросла в упомянутую выше геополитическую эпоху Past Cold War — в «войну нарративов», охватывающую информационное пространство, мысли и чувства человека, его мировоззрение, идейные ценности, установки, ориентиры. Война идей и ценностей переместилась в киберпространство. Недавно составители последнего доклада «Глобальные риски» (The Global Risks Report) в числе шоков буду-

¹ Connecting Europe and Asia — Building blocks for an EU Strategy [Электронный ресурс]. URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage_ru/50894 (дата обращения: 19.10.2019).

² [Электронный ресурс]. URL: https://ec.europa.eu/europeaid/news-and-events/european-union-and-central-asia-new-opportunities-stronger-partnership_en (дата обращения: 10.09.2019).

щего указывают на «Цифровой паноптикум» (Digital panopticon), который способен обеспечить социальный контроль над миллиардами человеческих жизней. Человечество движется в мир, «в котором все, что нас окружает, захватывается, сохраняется и подвергается воздействию алгоритмов ИИ» [11, р. 70]. Подобного рода ИИ (искусственный интеллект) способен производить и фабриковать фейковые новости, что делает аудиторию более уязвимой для манипуляции и безвольной в идеологическом противоборстве. Поэтому в основу предлагаемого проекта Большого евразийского партнерства необходимо закладывать не только геополитические и геоэкономические параметры коалиционного взаимодействия, но и ценностные и смысловые ориентиры партнерства, объединяющие интересы народов разнородного цивилизационного социума Евразийского континента.

Литература

1. Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Глобальный Евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 424 с.
2. Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки. Итоги 2016 г. / Под ред. В. Н. Колотова. СПб. : ИПК НП-Принт, 2017. 833 с.
3. Кефели И. Ф. Евразийская дуга нестабильности // Армейский сборник. 2018. № 5 (май). С. 22–28.
4. Кефели И. Ф., Кузнецов Д. И. Евразийский вектор глобальной геополитики. М. : ЮРАЙТ, 2018. 274 с.
5. Курпьянов А. В., Королев А. С. Евразийская хорда, океанское кольцо. Россия и Индия как третья сила нового миропорядка. Фонд развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», сентябрь 2019 г. 20 с. С. 8–9.
6. Лагутина М. Л. Мир регионов в мировой политической системе XXI века. СПб. : Изд-во С.-Петерб. Политех. ун-та, 2016. 300 с.
7. Ламанский В. И. Геополитика панславизма / Сост., предисл., комментарии И. В. Климаков / Отв. ред. О. А. Платонов. М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. 928 с. С. 185–186, 199–200.
8. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. 464 с. С. 126.
9. Хэлфорд Макиндер. Круглая Земля и обретение мира (перевод и комментарии Вадима Цымбурского) // Космополис. 2007. № 16. С. 3–6.
10. Mackinder Halford John, Sir. Democratic Ideals and Reality: a Study in the Politics of Reconstruction / by Sir Halford J. Mackinder; [edited by and] with a new introduction by Stephen V. Mladineo. NDU Press defense classic ed., 1996. P. 197–201.
11. The Global Risks Report 2019, 14th Edition, is published by the World Economic Forum. Geneva, 2019. 108 p.

Об авторах:

Кефели Игорь Федорович, доктор философских наук, профессор, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), эксперт РАН; geokefeli@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович, доктор экономических наук, директор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); shamakhov-va@szu.ranepa.ru

About the authors:

Igor F. Kefeli, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Director of the Center for Geopolitical Expertise of North-West Institute of Management of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Expert RAS; geokefeli@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Doctor of Science (Economics), Director of the North-West Institute of Management — a Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); shamakhov-va@szu.ranepa.ru

ЕАЭС и китайская инициатива «Один пояс — один путь»: новые возможности сотрудничества

Шухно С. С.

Департамент развития интеграции Евразийской экономической комиссии, Москва, Российская Федерация; dept_integration@eecommission.org

РЕФЕРАТ

В прошлом и текущем годах страны ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия и правительство Китайской Народной Республики подписали важные в контексте современного развития взаимодействия документы — Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве и Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы ЕАЭС и Китайской Народной Республики. Какова подоплека выхода на эти договоренности и каково их содержание? Как они будут работать? Какие существуют проблемы в развитии торгово-экономического сотрудничества между странами ЕАЭС и КНР сегодня? Какие открываются перспективы? Как и какие задачи совместно с китайскими партнерами мы будем решать завтра? Поиску ответов на эти и другие вопросы посвящена настоящая статья.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, регионализация, «Один пояс — один путь», Европейский союз, Большое Евразийское партнерство

EAEU and China's One Belt, One Way Initiative: New Opportunities for Cooperation

Sergey S. Shukhno

Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation; dept_integration@eecommission.org

ABSTRACT

In the past and current years, the EAEU countries, the Eurasian Economic Commission and the Government of the People's Republic of China signed documents important in the context of modern development of cooperation — the Agreement on Trade and Economic Cooperation and the Agreement on the Exchange of Information on Goods and International Transport Vehicles Moving Through the EAEU Customs Borders and the People's Republic of China. What is the reason for reaching these agreements and what is their content? How will they work? What are the problems in the development of trade and economic cooperation between the EAEU countries and the PRC today? What are the prospects? What tasks and how will we deal with our Chinese partners tomorrow? This article is dedicated to finding answers to these and other questions.

Keywords: Eurasian Economic Union, regionalization, One belt, one way, European Union, Big Eurasian Partnership

Понятие «регионализация мировой экономики» — один из популярных экономических терминов настоящего времени. По оценкам экспертов, насчитывается около 300 нотифицированных в ВТО региональных торговых соглашений. При этом увеличивается число торговых договоров с вовлечением более чем двух стран или с участием торговых блоков. Одновременно меняется механизм регионализации. Если до начала 2010-х гг. развитие этого процесса носило эволюционный характер — через увеличение числа и расширение наполнения региональных торговых соглашений, то запуск и активное ведение

переговоров по мегарегиональным торговым договорам дали толчок к масштабной трансформации всего мирового торгово-экономического ландшафта.

Евразийский экономический союз (далее — Союз) — организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью, имеет необходимый арсенал возможностей реагировать на складывающуюся ситуацию и с выгодой для своих государств-членов ее использовать. Заложенные при создании Союза инструменты позволяют ему позиционировать себя в международной торговой системе и налаживать взаимодействие с существующими региональными торговыми блоками и их участниками, обеспечивать устойчивость к внешним шокам и дальнейшее поступательное развитие национальных экономик стран ЕАЭС. Ключевое условие для этого — многовекторность и диверсификация внешнеэкономических связей. В орбите интересов ЕАЭС находится формирование Большого евразийского партнерства, участниками которого могли бы стать ключевые интеграционные объединения региона: ШОС (Шанхайская организация сотрудничества), АСЕАН (Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, англ. *ASEAN — Association of South East Asian Nations*), ЕС и национальные экономики.

ШОС сегодня является важной компонентой межгосударственного взаимодействия и региональной интеграции в Евразии. Наряду с Китаем и Индией три из пяти государств — членов ЕАЭС (Казахстан, Кыргызстан, Россия) входят в это объединение. Республика Армения имеет статус партнера по диалогу с ШОС, Республика Беларусь — статус наблюдателя. АСЕАН стала первым интеграционным объединением региона, с которым ЕЭК установила прямой диалог в формате «объединение — объединение». Соответствующий меморандум ЕЭК и АСЕАН заключили в ноябре 2018 г. в Сингапуре.

Европейский союз — крупнейший торгово-экономический партнер ЕАЭС и источник инвестиций и технологий. ЕС как мощное интеграционное объединение является центром приложения усилий Союза по налаживанию межблокового диалога с выходом на восстановление взаимовыгодного экономического сотрудничества, а также для поиска путей практической реализации концептуальных идей «интеграции интеграций» и создания общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока. Как известно, в октябре 2011 г. лидеры «интеграционной тройки» выступили в «Известиях» с программными статьями, в которых изложили видение задач и перспектив евразийской экономической интеграции. Именно тогда в евразийский политический лексикон вошла формула современного международного взаимодействия — «интеграция интеграций». Президент Республики Беларусь А. Лукашенко отметил тогда, что сотрудничество интеграционных объединений, активно набирающих динамику развития, должно стать наиболее перспективным направлением в расширении внешних связей ЕАЭС. Идею создания единого экономического пространства от Лиссабона до Владивостока предложил В. Путин в ноябре 2010 г. в статье «Россия и Европа: от осмысления уроков кризиса — к новой повестке партнерства», которая была опубликована в газете «Зюддойче цайтунг» в преддверии его визита в Германию. В. Путин призвал к созданию единого европейского экономического пространства: «В будущем может встать вопрос о создании зоны свободной торговли и еще более продвинутых форм интеграции. Действительно, тогда может возникнуть общий континентальный рынок, объем которого составят миллиарды евро».

Мы рассчитываем строить этот диалог, основываясь на тесных и равноправных отношениях, но уже во всем регионе Большой Европы. При этом Союз должен также внимательно следить за развитием других интеграционных инициатив в Евразии, в частности, Всеобъемлющего регионального экономического партнерства, о создании которого ведут переговоры Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия, а также другими проектами.

Все сказанное выше обосновывает позитивное восприятие и поддержку странами ЕАЭС предложенной в 2013 г. Китаем инициативы «Один пояс — один путь», предусматривающей реализацию проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI в.». Масштаб китайской инициативы уникален. Это — создание трех трансевразийских экономических коридоров и двух морских маршрутов, охватывающих большую часть Евразии и соединяющих развивающиеся страны, в том числе «новые экономики», и развитые страны. На территории реализации мегапроекта сосредоточены богатейшие запасы ресурсов, проживает $\frac{2}{3}$ населения планеты, а предположительный экономический

потенциал проекта превышает 20 трлн долл. Необходимо отметить, что заявленное китайской стороной видение Шелкового пути как идеологии совместного развития региона за счет укрепления и диверсификации взаимодополняющих экономических и культурных связей во многом совпало с философией создания и развития единого рынка самого ЕАЭС. В этой связи странами Союза и Китаем поддержана концепция Сопряжения развития ЕАЭС и инициативы «Один пояс — один путь». В мае 2015 г. подписано Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути, провозгласившее запуск прямого диалога между КНР и ЕАЭС.

Китай традиционно является важнейшим торговым партнером для государств — членов ЕАЭС (рис. 1). Для России и Кыргызстана КНР — первый торговый партнер, для Армении — второй (после России), для Беларуси — третий (после России и Украины), для Казахстана — третий (после России и Италии). Для торговли стран ЕАЭС с Китаем характерно отсутствие такого существенного и длительного снижения показателей, которое наблюдалось с другими торгово-экономическими партнерами в кризисные годы. В 2018 г. товарооборот государств — членов ЕАЭС с КНР увеличился на 16,8% (до 126,3 млрд долл.). По данным за первое полугодие 2019 г., рост объемов торговли сохраняется. Товарооборот вырос на 4% (до 60,5 млрд долл.). По итогам 2019 г. он имеет хорошие шансы превысить 130 млрд долл. Это будет рекордом в новейшей истории торгово-экономических отношений стран ЕАЭС и КНР. Однако торговля распределена между странами ЕАЭС неравномерно. Около 85% ее объема приходится на Россию, порядка 10% — на Казахстан, 3% — на Беларусь, менее 2% — на Кыргызстан и менее 1% — на Армению.

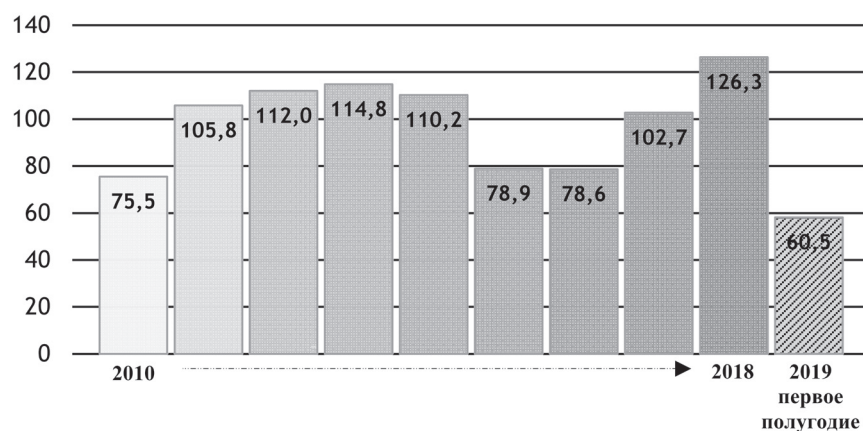

Рис. 1. Динамика торговли государств — членов ЕАЭС с КНР, млрд долл. США

Источник: Статистика ЕЭК

К настоящему времени не в полной мере сбалансирована структура взаимной торговли стран ЕАЭС и КНР (рис. 2). В союзном экспорте более 72% — минеральные продукты; около 7,6% — древесина и целлюлозно-бумажные изделия; немногим менее 6% — металлы и изделия из металлов; 4% — продукция химической промышленности, каучук и резина. На такую критически важную составляющую внешней торговли для ЕАЭС, как машины, оборудование и транспортные средства, пока приходится лишь порядка 3% экспорта. В структуре импорта ЕАЭС из Китая, напротив, преобладают машины, оборудование и транспортные средства — 54,8% импорта. Доля других товарных групп не так велика, хотя их абсолютные показатели также внушительные и нередко превышают объемы товарооборотов с некоторыми странами: текстиль, текстильные изделия и обувь — 7 млрд долл. (12,2% импорта), продукция химической промышленности, каучук — 5 млрд долл. (10,3% импорта), металлы и изделия из них — 5 млрд долл. (8,1% импорта), продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного) — 2 млрд долл. (3,5% импорта).

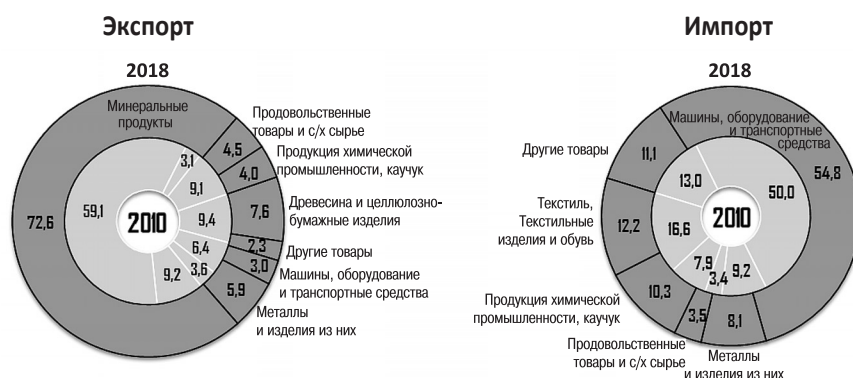

Рис. 2. Структура торговли государств — членов ЕАЭС и КНР

Источник: Статистика ЕЭК

Именно структура торговли ЕАЭС с Китаем говорит об имеющихся резервах дальнейшего развития торгово-экономических отношений. Правительство КНР придает большое значение взаимодействию с Союзом, проявив интерес к сотрудничеству с Евразийской экономической комиссией фактически с момента ее образования. Еще до запуска ЕАЭС начал формироваться правовой базис взаимодействия с КНР. В декабре 2012 г. были заключены Меморандум о сотрудничестве по вопросам торговли между ЕЭК и Министерством коммерции КНР, а также Меморандум о сотрудничестве в области применения антидемпинговых, компенсационных и специальных защитных мер между ЕЭК и Министерством коммерции КНР. Дальнейшее поступательное развитие торгово-экономического взаимодействия стран Союза и Китая, базирующееся на новых принципах, может способствовать эффективному задействованию резервов.

Во-первых, это возможность привлечения китайских прямых инвестиций для усиления экономического, транспортно-транзитного, энергетического, производственно-технологического, аграрного потенциала стран ЕАЭС, а также интеграционного потенциала ЕАЭС в целом. По некоторым оценкам, возможный объем накопленных китайских прямых инвестиций в экономики стран ЕАЭС в рамках инициативы «Один пояс — один путь» с учетом кумулятивного эффекта может достичь 250–300 млрд долл. в течение ближайших двадцати лет.

Во-вторых, это расширение экспортного потенциала ЕАЭС, в том числе на китайском направлении, а также формирование новых производственных цепочек с использованием технологического потенциала стран ЕАЭС и КНР в высокотехнологичных областях производства. Кроме того, реализация указанной китайской инициативы может стать основой для дальнейшего формирования институционально-правовой среды экономического взаимодействия ЕАЭС и КНР.

У каждой из сторон сопряжения — и у ЕАЭС, и у КНР есть свои интересы и ожидания от участия в реализации инициативы. Китай в первую очередь стремится решить задачи, связанные с открытием новых рынков сбыта, ускорения экономического развития регионов, обеспечения энергетической безопасности. Интересы Союза не менее амбициозны, что во многом объясняется широким спектром национальных приоритетов государств — членов ЕАЭС во взаимодействии с КНР. В частности, Армения в том числе заинтересована в развитии энергетической, транспортной и производственной инфраструктуры, увеличении экспорта и улучшении его структуры. Беларусь среди прочего стремится привлечь китайский капитал для реализации производственных проектов на территории страны, а также реализовать транзитный потенциал, продвинуть на китайский рынок белорусские инженеринговые, компьютерные и прочие высокотехнологичные услуги. Ключевым элементом развития сотрудничества с КНР является реализация проекта Китайско-Белорусского индустриального парка «Великий камень».

Одним из ключевых интересов Казахстана является реализация программы «Нурлы Жол» («Светлый путь»), которая направлена на развитие транзитного транспортного коридора и создание логистических центров на территории Казахстана, упрощение торговли, модернизацию казахстанской промышленности, международное сотрудничество в области наукоемких отраслей и секторов высоких

технологий, а также на сотрудничество в сельском хозяйстве. Проект сопряжения для Кыргызстана — это возможность развития транспортно-логистической компоненты национальной экономики, реализации совместных проектов в различных сферах экономики, а также получения доступа к китайским кредитам и инвестициям.

Повестка сотрудничества России и Китая также обширна и многогранна. Москва заинтересована в расширении доступа своей продукции на рынок Китая, диверсификации структуры экспорта за счет несырьевых товаров, в загрузке транспортной инфраструктуры и реализации масштабных производственных проектов и др. При этом чрезвычайно важны общие интересы в контексте участия ЕАЭС как интеграционного объединения в реализации инициативы «Один пояс — один путь». В их числе: создание условий для устойчивого экономического развития стран ЕАЭС посредством формирования благоприятных условий для их интеграции в мировую экономику, создание новых рабочих мест в производственном секторе, реализация транзитного потенциала Союза и усиление инфраструктурной взаимосвязанности в регионе, привлечение китайских прямых инвестиций, укрепление экспортного потенциала и получение доступа на новые рынки сбыта продукции и услуг. Важным итогом на треке взаимодействия ЕАЭС и КНР явилось подписание 17 мая 2018 г. Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР (далее — Соглашение). Соглашение явилось базовым документом, который установил фундаментальные принципы торговли товарами между ЕАЭС и Китаем. Кроме того, в рамках Соглашения будут созданы принципиально новые форматы сотрудничества по отраслевой повестке, предусматривающие взаимодействие в конкретных отраслях экономики с выходом на реализацию совместных инвестиционных проектов, к примеру, в сфере транспорта, энергетики, сельского хозяйства и т. д. При этом Соглашение не является преференциальным.

Отдельно необходимо остановиться на некоторых ключевых положениях Соглашения. Так, в главе «Общие положения» установлен юридический режим торговли между Союзом и Китаем. Например, Республика Беларусь, которая не входит в ВТО, в торгово-экономических отношениях с Китаем принимает гарантии выполнения ключевых принципов ВТО — режима наибольшего благоприятствования и национального режима.

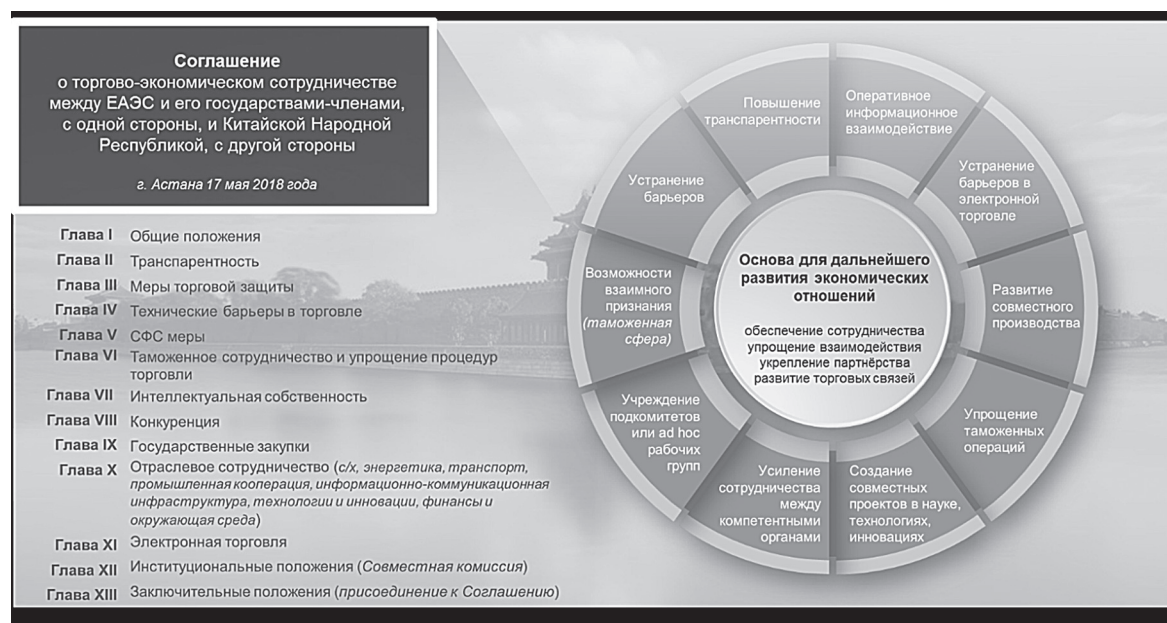

Рис. 3. Структура Соглашения

Источник: Материалы ЕЭК

В главе «Транспарентность» предусмотрен механизм заблаговременной специальной нотификации о мерах, которые могут ограничить торговлю. Есть и предпосылки к преодолению «языковых торговых барьеров» — ожидается, что существенным объемом информации о торговом регулировании стороны будут обмениваться с переводом на английский язык. В рамках реализации главы «Технические барьеры в торговле» планируется обеспечить адаптационный период между принятием технического регламента или процедуры оценки соответствия и их вступлением в силу. Кроме того, срок, который стороны должны предоставить друг другу для того, чтобы прокомментировать предложенный проект регулирующего документа, как предполагается, будет составлять не менее 60 дней. Это позволит компетентным органам снизить риски установления барьеров во взаимной торговле.

В главе «Санитарные, ветеринарно-санитарные и карантинные фитосанитарные меры», помимо прочего, вводится обязательство по предоставлению непосредственно импортеру или его представителю письменного объяснения причин задержания его товаров на границе при выявлении несоответствия санитарным, ветеринарно-санитарным и карантинным фитосанитарным требованиям (СФС-требования). Таким образом, снижается вероятность необоснованных задержек товаров из ЕАЭС при ввозе в Китай и сокращается время на устранение выявленных проблем.

Глава «Таможенное сотрудничество и упрощение процедур торговли» предусматривает создание механизмов, направленных на содействие деловым кругам во взаимной торговле (создание информационных центров, принятие предварительных решений и пр.). Глава также определяет направления сотрудничества между таможенными органами государств-членов и КНР.

Глава «Интеллектуальная собственность» включает набор положений, касающихся как общих правил охраны и защиты прав интеллектуальной собственности, так и специальных вопросов отдельных ее объектов. Зафиксированы обязательства сторон по предоставлению доступа к документам, необходимым для регистрации того или иного объекта интеллектуальной собственности, а также определены положения, направленные на борьбу с торговлей контрафактной продукцией.

В рамках главы «Отраслевое сотрудничество» определены как непосредственно сферы развития сотрудничества между ЕАЭС и КНР (сельское хозяйство, энергетика, транспорт, промышленная кооперация, технологии и инновации, информационная и коммуникационная инфраструктура, финансы и окружающая среда), так и формы сотрудничества.

В главе «Электронная торговля» закреплены положения по защите прав потребителей и их персональных данных в области электронной торговли. Также заложены основы для расширения использования электронных документов и взаимного признания методов электронной аутентификации.

В Соглашении определен механизм взаимодействия сторон в будущем. В приложении к Соглашению прописаны процедуры работы Совместной комиссии под руководством двух сопредседателей — один от ЕАЭС и государств — членов Союза, представленный на уровне члена Коллегии (министра) ЕЭК, другой — от правительства КНР. Для реализации норм, заложенных в Соглашении, ЕЭК совместно с государствами — членами ЕАЭС и КНР будет необходимо:

- учредить указанную выше Совместную комиссию, а также подкомитеты или рабочие группы по отдельным тематикам;
- назначить контактных лиц или экспертов сторон для обеспечения информационного обмена, организации консультаций, осуществления предусмотренных Соглашением направлений сотрудничества;
- реализовать «спящие» нормы Соглашения (к примеру, в рамках главы «Технические барьеры в торговле» заложена серьезная основа для дальнейшего заключения между Союзом и Китаем секторальных соглашений, направленных на устранение технических барьеров в торговле между сторонами; в рамках главы «Таможенное сотрудничество и упрощение процедур торговли» зафиксирована возможность заключения соглашения по электронному информационному обмену о товарах и транспортных средствах, перемещаемых через таможенную границу ЕАЭС и Китая).

В качестве следующего шага для развития торгово-экономического сотрудничества китайская сторона неоднократно подтверждала заинтересованность в переходе к преференциальному режиму

торговли с ЕАЭС, для чего, в свою очередь, требуется масштабная работа по оценке и сопоставлению выгод и рисков для каждого из государств — членов Союза как в разрезе секторов и отраслей, так и в разрезе конкретных товаров. Именно такая работа проводится в ЕАЭС, когда принимается решение о создании зоны свободной торговли с тем или иным государством.

Все стороны Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, выполнили необходимые ратификационные процедуры, и 25 октября 2019 г. оно вступило в силу. Другой важный трек сотрудничества Союза и КНР получил развитие даже раньше, чем старт переговоров по торгово-экономическому Соглашению. Это Соглашение об обмене информацией о товарах и транспортных средствах международной перевозки, перемещаемых через таможенные границы ЕАЭС и КНР, подписанное в Санкт-Петербурге 6 июня 2019 г. Соглашение предназначено в первую очередь для ускорения процедуры таможенного оформления товаров, ввозимых на таможенные территории Союза и КНР, а также товаров, перемещаемых транзитом. Применение Соглашения упростит процедуры международной торговли и будет способствовать развитию более глубоких экономических отношений между ЕАЭС и Китаем, ускорит процедуры таможенного оформления товаров, ввозимых на таможенные территории Союза и КНР, а также повысит транзитную привлекательность стран — участниц Соглашения. Для реализации Соглашения необходимо подписать Протокол между центральными таможенными органами государств — членов ЕАЭС и Главным таможенным управлением КНР. Документ определит условия и технические особенности реализации обмена информацией.

КНР стала второй страной, с которой ЕАЭС начнет обмениваться таможенной информацией (ранее ЕАЭС договорился об аналогичном электронном обмене с Вьетнамом в рамках действующего Соглашения о свободной торговле). Соглашение об обмене информацией будет реализовано в несколько этапов и в определенном смысле дополнит торгово-экономическое соглашение. На первом этапе таможенные службы стран ЕАЭС и КНР будут обмениваться информацией исключительно о товарах, которые экспортируются из стран ЕАЭС в КНР и из КНР в страны ЕАЭС, а также о транспортных средствах, которые перевозят такие товары. Обмен информацией будет осуществляться в отношении товаров, перемещаемых через согласованные сторонами автомобильные пункты пропуска по отдельным товарным позициям. По достижении технической готовности таможенных служб объем информации для обмена расширится. Стороны также планируют использовать данные о товарах и транспортных средствах международной перевозки, полученные в ходе обмена информацией, для повышения эффективности в сфере управления рисками и совершенствования форм таможенного контроля. К реализации первого этапа ЕАЭС и КНР должны приступить не позднее июня 2020 г. Соглашение вступит в силу по истечении 60 дней с даты получения последнего уведомления о выполнении внутригосударственных процедур странами ЕАЭС и КНР. Таким образом, к настоящему времени между ЕАЭС и КНР, двумя ключевыми игроками в планетарном масштабе, заложены принципиально новые договоренности, которые станут работать на пользу народов, населяющих страны ЕАЭС и КНР, и будут хорошим примером выстраивания взаимодействия для других партнеров Союза.

Об авторе:

Шухно Сергей Степанович, директор Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии (Москва, Российская Федерация); dept_integration@eecommission.org

About the author:

Sergey S. Shukhno, Director of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation); dept_integration@eecommission.org

Международные транспортные коридоры Евразии и Экономический пояс Шелкового пути

Асаул М. А.^{1,*}, Малыгин И. Г.², Мохов А. Е.³

¹ Департамент транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Российская Федерация; * asaul-m-a@mail.ru

² ФГБУН Институт проблем транспорта им. Н. С. Соломенко Российской академии наук, Санкт-Петербург, Российская Федерация

³ Департамент транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена тематике взаимодействия Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) в части транспортных маршрутов и развития международных транспортных коридоров. Дается обзор реализуемых на сегодняшний день евразийских международных транспортных коридоров (МТК), рассказывается о вновь создаваемой и реконструируемой транспортной инфраструктуре, обозначаются проблемные вопросы, возникающие в процессе осуществления данных проектов. Дается абрис перспектив сотрудничества в сфере транспорта в плане намеченного Большого евразийского партнерства, уже фактически реализуемого в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Ключевые слова: Экономический пояс Шелкового пути, международные транспортные коридоры (МТК), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК), интеграция, инфраструктура, транзитный потенциал, транспортные услуги

International Transport Corridors of Eurasia and the Silk Road Economic Belt

Maksim A. Asaul^{a,*}, Igor G. Malygin^b, Aleksey E. Mokhov^c

^a Department for Transport and Infrastructure of Eurasian Economic Commission, Economic Moscow Automobile and Road Construction State Technical University, Moscow, Russian Federation; * asaul-m-a@mail.ru

^b Solomenko Institute of Transport Problems of the Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russian Federation

^c Department for Transport and Infrastructure Eurasian Economic Commission

ABSTRACT

The paper discusses the interaction of Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt within the framework of transport routes and international transport corridors development. Today's Eurasian international transport corridors are reviewed together with the discussion of rebuild and renovated transport infrastructure, considering corresponding realization issues. The paper gives the perspective of collaboration in the transport section of planned Big Eurasian Partnership, which is virtually realized within the framework of the Shanghai Cooperation Organization.

Keywords: The Silk Road Economic Belt, International Transport Corridors, Eurasian Economic Commission, Eurasian Economic Union, Integration, Infrastructure, Transit Potential, Transport Services

Экономический пояс Шелкового пути видится его участникам важным направлением международной экономической и транспортной интеграции. Так же, как и все, современные экономические союзы во многом являются именно транспортными, коммуникационными интеграционными объединениями.

Международные транспортные коридоры (МТК) наиболее эффективно функционируют внутри интеграционных объединений, в условиях единого таможенного, экономического, финансового и правового пространств. Дополнение транспортных потоков информационными (определяющими в т. ч. логистический сервис) обеспечивает согласованное движение товаров, предоставление транспортных услуг и сопутствующего документального сопровождения.

Развитие системы евразийских МТК является важнейшим направлением в плане евразийской транспортной интеграции. МТК — транспортная система, концентрирующая на главном маршруте транспортные потоки, а также телекоммуникации и трубопроводы. На пространстве Большой Евразии это, прежде всего, уже реализуемые панъевропейские транспортные коридоры и продвигаемый КНР проект Нового Шелкового пути.

На поле постсоветской транспортной интеграции, начало которой заложено решением Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) «О согласовании транспортной политики государств — членов Таможенного союза и Единого экономического пространства» [6], удалось достичь определенных результатов. Установлены унифицированные внутригосударственные тарифы на железнодорожные перевозки. Создана безразрешительная система для международных перевозок грузов автомобильным транспортом по территории стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС), это коснулось двусторонних перевозок, транзитных перевозок [1] и перевозок между государствами внутри ЕАЭС (далее — Союз). Транспортный автомобильный контроль перенесен на внешний контур ЕАЭС, на внутренних границах Союза транспортный контроль был упразднен. Все это уже сейчас позволило существенно снизить транспортные расходы.

Мировая практика показывает, что в последнее время активно развивается «информационно-телекоммуникационная система, обеспечивающая навигационное, телекоммуникационное обеспечение управления движением и безопасность транспортных средств...» [14, с. 9]. В Институте проблем транспорта им. Н. С. Соломенко Российской академии наук (ИПТ РАН) активно работают над разработкой интеллектуальной мультимодальной транспортной системы России [2; 3; 17] и ее интеграции в международные транспортные коридоры, проходящие по территории РФ [13; 16].

В настоящее время перед странами ЕАЭС встают задачи формирования современной инновационной инфраструктуры, создания условий для реализации транзитного потенциала, развития международных транспортных коридоров, внедрения в транспортную сферу «цифровой среды» (с использованием передовых IT-технологий) [8, с. 97–119].

Президентами союзных евразийских стран утвержден стратегический документ в сфере транспорта — «Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики». Подготовлена соответствующая «дорожная карта» по его реализации (принята Евразийским межправительственным советом ЕАЭС в 2017 г.) [7]. В коллективной работе Евразийской экономической комиссии со Сторонами Договора о Евразийском экономическом союзе по реализации «дорожной карты» особое внимание уделено вопросу создания и развития транспортных коридоров. Устройство стыковых пунктов и пунктов пропуска, устранение «узких мест» на маршрутах евразийских транспортных коридоров будет способствовать реализации совокупного транзитного потенциала и созданию «транспортного моста» между Азией и Европой. Евразийские транспортные коридоры являются продолжением европейских МТК, которые определены на II панъевропейской конференции по транспорту (о. Крит, март 1994 г.). Уточнения были сделаны на III конференции в г. Хельсинки в 1997 г. (поэтому Панъевропейские транспортные коридоры еще называют Критскими или Хельсинскими, независимо от их географического положения [5]).

Каждому из МТК было дано собственное наименование. Транспортные коридоры, имеющие отношение к ЕАЭС, обозначены следующим образом:

- «Транссиб»: страны зарубежной Европы — Москва — Екатеринбург — Красноярск — Хабаровск — Владивосток / Находка и система ответвлений (на Санкт-Петербург, порты Азово-Черноморского бассейна, Казахстан, Монголию, Китай и Северную Корею). В Российской Федерации сопряжен с Панъевропейским транспортным коридором № 2 (ПТК № 2), краткое международное обозначение — *TS*;

- «Север-Юг»: страны зарубежной Европы — европейская часть РФ — порты Каспия — Иран — Индия — Индийский океан — NS;
- «Северный морской путь»: Атлантика — Норвегия — Мурманск — Архангельск — Диксон — Тикси — Тихий океан — SMP;
- «Приморье-1»: Харбин — Гродеково — Владивосток / Восточный / Находка — порты Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) — PR1;
- «Приморье-2»: Хуньчунь — Краскино — Зарубино / Посыет — АТР — PR2;
- *Панъевропейский транспортный коридор № 1*: Хельсинки — Таллин — Рига — Вильнюс — Варшава (ответвление от основного направления коридора: Рига — Калининград — Гданьск) — PE1;
- *Панъевропейский транспортный коридор № 2*: Берлин — Варшава — Минск — Москва — Нижний Новгород — PE2;
- *Панъевропейский транспортный коридор № 9*: Хельсинки — Санкт-Петербург — Москва — Киев — Кишинев — Бухарест — Александруполис (и ответвления коридора: Санкт-Петербург — Псков — Орша — Гомель — Украина, Гомель — Минск — Вильнюс — Калининград / Клайпеда) — PE9.

В российский участок *Панъевропейского транспортного коридора № 1* (рис. 1) включается морской порт г. Калининграда и авто- и железнодорожные подъезды от Литвы и Польши, а также аэропорт Калининграда. В относящуюся к ЕАЭС часть *Панъевропейского транспортного коридора № 2* входят автомобильная и железнодорожная магистрали от Польши через Беларусь до Нижнего Новгорода, аэропорты Минска и Москвы, Нижнего Новгорода, а также складские комплексы Смоленска, Москвы, Владимира и Нижнего Новгорода. Фактически сейчас уже реализуется продление ПТК № 2 до Екатеринбурга, что является обеспечением взаимодействия между европейскими и евразийскими транспортными системами, ПТК № 2 сопрягается с транспортным коридором «Транссиб» (TS), по магистралям которого проходит основная часть железнодорожных и автомобильных потоков в направлении: восток — запад по территории России (рис. 2).

Наибольшую протяженность по территории ЕАЭС из европейских МТК в настоящее время имеет *Панъевропейский транспортный коридор № 9*, который проходит от Хельсинки до Санкт-Петербурга и далее следует по двум маршрутам: через Псков и Республику Беларусь и через Центральную Россию в направлении границ Украины (через Оршу и Москву соответственно). В связи с развитием евразийских логистических направлений Россия предложила официально продлить ПТК № 9 и уже реализует его продолжение в направлениях: Москва — Ростов — порты Кубани и Крыма, Москва — Волгоград — Астрахань.

В Дальневосточном федеральном округе транспортная сеть (в том числе создающаяся) предоставит хорошие условия для существенного увеличения транзитных перевозок и осуществления инвестиционных вложений в инфраструктуру на направлении: северо-восточные провинции Китая — российские порты Приморья.

Основное назначение МТК «Север-Юг» — доставка грузов из регионов Персидского залива, Южной Азии, Аравии через Иран, Каспий и Россию (либо паромными с перевалкой на железные дороги РФ, либо судами «река-море» по российским внутренним водным путям и Балтике) в Центральную и Северную Европу (см. рис. 2 на стр. 16). Данный МТК предназначен вобрать грузы стран Индийского океана, России, зарубежной Европы. Соглашение о его реализации подписали Россия, Индия и Иран еще в сентябре 2000 г., в ходе работы II Международной Евро-Азиатской конференции по транспорту в Санкт-Петербурге. Путь перевозок грузов по направлению: бассейн Индийского океана — Иран — Каспий — Россия — государства Центральной и Северной Европы значительно короче маршрута, проходящего по Южному морскому пути через Суэцкий канал.

Стратегическим для России транспортным коридором для глобальных перевозок по маршруту Европа — страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) становится Северный морской путь, проходящий вдоль всего северного побережья России. Путь актуализируется принципиально в связи с уменьшением количества многолетних льдов (в результате климатического потепления) и развитием атомного ледокольного флота — строительства мощнейших ледоколов типа «Сибирь» и «Лидер» [16].

Рис. 1. Карта сети транспортных коридоров в Европе

Перенаправление объемов пассажиро- и грузопотоков в международных сообщениях, необходимость повышения конкурентоспособности перевозчиков предъявляют требования постоянного инновационного развития транспортной системы, перманентного совершенствования обеспечения ее безопасности [9; 10]. Все мероприятия по развитию транспортной инфраструктуры МТК на территории России были объединены в подпрограмму «Международные транспортные коридоры» Федеральной целевой программы (ФЦП) «Модернизация транспортной системы России». В рамках программы идет реконструкция и строительство автодорожных и железнодорожных магистралей в направлениях: Москва — Н. Новгород — Екатеринбург — Владивосток и Санкт-Петербург — Москва — Волгоград — Астрахань.

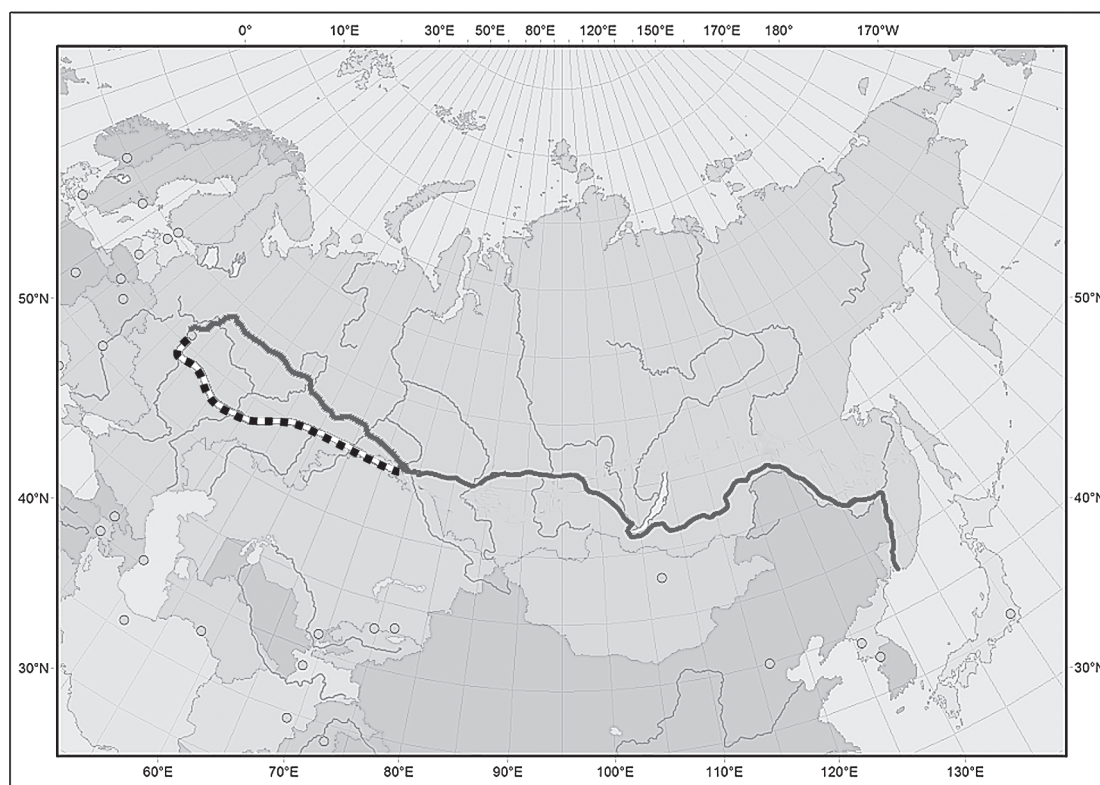

Рис. 2. Схема Транссибирской магистрали (Транссиба). Пунктиром показан участок исторического маршрута Транссиба (через Республику Казахстан)

Реконструируются существующие и создаются новые портовые комплексы на маршрутах международных транспортных коридоров для обеспечения увеличивающихся объемов перевозок: на Балтике — комплексы погрузки минеральных удобрений и нефтеналива (Большой порт Санкт-Петербурга), паромный терминал (Балтийск, Калининградская область), комплекс для перелива нефти (Приморск), паромный комплекс, терминалы сжиженного природного газа (СПГ) и перегрузки угля (Усть-Луга); на Каспии — нефтяной комплекс (Махачкала), причал контейнеровозов (порт Оля, Астраханская область); на Тихом океане — развитие портов (Восточный, Находка); на Черном море — паромные комплексы в портах Кавказ и Крым, контейнерный терминал (Новороссийск), реконструкция порта Туапсе. На внутренних водных путях вышеназванной ФЦП предусмотрена реконструкция гидроузлов на реках Волга и Дон, строительство контейнерных терминалов для создания логистических мультимодальных центров в речных портах Азова, Астрахани, Волгограда, Казани, Москвы, Н. Новгорода, Ростова-на-Дону, Самары, Санкт-Петербурга, Ярославля.

Реализация МТК включает в себя строительство и реконструкцию объектов инфраструктуры воздушного транспорта с расширением направлений полетов, предусмотрены развитие сети международных аэропортов с высоким уровнем сервиса, сертификация систем безопасности полетов по мировым стандартам. Для функционирования российских участков МТК создаются операторы интермодальных перевозок, обеспечивающие логистику и контроль за продвижением грузов на основе сквозных тарифных ставок. Помимо всестороннего обустройства международных маршрутов, важным преимуществом российского транзита является наличие единого экономического и правового пространств. Есть надежда, что в будущем подобное пространство будет представлять и территория Евразийского экономического союза в целом. В общем плане трассы коммуникаций на пространстве ЕАЭС соответствуют кратчайшим географическим расстояниям между странами Азии и Европы,

и таким образом само географическое положение благоприятствует развитию евро-азиатского транзита через территорию ЕАЭС.

Географические преимущества местоположения Евразийского экономического союза в ближайшее время необходимо и следует дополнить организационными, инфраструктурными, правовыми и «цифровыми». Вместе с транспортной сетью необходимо развивать и современные информационные коммуникации, способные создать «цифровое» обеспечение транзита [15]. Одним из приоритетов развития организации перевозок грузов является использование современных цифровых технологий при оформлении грузоперевозок и контроле доставки.

Важно отметить, что цифровые электронные технологии требуют полномасштабного внедрения на всех этапах движения грузов от отправителя до получателя. Например, на автомобильном транспорте предстоит реализация важных направлений, таких как:

- согласование требований, предъявляемых к автомобильным дорогам, планируемым для включения в перечень евразийских транспортных коридоров;
- согласование перечня автомобильных дорог и маршрутов, планируемых для включения в перечень евразийских транспортных коридоров;
- совершенствование механизма контроля за въездом (выездом) автотранспортных средств на территории (с территорий) государств — членов ЕАЭС (в том числе по евразийским МТК) в части допустимых весогабаритных параметров;
- внедрение согласованного механизма контроля за перемещением крупногабаритных и / или тяжеловесных транспортных средств (ТС) по автодорогам стран ЕАЭС;
- подписание международного договора в рамках ЕАЭС о допустимых массах, осевых нагрузках и габаритах транспортных средств при движении по дорогам, включенным в перечень евразийских транспортных коридоров;
- обеспечение синхронизации процедур оформления и выдачи спецразрешений на прохождение тяжеловесных и / или крупногабаритных ТС при осуществлении международных автомобильных перевозок по автомобильным дорогам, включенным в перечень евразийских МТК;
- обеспечение синхронизации процедур оформления и выдачи специальных разрешений на перевозку опасных грузов при осуществлении международных автомобильных перевозок по автомобильным дорогам, включенным в перечень евразийских транспортных коридоров.

Эти и другие подобные мероприятия уже сегодня включаются в проект Плана мероприятий («дорожной карты») по реализации Основных направлений и этапов реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики на 2018–2020 гг. [4].

Еще одно принципиально важное евразийское направление — сотрудничество стран ЕАЭС с Китайской Народной Республикой, прежде всего в проекции планов сопряжения транспортных маршрутов Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Это сотрудничество открывает огромные возможности для развития торговых связей, формирования финансовых потоков, создания новых транспортных путей в Евразии [12]. Необходимо учитывать также, что от реализации совместных транспортных проектов с Китаем ожидается и значительный синергетический эффект во взаимодействующих экономиках с вовлечением многих отраслей производства. Это тот самый случай партнерских отношений внутри союзного сообщества (ЕАЭС), когда, как пишет в своей статье исследователь М. В. Ганеева, «определенные общие группы функций (сообщества) передаются на уровень интеграционного блока, а многие операции требуют совместного участия государств» [11].

Финансирование развития части инфраструктурных проектов предполагается за счет средств Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и «Фонда Шелкового пути». В качестве первого шага КНР предложила совместное со странами, расположенными вдоль Шелкового пути, формирование перечня пилотных проектов, в которых были бы учтены двусторонние и многосторонние интересы, и их совместную реализацию. Такой перечень был сформирован специально созданной Рабочей груп-

пой и одобрен министрами транспорта государств — членов Евразийского экономического союза. Глубина проработки проектов разная: часть из них уже реализуется, другие близки к этому этапу, третьи существуют пока что лишь «в чертеже».

От России среди предложений фигурирует немало известных. В первую очередь это проекты строительства новых автомобильных дорог в рамках международного транспортного маршрута «Европа — Западный Китай». Это масштабный комплексный инвестиционный проект, охватывающий территории Беларуси, России, Казахстана и Китайской Народной Республики, направленный на строительство новых высокоскоростных автодорог и масштабную реконструкцию уже существующих. Также стоит вопрос о модернизации инфраструктуры БАМа и Транссиба с увеличением их пропускных способностей. В комплексном развитии Транссиба напрямую заинтересованы четыре страны: Россия, Беларусь, Казахстан и Китай. Транссиб играет важную роль в транзите товаров по линии Европа — страны АТР. Трафик из Китая в ЕС посредством Транссиба по времени занимает на несколько суток меньше, чем морским путем (через Суэцкий канал). В настоящее время прорабатываются вопросы привлечения инвестиций в приоритетные инфраструктурные проекты не только со стороны Китая, но и с участием других внешнеполитических партнеров.

Реализация приоритетных проектов позволит реконструировать старые и построить новые транспортные коммуникации, создать систему логистических центров и хабов, эффективно использовать преимущества географического положения ЕАЭС. В конечном счете это будет способствовать дальнейшему развитию транспортных систем стран Евразийского экономического союза, формированию общего рынка транспортных услуг и единого транспортного пространства.

Литература

1. Асаул М. А. Некоторые аспекты реализации и развития транзитного потенциала в рамках Евразийского экономического союза // Экономика и управление. 2016. № 6 (128). С. 4–7.
2. Асаул А. Н., Малыгин И. Г., Комашинский В. И. [и др.]. Концептуальные подходы к построению интеллектуальной мультимодальной транспортной системы РФ // Информация и космос. 2016. № 3. С. 8–17.
3. Асаул А. Н., Малыгин И. Г., Комашинский В. И. Четвертая индустриальная революция (industrie 4.0) в транспортной и сопутствующих отраслях // Проблемы управления рисками в техносфере. 2016. № 2 (38). С. 70–78.
4. Асаул М. А. Интеграционные направления деятельности в сфере трансфера и инфраструктуры в Евразийском экономическом союзе // Проблемы предпринимательской и инвестиционно-строительной деятельности. Материалы XVII научно-технической конференции. Под научной редакцией А. Н. Асаула. 2015. С. 238–246.
5. Асаул М. А. Развитие интеграции в сфере транспорта и инфраструктуры в Евразийском экономическом союзе // Фундаментальные исследования. 2016. № 2-1. С. 120–124.
6. Асаул М. А. Согласованная транспортная политика государств — членов таможенного союза и единого экономического пространства // В сборнике: Саморазвитие, самоуправление и трансформационные изменения в инвестиционно-строительной сфере. Материалы XV Международной научной конференции. 2013, Санкт-Петербург. Т 1. С. 311–320.
7. Асаул М. А. Транспортная политика государств — членов ЕАЭС должна быть направлена на построение интеллектуальной мультимодальной транспортной системы // Транспорт России: проблемы и перспективы — 2016. Материалы Международной научно-практической конференции. 2016. С. 15–20.
8. Асаул М. А., Мохов А. Е. Формирование единого транспортного пространства и общего рынка транспортных услуг Евразийского экономического союза // Монография. СПб. : АНО «ИПЭВ». 2018. 250 с.
9. Асаул М. А., Мохов А. Е. Формирование единого транспортного пространства и общего рынка транспортных услуг в ЕАЭС // Транспорт Российской Федерации. 2018. № 2 (75). С. 6–9.
10. Ганеева М. В. Внутренние угрозы экономической безопасности Евразийского экономического союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Экономика. № 2. 2017. С. 168–177.
11. Ганеева М. В. Проблема эффективности региональных интеграционных проектов в современной экономике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Экономика. № 2. 2016. С. 50–61.

12. *Икрамов М. А.* Развитие автомобильных перевозок по Великому шелковому пути // Саморазвитие, самоуправление и трансформационные изменения в инвестиционно-строительной сфере: материалы XV Международной научной конференции под ред. заслуженного деятеля науки РФ, заслуженного строителя РФ, д-ра экон. наук, профессора А. Н. Асаула. Т. 1. СПб. : АНО ИПЭВ, 2013. С. 99–106.
13. Комплексное освоение территории Российской Федерации на основе транспортных пространственно-логистических коридоров. Актуальные проблемы реализации мегапроекта «Единая Евразия: ТЕПР — ИЕТС» // Коллективная монография / Отв. ред. академик РАН В. В. Козлов, член-корреспондент РАН А. А. Макоско; Российская академия наук. М. : Наука, 2019. 463 с.
14. *Малыгин И. Г., Асаул А. Н., Комашинский В. И.* Интеллектуальная мультимодальная транспортная система Российской Федерации // Транспорт России: проблемы и перспективы — 2016. Материалы Международной научно-практической конференции. 2016. С. 8–15.
15. *Малыгин И. Г., Комашинский В. И., Михалев О. А.* [и др.]. Транспортные технологии и глобализация в период 4-й индустриальной революции (проблемы и перспективы) // Научно-технический журнал «Информация и космос». 2018. № 1. С. 6–13.
16. *Цыганов В. В., Малыгин И. Г., Комашинский В. И.* [и др.] Инфраструктура Сибири, Дальнего Востока и Арктики. Состояние и три этапа развития до 2050 г. // Монография / Под ред. члена-корреспондента РАН А. А. Макоско. М. : ИПТ РАН, 2019. 465 с.
17. *Asaul A., Malygin I., Komashinskiy V.* The Project of Intellectual Multimodal Transport System // Transportation Research Procedia. Volume 20, 2017. P. 25–30.

Об авторах:

Максим Анатольевич Асаул, профессор, заместитель директора Департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, профессор кафедры «Экономика автомобильного транспорта» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ) (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук; asaul-m-a@mail.ru

Игорь Геннадьевич Малыгин, профессор, директор ФГБУН Институт проблем транспорта им. Н. С. Соломенко Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор технических наук; malygin_com@mail.ru

Алексей Евгеньевич Мохов, заместитель начальника отдела естественных монополий Департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук; mohov@eecommission.org

About the authors:

Maksim A. Asaul, Professor, Deputy of Department for Transport and Infrastructure Eurasian Economic Commission, Professor of Department of Motor Transport Economic Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics); asaul-m-a@mail.ru

Igor G. Malygin, Professor, Director of Solomenko Institute of Transport Problems of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Technical Science; malygin_com@mail.ru

Aleksey E. Mokhov, Deputy of Section of Natural Monopolies, Department for Transport and Infrastructure Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation), PhD in Political Sciences; mohov@eecommission.org

Продвигая евразийскую интеграцию: роль бизнеса в развитии сотрудничества в сфере услуг и торговой политике¹

Красильников С. Р.^{a,*}, Михневич С. В.^{b, 2}

^a Российский союз промышленников и предпринимателей, Москва, Российская Федерация;

* srkkras@mail.ru

^b Центр многостороннего сотрудничества и евразийской интеграции Российского союза промышленников и предпринимателей, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются некоторые аспекты текущего состояния сотрудничества в рамках ЕАЭС в сфере услуг и торговой политики. Авторы выделяют ряд вызовов и сложностей, ограничивающих перспективы устойчивого развития евразийской интеграции. В статье обращается внимание на необходимость объединения усилий органов государственной власти и бизнеса стран ЕАЭС для повышения эффективности интеграции в новых условиях с использованием накопленного национального опыта.

Ключевые слова: ЕАЭС, ЕЭК, региональная интеграция, деловое сотрудничество, РСПП, Российский союз промышленников и предпринимателей, торговая политика, Расширенная туганганская инициатива, Ассоциация бизнеса Северо-Восточной Азии

Fostering Eurasian Integration: The Role of Business in Services and Trade Policy Cooperation Development

Sergey R. Krasilnikov^{a,*}, Sergey V. Mikhnevich^b

^a Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Moscow, Russian Federation; * srkkras@mail.ru

^b Center for Multilateral Cooperation and Eurasian Integration of Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The research paper examines some aspects of trade and economic cooperation in the Eurasian Union in services and trade policy. The authors consider key challenges and difficulties affecting prospects of sustainable Eurasian integration. The article stresses the need to harmonize and unite efforts of the Eurasian state bodies and businesses in order to increase the integration policies efficiency in a new environment based on reasonable application of national experience and expertise.

Keywords: EAEC, ECE, regional integration, business cooperation, RSPP, Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, trade policy, Greater tumen initiative, North-East Asia Business Association

Введение

Не секрет, что одной из важнейших целей создания Евразийского экономического союза (далее — Союз) согласно Договору о ЕАЭС является «создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения» (ст. 4)³. Таким образом, в важнейшем документе евразийской интеграции определено, что «человек и его интересы важнее всего». Кроме того, в числе основных целей евразийской интеграции в Договоре о ЕАЭС упомянуты (ст. 4): «стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках

¹ Статья подготовлена на основании выступлений в рамках мероприятий форума «Евразийская неделя — 2019».

² Мнение авторов является их личной точкой зрения и не выступает в роли официальной позиции Российского союза промышленников и предпринимателей.

³ Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29.05.2014).

Союза» и «всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики». Все эти цели взаимосвязаны, и достижение одних невозможно без успехов в реализации других.

Сегодня ключевое значение имеет развитие Союза по практическим направлениям экономической интеграции: торговая политика, координация транспортной и промышленной политики, техническое регулирование, снижение уровня нетарифной защиты, антимонопольное регулирование и развитие конкуренции, финансовые рынки, общий рынок электроэнергии.

Среди плюсов ведения бизнеса в ЕАЭС можно особо выделить:

1. Довольно близкую нормативно-правовую среду стран-участниц.
2. Широкое использование в расчетах национальных валют и, в частности, российского рубля.
3. Конструктивную и нацеленную на сотрудничество систему институтов — Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК), Евразийский банк развития (ЕАБР), Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР).
4. Широкое распространение русского языка.
5. Динамичную работу по устранению барьеров.
6. Усиление позиций на внешних рынках по мере развития институтов и международного авторитета ЕАЭС.

Но имеются и существенные сложности.

1. «Избыток информации» и связанная с этим относительно невысокая осведомленность широких деловых масс, которые далеко не всегда имеют возможность оперативно отслеживать изменения¹.
2. Взаимная конкуренция (например: создание избыточных мощностей в цементной отрасли).
3. Недостаточно высокий уровень взаимного инвестирования.
4. Использование барьеров в национальной политике для ограничения конкуренции.
5. Отсутствие значительного опыта сотрудничества.
6. Различная доступность кредита и финансовых инструментов для бизнеса и в особенности субъектов МСП (субъекты малого и среднего предпринимательства).

Углубление интеграции требует максимального использования относительных и абсолютных преимуществ в сложившейся системе сотрудничества и нивелирования ее отрицательных моментов. В рамках настоящего исследования мы бы хотели остановиться на взаимодействии в сфере услуг и торговой политики и возможных шагах для повышения его эффективности.

Сотрудничество в ЕАЭС в сфере услуг: фактор цифровой трансформации

Анализ ситуации в странах ЕАЭС показал, что в Казахстане и России доля сферы услуг составляет порядка 57–60% ВВП, в Армении, Беларуси и Киргизии — около 50% ВВП². При этом на сегодняшний день единый рынок услуг в рамках ЕАЭС действует в 53 секторах и подсекторах услуг, которые в совокупности превышают 55% объема производимых услуг³. Последнее расширение перечня произошло в мае 2019 г.⁴ Таким образом, единый рынок услуг в ЕАЭС «покрывает», по крайней мере, ¼ ВВП ЕАЭС.

¹ Для разрешения данной проблемы Евразийский межправительственный совет Распоряжением от 27.07.2018 № 27 поручил Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) провести пилотный проект по оценке фактического воздействия принятых решений Комиссии. План мероприятий по его реализации был утвержден Распоряжением Коллегии ЕЭК от 22.01.2019 № 18. План мероприятий предусматривает проведение в пилотном формате оценки фактического воздействия ряда принятых решений ЕЭК в сфере технического регулирования и в области применения карантинных фитосанитарных мер. В частности, в рамках такой оценки будет проведен опрос представителей бизнес-ассоциаций и хозяйствующих субъектов государств-членов на сайте Союза. По итогам реализации пилотного проекта планируется сформировать методические подходы к проведению оценки фактического влияния решений ЕЭК на условия ведения бизнеса в Союзе и доложить о результатах его выполнения на заседании Коллегии Комиссии / ЕЭК утвердила план мероприятий по проведению пилотного проекта по оценке принятых решений Комиссии // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/23-01-2019-4.aspx> (дата обращения: 27.09.2019).

² Шкутько О. Н. Единый рынок услуг ЕАЭС: необходимость и проблемы формирования // Международная торговля и торговая политика. 2018, № 1 (13). С. 114.

³ Об утверждении перечня секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза : решение Высшего Евразийского экономического совета от 23.12.2014 № 110.

⁴ О внесении изменений в перечень секторов (подсекторов) услуг, в которых функционирует единый рынок услуг в рамках Евразийского экономического союза : решение Высшего Евразийского экономического совета от 29.05.2019 № 6.

По итогам 2018 г. у всех государств — членов Союза отмечалась позитивная динамика экспорта и импорта услуг. Однако объем торговли услугами очень существенно уступает объему торговли товарами: по итогам 2018 г. совокупный внешнеторговый оборот государств — членов ЕАЭС (с партнерами по ЕАЭС и с третьими странами) товарами в четыре раза превысил совокупный внешнеторговый оборот услугами¹. Так, доля государств — членов ЕАЭС в обороте внешней торговли России услугами остается неизменной на протяжении всего периода функционирования ЕАЭС и составляет 5% (в экспорте — 7% [4 652,5 млн долл. — в 2018 г.], в импорте — 4% [3 930,5 млн долл. — в 2018 г.])².

Анализ рынка услуг ЕАЭС и стран-членов позволяет выделить ряд проблемных моментов в его функционировании³.

- Недостаточно высокая эффективность финансовых институтов стран — участниц ЕАЭС.
- Высокие протекционистские барьеры.
- Отсутствие либерализации на национальных рынках услуг.
- Несогласованность национальных рынков услуг стран — участниц ЕАЭС.

Сектора услуг развиты крайне неоднородно, поэтому существует риск увеличения разрыва в уровнях развития национальных рынков услуг в странах — членах Союза наряду с дифференциацией их роли в международной торговле услугами.

Немаловажно, что на развитие секторов услуг оказывают серьезное воздействие фундаментальные международные тенденции, такие как **цифровизация и трансформация технологического уклада**. В силу своей «нематериальной» природы торговля услугами становится либо первой жертвой, либо ключевым выгодополучателем новых прорывных технологий (disruptive technologies).

С одной стороны, внедрение современных технологий и инноваций способно потенциально вывести на совершенно новый уровень производительность труда. Но с другой — те страны, которые не «успеют на поезд» и не уделят должное внимание комплексной модернизации, утратят свою конкурентоспособность и серьезно ухудшат перспективы развития.

Сложности с цифровизацией и инновациями есть в той или иной степени практически у всех стран ЕАЭС. В этой связи приоритетное значение имеет реализация национальных программ цифровизации и Цифровой повестки ЕАЭС до 2025 г.

Представляется перспективным развитие сотрудничества по линии ЕС — ЕАЭС в сфере цифровизации. В мае 2015 г. Европейская комиссия одобрила «Стратегию единого цифрового рынка для Европы», в основу которой легли три блока:

1. Облегчение доступа потребителей и бизнеса к товарам и услугам через Интернет в пределах всего ЕС.
2. Создание благоприятных условий для развития цифровых сетей и услуг.
3. Содействие максимальному росту потенциала европейской цифровой экономики.

Частью Стратегии стала запущенная в апреле 2016 г. Инициатива по цифровизации европейской промышленности, в которой выделены различные сферы: от нормативно-правового регулирования до образования. Как ожидается, полная реализация программы должна привести к приросту ВВП в рамках ЕС в размере 415 млрд евро в год⁴, а также к радикальному повышению эффективности всей европейской экономики.

Схожие документы и планы есть и в ЕАЭС. В частности, речь идет об утвержденных в октябре прошлого года Высшим Евразийским экономическим советом Основных направлений реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.⁵ Ключевыми направлениями развития цифровой экономики в странах ЕАЭС станет цифровая трансформация отраслей экономики и рынков,

¹ Евразийская экономическая интеграция — 2019. Доклад Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития. № 52, 2019. С. 72.

² Там же. С. 79.

³ Шкутько О. Н. Ук. соч. С. 118–119.

⁴ Commission Publishes Mid-Term Review of the 2015 Digital Single Market Strategy // Официальный сайт Европейской комиссии [Электронный ресурс]. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-17-1233_en.htm (дата обращения: 27.09.2019).

⁵ О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте решения Евразийского межправительственного совета «Об Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.»» // Правовой портал ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: http://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0101963/pd_28072017 (дата обращения: 27.09.2019).

внедрение современных технологий и инструментов управления интеграционными процессами, развитие цифровой инфраструктуры, а также защита данных и каналов коммуникации. Вклад цифровых проектов и инициатив может составить до 11% ожидаемого совокупного роста ВВП ЕАЭС к 2025 г.¹ В сотрудничестве по данным направлениям и выстраивании диалога между ЕАЭС и ЕС кроется значительный потенциал для всех участников.

РСПП активно участвует в международном сотрудничестве с зарубежными партнерами в области цифровизации. В 2017 г. РСПП с немецкими партнерами учредили ГРИД («Немецко-российская инициатива по цифровизации», нем. *GRID — “German-Russia Initiative for Digitalization”*). Она направлена на поддержку российских компаний и учреждений в определении и реализации их стратегий по цифровизации. Наряду с Германией активное сотрудничество в сфере цифровизации РСПП ведет с еще одним «цифровым лидером» — Францией. В частности, 25 мая 2018 г. в рамках бизнес-диалога «Россия — Франция» на Санкт-Петербургском международном экономическом форуме состоялось подписание Меморандума о сотрудничестве в области индустрии будущего между РСПП и МЕДЕФ Интернациональ². Существуют аналогичные планы и в отношении Италии, Кореи, Вьетнама.

Как справедливо отмечено в подготовленном ЕЭК Докладе о развитии цифровой (интернет) торговли: «Долгосрочным трендом является стирание границ между товаром и услугой, доля которых в экономике растет. Особым типом товара становятся его цифровые образы и двойники с набором наиболее существенных характеризующих его свойств... По сути, от потребления товаров и услуг мы переходим к потреблению технологий, определяющих ценность сервисов по использованию товаров»³. Многие российские компании активно работают на данном направлении, формируя трансграничные цифровые платформы. Причем речь идет не только, к примеру, об электронной коммерции. Есть интересные проекты в сфере образования, медицины, транспорта.

Перспективным решением для углубления интеграции на рынке услуг представляется создание профильной интегрированной евразийской цифровой платформы, которая бы «покрывала» сектора и подсектора единого рынка услуг, по аналогии с Евразийской цифровой платформой промышленной кооперации (<https://eurasianindustry.org/>). Последняя представляет собой систему средств, поддерживающую использование цифровых процессов, ресурсов и сервисов по промышленной кооперации значительным количеством субъектов промышленности и обеспечивающую возможность их бесшовного взаимодействия. Реализуется в соответствии с Концепцией создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС и цифровой трансформации промышленности государств — членов Союза (утверждена Рекомендацией Совета ЕЭК от 05.12.2018 № 1).

Налаживание электронного взаимодействия в сфере обмена информацией и принятия решений позволит существенно сократить транзакционные издержки делового сообщества стран ЕАЭС и повысит взаимосвязанность на евразийском пространстве, стимулируя торговые потоки. Это вполне соотносится с рекомендациями ведущих международных институтов, таких как ОЭСР и, в частности, «Бизнес в ОЭСР» (BIAC), вклад в подготовку которых вносит также РСПП. Выстраивание эффективного взаимодействия с ключевыми международными многосторонними площадками по линии ЕАЭС будет способствовать достижению возрастающей отдачи от масштаба, а также устранению наиболее серьезных ограничений, способствуя синхронизации требований и правил.

Российский бизнес весьма заинтересован в дальнейшем углублении евразийской интеграции и развитии единого рынка услуг, которые будут способствовать росту благосостояния граждан Союза за счет снижения издержек и создания торговли. Однако не стоит забывать и о выходе на новые перспективные рынки, в первую очередь АТР. Как справедливо полагают наши партнеры из стран ЕАЭС, максимально-го эффекта можно добиться посредством синхронизации и объединения усилий экономических операторов из стран ЕАЭС. Тем не менее крайне важным представляется анализ существующих сложностей

¹ Итоги ВЕЭС: дан старт цифровому этапу евразийской интеграции // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/12_10_17.aspx (дата обращения: 27.09.2019).

² Движение французских предпринимателей (МЕДЕФ).

³ Доклад о развитии цифровой (интернет) торговли ЕАЭС. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2019. С. 14.

и причин недоиспользования торгового потенциала на национальном уровне. Рассмотрим их на российском примере.

Торговая политика: выход на рынки в условиях новых вызовов

В соответствии с Договором о ЕАЭС торговая политика поднята на наднациональный уровень. Однако процесс ее «перевода» в полной мере пока не завершен. Свидетельство тому — многочисленные спорные вопросы, возникающие между членами Союза по отдельным направлениям сотрудничества.

В 2018 г. стоимостный объем взаимной торговли государств — членов ЕАЭС, рассчитанный как суммарный объем внутрисоюзного экспорта, возрос на 9,2% по сравнению с 2017 г. (рис. 1.) В целом за годы функционирования ЕАЭС объем взаимной торговли государств-членов возрос почти на треть. Однако внешняя торговля ЕАЭС развивается еще более высокими темпами: в 2018 г. оборот внешней торговли ЕАЭС (суммарно экспорт и импорт) с третьими странами возрос на 18,8% по сравнению с 2017 г. (рис. 2)¹.

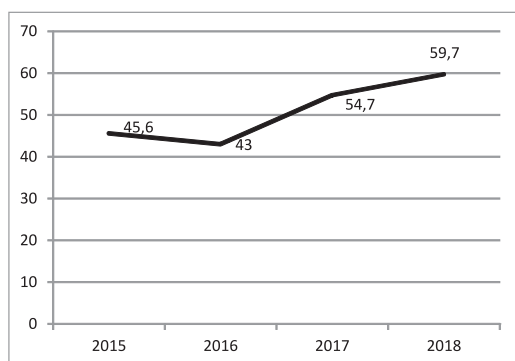

Рис. 1. Объем взаимной торговли в ЕАЭС, млрд долл. США

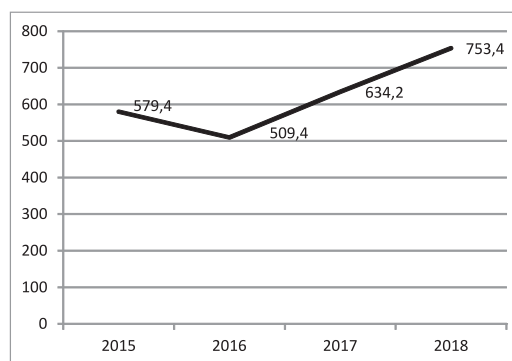

Рис. 2. Объем внешней торговли в ЕАЭС, млрд долл. США

Источник: Евразийская экономическая интеграция — 2019

Вместе с тем дальнейшее углубление сотрудничества и наращивание сегодня сталкивается с серьезными вызовами, такими как:

1. Нехватка ресурсов для создания устойчивой инфраструктуры.
2. Значительные цифровые разрывы.
3. Распространение новых прорывных технологий.
4. Санкции в отношении крупных хозяйствующих субъектов и целых экономик, их экстерриториальное применение.
5. Тупик в ключевых институтах многосторонней торговой системы, в первую очередь ВТО, и усиление неадекватного протекционизма в международной торговле и инвестициях.
6. Использование финансовых институтов в политических интересах.

Но любые вызовы создают новые возможности. Нелегитимные ограничения, введенные в отношении России, подтолкнули нас самих к выходу за пределы «зоны комфорта», заставили более пристально посмотреть в сторону Востока. На самом Востоке интерес к сотрудничеству с нашей страной всегда был высок в силу объективных причин. Если мы говорим об Азии, то это территориальная близость довольно крупного российского рынка для азиатских товаров, российские ресурсы для азиатских экономик, исторические связи. Однако далеко не все движения к сотрудничеству со стороны азиатских партнеров находили отклик у нас. На это влияли и традиционные мировоззренческие установки с ориентацией на Запад, и серьезные «эффекты колеи» в наших институтах, более приспособленных для сотрудничества с европейскими и американскими партнерами, и сложившийся в годы холодной войны внешнеполитический фокус на отношениях с Западом.

¹ Евразийская экономическая интеграция — 2019. С. 29.

Но события последних лет заставили нас по-другому взглянуть на ситуацию. Отсутствие внятного диалога с ЕС по вопросам торговли и инвестиций — это не выбор России и не выбор европейского бизнеса, с которым сотрудничество продолжается с учетом сложившихся условий. В этой связи хотели бы обратить внимание на позицию Восточного комитета Германской экономики, обнародованную 1 августа 2018 г. В ней немецкий бизнес призывает европейские власти противодействовать введению новых американских санкций в отношении России и защитить европейский бизнес от них¹. Более того, по данным Комитета Российско-Германской внешнеторговой палаты, 94% немецких компаний хотели бы снятия санкций в отношении России². В докладе, опубликованном в январе 2019 г., эксперты Восточного комитета выделяют 15 ключевых сфер, сотрудничество в которых соответствует обоюдным интересам России и европейских партнеров: от цифровизации до укрепления ВТО³. И сложно с ними не согласиться.

РСПП со своей стороны оказывает поддержку зарубежному бизнесу, работающему в России в выстраивании отношений с органами государственной власти посредством такого механизма, как Международный совет по сотрудничеству и инвестициям. В рамках его заседаний зарубежные компании имеют возможность обсудить ключевые проблемы с представителями российских органов государственной власти и найти адекватное решение.

Также можно упомянуть сотрудничество РСПП с немецкими партнерами в рамках «Немецко-российской инициативы по цифровизации» (ГРИД). Эта инициатива направлена на поддержку российских компаний и учреждений в определении и реализации их стратегий по цифровизации. Наряду с Германией активное сотрудничество в сфере цифровизации РСПП ведет с еще одним «цифровым лидером» — Францией. В частности, 25 мая 2018 г. в рамках бизнес-диалога «Россия — Франция» на ПМЭФ состоялось подписание Меморандума о сотрудничестве в области индустрии будущего между РСПП и «МЕДЕФ Интернациональ».

Тем не менее, несмотря на отдельные положительные сюжеты, мы должны учитывать ситуацию, когда перемены на западном фронте отсутствуют и не предвидятся, и самим усиливать работу по диверсификации сотрудничества с внешними партнерами, в первую очередь — из Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Если посмотреть на «сухие цифры» нашего торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества со странами АТР, то стоит сказать, что нам есть над чем работать. В экономическом сотрудничестве нашей страны с азиатскими партнерами существует серьезный дисбаланс между торговлей и инвестициями. Для нашей страны разрыв между торговлей и инвестициями с Азией еще более серьезен, что заставляет подумать о корректировке политики.

В 2018 г. на экономики АТЭС пришлось 32,3% российской внешней торговли против 30,5% в 2017 г. Немаловажно, что в 2017 г. сальдо торговли с АТЭС было отрицательным и составляло 5,98 млрд долл., а в 2018 г. оно стало положительным и достигло 19,289 млрд долл. Шесть лет назад на АТЭС приходилось 23% российской торговли с зарубежными странами и 17% экспорта⁴. Однако лишь 4,14% всех накопленных российских ПИИ (прямые иностранные инвестиции) направлены в страны АТЭС (14,252 млрд долл. США) на начало 2019 г. При этом половина российских инвестиций в экономики АТЭС пришлась на США (7,227 млрд долл.). Для сравнения: российские накопленные инвестиции в Китай составили лишь 254 млн долл. А что касается входящих ПИИ из стран АТЭС в экономику нашей страны за 2018 г., то они упали почти в два раза: с 6,49% до 3,89% (с 28,634 млрд долл. до 15,84 млрд долл.)⁵.

¹ US-Sanktionen gegen Russland // Официальный сайт Восточного комитета Германской экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oaev.de/de/us-sanktionen-gegen-russland> (дата обращения: 27.09.2019).

² US-Sanktionen kosten deutsche Wirtschaft Milliarden // Официальный сайт Российско-Германской внешнеторговой палаты [Электронный ресурс]. URL: <https://russland.ahk.de/infothek/news/detail/us-sanktionen-kosten-deutsche-wirtschaft-milliarden/> (дата обращения: 27.09.2019).

³ “Neue Agenda” für die Zusammenarbeit mit Russland // Официальный сайт Восточного комитета Германской экономики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oaev.de/de/neue-agenda-fuer-die-zusammenarbeit-mit-russland-0> (дата обращения: 27.09.2019).

⁴ Бюллетень «Таможенная статистика Российской Федерации» за 2018 г. // Официальный сайт ФТС России. [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.customs.ru/apex/f?p=201:7:3015387160737671::NO::> (дата обращения: 16.08.2019).

⁵ Расчеты авторов по данным: Прямые инвестиции в Российскую Федерацию: входящие остатки по инструментам и странам-партнерам (по принципу направленности) // Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/10-dir_inv.xlsx (дата обращения: 16.08.2019); Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубеж: исходящие остатки по инструментам и странам-партнерам (по принципу направленности) // Официальный сайт Банка России [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/16-dir_inv.xlsx (дата обращения: 16.08.2019).

По данным Центрального банка РФ, крупнейшим азиатским инвестором в нашу страну является Сингапур, накопленный объем ПИИ из которого на начало этого года составлял немногим менее 4 млрд долл. (3,874 млрд долл.). Существенно меньше объем ПИИ из Республики Корея — чуть больше 2,5 млрд долл. (2,677 млрд долл.), Китая, ключевого азиатского партнера нашей страны — также немногим более 2,5 млрд долл. (2,613 млрд долл.), а также ПИИ из Японии — менее 2 млрд долл. (1,917 млрд долл.). Инвестиции из Сингапура, Китая и Японии в течение 2018 г. снизились, а из Кореи — выросли.

Российские инвестиции в страны Азии еще меньше. Ключевым получателем российских ПИИ является Сингапур — около 3,5 млрд долл. (3,472 млрд долл. на начало 2019 г.). За Сингапуром следуют Гонконг и КНР с 10-кратным отставанием — 325 млн долл. и 254 млн долл. США соответственно. Российские инвестиции в Японию и Республику Корея находятся в рамках статистической погрешности — 55 и 33 млн долл. на начало этого года.

Серьезный разрыв между торговлей и инвестициями нашей страны с Азией заставляет подумать о **корректировке** политики национальных правительств, активных в регионе международных многосторонних институтов и бизнеса. В среднесрочной и долгосрочной перспективе такая ситуация серьезно **ограничивает** потенциал укрепления сотрудничества и придания ему комплексного характера. Фактически азиатские государства, торгующие с Россией, находятся в зависимости от ее инвестиционного сотрудничества с западными странами. В условиях высокой глобальной турбулентности это несет существенные риски для их интересов.

В число причин слабого инвестиционного сотрудничества, не соответствующего размерам экономики и уровню товарооборота России и азиатских государств, входят:

1. Отсутствие информации о возможностях, механизмах и партнерах для сотрудничества.
2. Нехватка соответствующего опыта и незнание нормативно-правовых требований и регуляторной среды.
3. Серьезные технические барьеры и требования локализации, а также серьезные секторальные и ресурсные ограничения.
4. Неконкурентная рыночная среда из-за деятельности государственных предприятий.
5. Высокая трудоемкость открытия бизнеса.
6. Сложная логистика поставок продукции и таможенное регулирование.
7. Отсутствие системы комплексной национальной экспертизы совместных проектов.

Фактически, несмотря на объективную заинтересованность в сотрудничестве, бизнес не торопится наращивать взаимные инвестиции. Соответственно, одной из приоритетных задач становится формирование адекватных стимулов для торгово-экономической и инвестиционной деятельности и устранение избыточных препятствий.

В этой связи представляется перспективным создание **интегрированной информационной системы** для обмена информацией о перспективных проектах и возможностях сотрудничества российского и индонезийского бизнеса, а также данные по ключевым нетарифным барьерам. Основой для подобного ресурса могут стать данные, предоставляемые самими компаниями.

В условиях глобальной неопределенности, которая может угрожать экономическому росту, необходимо совместными усилиями работать над реформированием и переформатированием цепочек создания добавленной стоимости в Азии. Серьезный потенциал в этой связи кроется в продвижении макро-региональной интеграции и развитии отношений по линии ЕАЭС — АТР в направлении экономического сообщества Большой Евразии в контексте продвижения инициативы, выдвинутой Президентом России В. В. Путиным еще в 2015 г.¹

Несмотря на тенденции де-глобализации, рост протекционизма, разворачивающиеся торговые войны, процессы региональной интеграции продолжают развиваться. На сегодняшний день ВТО зарегистрировано 481 уведомление о формировании ЗСТ, а совокупное количество действующих ЗСТ

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. 03.12.2015. Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 17.08.2019).

составляет 302¹. И страны АТР являются одними из их ключевых участников: они участвуют в 86 соглашениях, несколько уступая только Европе (100 соглашений о ЗСТ). Существует экспертное мнение, что постоянное увеличение числа соглашений о свободной торговле все чаще приводит к эффекту «миски спагетти» (spaghetti bowl). Он связан с одновременным существованием множества двусторонних соглашений и порождает высокие транзакционные издержки, приводя к снижению эффективности функционирования интеграционных объединений.

Вместе с тем ситуация такова, что без достижения новых договоренностей о свободной торговле для международных акторов существует серьезный риск быть выброшенными «за защитный периметр» международных торгово-инвестиционных соглашений нового типа, в рамках которых достигается принципиально новый уровень либерализации сотрудничества. Понимая это, в ЕАЭС продолжают работу по либерализации торгово-экономических отношений с ключевыми зарубежными партнерами.

Союзом уже заключены соглашение о создании зоны свободной торговли (ЗСТ) с Вьетнамом (2015 г.)² и Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли с Ираном (2018 г.)³. Кроме того, в 2018 г. ЕАЭС и КНР подписано непреференциальное Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве⁴. В настоящий момент ведутся переговоры о создании новых ЗСТ. В частности, осенью 2019 г. ожидается заключение соглашения о ЗСТ с Сингапуром, которое гармонично дополнит действующее соглашение с Вьетнамом, показавшее отличные результаты. С момента запуска ЗСТ ЕАЭС — Вьетнам в 2016 г. объем торговли вырос на 103%, достигнув 6,1 млрд долл. в 2018 г.⁵ В дальнейшем можно проработать вопрос о формировании соглашения о торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и АСЕАН. Подписание подобного соглашения в многостороннем формате могло бы «вдохнуть новую жизнь» в наши торговые отношения.

Стоит отметить, что наши западные «партнеры» сами стимулируют изменения в сложившейся системе торгово-экономических связей и механизмов сотрудничества в АТР. Речь идет о потребностях в АТР в создании альтернативных систем обмена финансовыми потоками, наращивании использования национальных валют, потенциальной интеграции национальных платежных систем. Все это имеет своей целью снижение уязвимости сотрудничества перед действиями третьих стран.

Так, в Китае сегодня тяжело расплатиться картой системы «Виза» или «Мастеркард». Магазины принимают только китайские карты «Юнионпэй» или оплату при помощи систем, встроенных в китайские мессенджеры. Далеко не во всех банкоматах возможно снять деньги с карт системы «Виза» или «Мастеркард», поскольку основной приоритет — развитие национальных платежных систем. Таким образом, в КНР уже подготовились к возможным сложностям с международными платежными системами. В этой связи видится перспективной совместная работа с Китаем и другими странами АТР над интеграцией их платежных систем с российской Национальной системой платежных карт (НСПК). Это дало бы возможность существенно снизить транзакционные риски и повысить удобства для потребителей финансовых услуг.

¹ RTAs Currently in Force (by Year of Entry into Force), 1948–2018 // Официальный сайт ВТО [Электронный ресурс]. URL: <http://rtais.wto.org/UI/charts.aspx> (дата обращения: 17.08.2019).

² Соглашение о свободной торговле с Вьетнамом // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/Соглашения-о-свободной-торговле-с-третьими-странами.aspx> (дата обращения: 20.08.2018).

³ Подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-1.aspx> (дата обращения: 20.08.2018).

⁴ Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx> (дата обращения: 20.08.2018).

⁵ Vietnam Ready to Act as Bridge to Connect EAEU, ASEAN: official. VietnamPlus [Электронный ресурс]. URL: <https://en.vietnamplus.vn/vietnam-ready-to-act-as-bridge-to-connect-eaeu-asean-official/154043.vnp> (дата обращения: 31.07.2019).

Заключение

Дальнейшее продвижение макрорегиональной интеграции с участием экономик АТР не может быть успешным без более громкого голоса бизнеса, звучащего в унисон. Серьезным шагом вперед на этом направлении могло бы стать создание многосторонней Деловой ассоциации Большой Евразии с участием бизнеса из АТР и ЕАЭС. И первые шаги в данном направлении уже сделаны. 22.08.2019 в ходе министерской Консультативной комиссии Расширенной туманганской инициативы (РТИ) РСПП вместе с Китайским комитетом содействия международной торговле и торгово-промышленными палатами Республики Корея и Монголии подписали Меморандум о создании Ассоциации бизнеса Северо-Восточной Азии (далее — Ассоциация).

Новая Ассоциация стала первым международным многосторонним объединением национальных бизнесов в Северо-Восточной Азии. В число направлений ее деятельности войдет налаживание активного информационного обмена проектными идеями и предложениями между объединениями-членами и входящими в их состав компаниями, выявление и взаимодействие в устранении во взаимодействии с органами власти барьеров для торгово-экономического сотрудничества.

Немаловажно, что Меморандум о создании Ассоциации открыт для присоединения объединений бизнеса из других государств, в том числе из-за пределов Северо-Восточной Азии. То есть он может лечь в основу широкого сотрудничества деловых объединений всего АТР и ЕАЭС, способствуя достижению возрастающей отдачи от масштаба в рамках макрорегиональной деловой сети. Данный опыт может быть с успехом использован для расширения присутствия национального бизнеса стран ЕАЭС в АТР и углубления деловой кооперации на евразийском пространстве.

Для успеха сотрудничества крайне необходимо понять приоритеты и потребности друг друга. Это позволит сделать интеграцию не просто красивым словом, но реальным средством наращивания общего благосостояния и углубления взаимопонимания между народами.

Об авторах:

Красильников Сергей Рэмович, вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей (Москва, Российская Федерация); srkkras@mail.ru

Михневич Сергей Владимирович, директор Центра многостороннего сотрудничества и евразийской интеграции Российского союза промышленников и предпринимателей (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук; sxzex@yandex.ru

About the authors:

Sergey R. Krasilnikov, Vice President of Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (Moscow, Russian Federation), srkkras@mail.ru

Sergey V. Mikhnevich, Director of the Center for Multilateral Cooperation and Eurasian Integration of Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs (Moscow, Russian Federation), PhD in Political Sciences; sxzex@yandex.ru

Энергетический вектор российско-азербайджанского экономического сотрудничества в цифровом пространстве современного мира

Куклина Е. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; jeakuklina@mail.ru

РЕФЕРАТ

Актуальность исследования вопросов экономического сотрудничества России и Азербайджана обусловлена тем фактом, что в настоящее время экономика является локомотивом развития двусторонних отношений. Ключевая сфера российско-азербайджанского экономического сотрудничества — энергетика, поэтому приоритеты стратегических взаимоотношений имеют явно выраженный «энергетический» характер. Объективной реальностью для выстраивания взаимовыгодных экономических отношений между странами является цифровое пространство. Это обстоятельство послужило основой для гипотезы о необходимости активного использования цифровых технологий в деятельности предприятий нефтегазового сектора Азербайджана, формирующего 43% ВВП. В статье выполнена оценка степени международной интеграции и изучено состояние внешнеэкономических связей России и Азербайджана, выявлены перспективные направления российско-азербайджанского экономического сотрудничества, а также обоснованы предложения по использованию российского опыта цифровизации нефтегазодобывающего сектора для условий Азербайджана.

Ключевые слова: экономическое сотрудничество, внешнеэкономические связи, экономическая интеграция, нефтегазовый сектор, цифровые технологии, цифровое месторождение

The Energy Vector of Russian-Azerbaijan Economic Cooperation in the Digital Space of the Modern World

Kuklina E. A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPA), Saint Petersburg, Russian Federation; jeakuklina@mail.ru

ABSTRACT

The relevance of studying the economic cooperation issues between Russia and Azerbaijan is due to the fact that at present the economy is a locomotive for the development of bilateral relations. The key area of Russian-Azerbaijan economic cooperation is energy; therefore, the priorities of strategic relations have a pronounced „energy“ character. The objective reality for building mutually beneficial economic relations between countries is the digital space. This circumstance served as the basis for the hypothesis about the need for the active use of digital technologies in the activities of enterprises in the oil and gas sector of Azerbaijan, which is 43% of GDP. The article assesses the degree of international integration, examines the state of foreign economic relations between Russia and Azerbaijan, identifies promising areas of Russian-Azerbaijan economic cooperation. In conclusion, the proposals on the use of Russian experience in the field of digitalization and the oil and gas industry for the conditions of Azerbaijan are substantiated.

Keywords: economic cooperation, foreign economic relations, economic integration, oil and gas sector, digital technology, digital field

Введение

В современном, стремительно меняющемся мире цифровое пространство является объективной реальностью для выстраивания взаимовыгодных экономических отношений между странами.

Упрощение взаимодействия между субъектами хозяйствования, сокращение транзакционных издержек, создание условий для сокращения цепочек посредников между производителем и конечным потребителем, выстраивание эффективной производственной кооперации и др. позволяет повысить экономическую эффективность сотрудничества.

Актуальность исследований в данной области обусловлена ключевой ролью цифровых решений в развитии экономики современного государства [3; 7 и др.].

Материалы и методы

Основные направления экономического сотрудничества между Российской Федерацией и Азербайджанской Республикой регламентируют более двадцати межгосударственных и межправительственных документов.

Целью настоящей статьи является представление результатов исследования современного состояния и перспектив российско-азербайджанского экономического сотрудничества.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- оценить степень международной интеграции и изучить состояние внешнеэкономических связей России и Азербайджана;
- оценить современный уровень и определить перспективные направления российско-азербайджанского экономического сотрудничества;
- выявить возможности использования цифровых технологий в ключевой отрасли экономики Азербайджана — нефтегазодобыче;
- сформулировать предложения по использованию российского опыта цифровизации нефтегазодобывающего сектора для условий экономики Азербайджанской Республики.

Для решения поставленных задач были использованы методы сравнительного и логического анализа, метод экспертных оценок.

В качестве гипотезы выступает предположение о необходимости и возможности применения современных цифровых технологий и концепции «Цифровое месторождение» в деятельности предприятий ключевого сектора экономики Азербайджана — нефтегазового сектора, обеспечивающего около 95% экспорта и формирующего 43% ВВП.

Результаты

Присутствие любого государства на мировом экономическом ландшафте проявляется в форме внешней торговли и встраивания в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, а также участия в интеграционных экономических объединениях [9].

Как правопреемник СССР, Российская Федерация с 1945 г. является членом ООН и состоит во всех специализированных учреждениях ООН: ЮНЕСКО, ЮНИДО, ВОЗ (Всемирная организация здравоохранения), ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, англ. *FAO — Food and Agriculture Organization*), МФСР (Международный фонд сельскохозяйственного развития), МОТ (Международная организация труда), ИКАО (Международная организация гражданской авиации, англ. *ICAO — International Civil Aviation Organization*), ММО (Международная морская организация), МСЭ (Международный союз электросвязи), ВПС (Всемирный почтовый союз), ВОИС (Всемирная организация интеллектуальной собственности), ВМО (Всемирная метеорологическая организация), МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии), МБРР (Международный банк реконструкции и развития), МФК (Международная финансовая корпорация), МВФ (Международный валютный фонд), МАР (Международная ассоциация развития) и др.

Как одна из великих держав современности Россия является важнейшим участником всех процессов, протекающих на мировой арене, и состоит, помимо ООН, во многих международных организациях (табл. 1).

Таблица 1

Перечень основных организаций, в которых участвует Россия

Организация	Год вступления
Организация Объединенных Наций (ООН)	1945
Совет Безопасности ООН	1946
Содружество Независимых Государств (СНГ)	1991
Союзное государство	1996
Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)	1992
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)	1973
Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС)	1992
Совет Европы	1996
БРИКС (группа из пяти стран, англ. <i>BRICS</i> — сокращение от <i>Brazil, Russia, India, China, South Africa</i>)	2006
Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС)	1998
Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	1996
Евразийский экономический союз (ЕАЭС)	2015
Международный валютный фонд (МВФ)	1992
Всемирная торговая организация (ВТО)	2012
Астанинская тройка	2017
Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии	1999
<i>В качестве наблюдателя:</i>	
Организация исламского сотрудничества (ОИС)	2005
Международная организация по миграции (МОМ, англ. <i>IOM</i>)	1992

Первой межправительственной организацией, в которую Азербайджан вступил в декабре 1991 г., стала Организация исламского сотрудничества (ОИС)¹, что является закономерным, учитывая факт мусульманской религиозной принадлежности большинства граждан страны.

Азербайджанская Республика является членом ООН с марта 1992 г. и так же, как и Россия, состоит во всех специализированных учреждениях ООН — ЮНЕСКО (специализированное учреждение Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры; англ. *UNESCO — United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization*), ЮНИДО (Организация Объединенных Наций по промышленному развитию; англ. *UNIDO — United Nations Industrial Development Organization*) и др. С 1997 г. Азербайджан имеет статус наблюдателя в ВТО (Всемирная торговая организация); переговоры по вступлению в ВТО ведутся с 2004 г.

Страна входит в состав СНГ, ОБСЕ, ЕБРР (Европейский банк реконструкции и развития), Интерпола; в январе 2001 г. Азербайджан стал 43-м государством — членом Совета Европы. Азербайджанская Республика является одним из учредителей Организации черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), созданной для укрепления взаимодействия в бассейне Черного моря.

Кроме этого, страна входит в субрегиональную интеграционную группу ГУАМ² (аббревиатура, образованная из начальных букв названий входящих в объединение стран), образованную в октябре 1997 г. Грузией, Украиной, Азербайджаном и Молдовой с целью углубления интеграции и сотрудничества государств в экономической и политической сферах вне рамок СНГ.

¹ До 2011 г. — Организация Исламская конференция (ОИК).

² В 1999–2005 гг. в состав группы входил также Узбекистан; в этот период группа носила названия ГУУАМ.

Другим важным интеграционным проектом, в котором принимает участие Азербайджан, является «Восточное партнерство», призванное укреплять отношения между Европейским союзом и его «новыми соседями» после расширения ЕС в 2004 г.

Азербайджанская Республика имеет партнерские отношения с НАТО, начавшиеся в 1994 г. с программы «Партнерство ради мира». Вместе с тем необходимо отметить, что в мае 2011 г. страна стала членом «Движения неприсоединения» — международной организации, объединяющей страны, провозгласившие основой своего внешнеполитического курса неучастие в военно-политических блоках и группировках.

Азербайджан получил статус наблюдателя при «Форуме стран — экспортеров газа» в ноябре 2015 г.; страна является также участником процесса стабилизации нефтяного рынка в рамках соглашения ОПЕК+ (Международная организация стран — экспортеров нефти, англ. *OPEC — The Organization of the Petroleum Exporting Countries*).

На основании данных о пересечении членства России и Азербайджана в основных межправительственных организациях и интеграционных объединениях (табл. 2) можно сделать вывод о достаточной пересекаемости интересов и целевых установок двух стран: из восемнадцати приведенных организаций и объединений обе страны участвуют в семи, что составляет 39%.

На экономическое развитие современной России значительное влияние оказывает внешняя торговля товарами и услугами.

Таблица 2

Членство России и Азербайджана в межправительственных организациях и интеграционных объединениях (пересечение)

Наименование межправительственных организаций и интеграционных объединений	Российская Федерация	Азербайджанская Республика
Организация Объединенных Наций (ООН)	+	+
Содружество Независимых Государств (СНГ)	+	+
Евразийский экономический союз (ЕАЭС)		+
Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	+	
БРИКС	+	
Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)	+	
ГУАМ		+
Совет Европы	+	+
Организация Североатлантического договора (НАТО)		+
Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ)	+	+
Организация экономического сотрудничества (ОЭС)		+
Всемирная торговая организация (ВТО)	+	
Интерпол	+	+
Организация Исламского сотрудничества (ОИС)	+	+
Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС)	+	+
Восточное партнерство		+
Форум стран — экспортеров газа	+	+
Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС)	+	

Сравнительные конкурентные преимущества Российской Федерации на мировом рынке имеют четко выраженную низкотехнологичную специфику и представлены продукцией отраслей, эксплуатирующих природные ресурсы; наибольший индекс RCA (индекс выявленного сравнительного преимущества, англ. *Revealed comparative advantage*) — в горнодобывающей промышленности (4,08), в том числе по таким категориям товаров, как продукты нефтепереработки, кокс и ядерное топливо (3,3) [9].

На протяжении последних лет географическая структура российской внешней торговли сдвигается в сторону Азии, что во многом обусловлено ростом экспортных поставок в Китай, на долю которых приходится почти половина российского экспорта в страны АТЭС. В настоящее время доля АТЭС в общем объеме экспорта составляет около 25%.

Азербайджан, как любое другое современное и динамично развивающееся государство, привлекает российские компании к реализации совместных проектов. По данным Российского экспортного центра (РЭЦ), в настоящее время на территории Азербайджана осуществляют свою деятельность более 750 совместных предприятий, 330 из которых имеют 100%-й российский капитал, 450 — являются совместными предприятиями.

По данным РЭЦ, экспорт из России в Азербайджан в 2018 г. вырос по сравнению с данными 2017 г. на 12,5% (до 1,7 млрд долл. США), при этом товарооборот между странами увеличился на 13,8% и достиг 2,4 млрд долл. США. Российский экспорт в Азербайджан в 2018 г. был представлен в основном следующими товарными группами (млн долл. США): продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье — 422,1; машины, оборудование и транспортные средства — 381,6; металлы и изделия из них — 315,9; древесина и целлюлозно-бумажные изделия — 238,1; продукция химической промышленности, каучук — 198,0 [15].

По данным Банка России, в 2018 г. внешнеторговый оборот России составил 693,1 млрд долл. США (117,1% к 2017 г.), в том числе экспорт — 444,0 млрд долл. США (125,6%), импорт — 249,1 млрд долл. США (104,6%). Сальдо торгового баланса оставалось положительным и составило 195,0 млрд долл. США (в 2017 г. — 115,4 млрд долл. США) [13].

Подавляющая часть российского импорта (почти 90% общего объема ввозимой продукции) приходится на дальнее зарубежье, при этом 37% импорта приходится на три страны — Китай, Германию и США.

Из Азербайджана Россия импортирует следующие товары и продукты:

- продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (526,1 млн долл. США по уровню 2018 г.);
- минеральные продукты (103,6 млн долл. США);
- текстиль и изделия из него, обувь (35,9 млн долл. США) и др.

Необходимо отметить, что страновая структура российского импорта остается практически неизменной с 2014 г. Так, например, в 2017 г. первые позиции занимали следующие ключевые категории товаров и товарных групп: ядерные реакторы, котлы, машины и оборудование; электрическое и электронное оборудование; транспортные средства, включая железнодорожные и трамвайные локомотивы (табл. 3).

Современный Азербайджан является единственным государством Южного Кавказа, не имеющим крупного дефицита внешней торговли. Положительный внешнеторговый баланс обеспечивается благодаря интенсивному экспорту минерального сырья, добыча которого обеспечивает 43% ВВП и около 95% экспорта.

В начале прошлого века Азербайджан экспортировал всего несколько видов товаров (нефть, шелк, икра, рыба) и лишь в самое близкое зарубежье. В настоящее время Азербайджанская Республика наладила крепкие международные экономические связи как с ближним, так и с дальним зарубежьем — экспортирует нефть и нефтепродукты, цветные металлы и химические продукты, отдельные типы нефтяного оборудования, хлопковое волокно, спиртные напитки (вино), табак, холодильники и кондиционеры.

Основу азербайджанского экспорта составляют минеральное топливо и нефтепродукты (89,6% в товарной структуре экспорта в 2017 г.), преимущественно сырая нефть (свыше 70%). Кроме того, важной товарной категорией экспорта является продукция сельского хозяйства (фрукты, овощи и орехи).

Главным импортером сырой нефти из Азербайджана является Италия, что обусловлено ее удобным географическим положением на Средиземном море, наличием крупных морских нефтяных портов и развитой нефтеперерабатывающей промышленностью [14]. Так, в 2017 г. в Италию было поставлено свыше 40% вывозимой из Азербайджана сырой нефти. Также крупнейшими импортерами этого энергоносителя являются Израиль и Чехия: 6,0% и 5,2% стоимостного объема экспортных поставок сырой нефти соответственно (по уровню 2017 г.).

Таблица 3

Товарная структура импорта в Россию в 2107 г. (%)

Ключевые категории товаров и товарных групп	Всего
Ядерные реакторы, котлы, машины и оборудование и т. д.	31,0
Электрическое, электронное оборудование	18,4
Транспортные средства (включая железнодорожные и трамвайные локомотивы)	15,1
Железо и сталь, медь, алюминий и изделия из них	9,0
Химические вещества и продукты	6,4
Самолеты, космические аппараты и их комплектующие	6,1
Пластмассы и изделия из них	5,9
Предметы одежды, аксессуары, обувь	5,6
Фармацевтические продукты	5,2
Оптические и фотоаппараты; технические, медицинские приборы и др.	4,4
Импорт в Россию (ООН), млрд долл. США	228,2
Импорт в Россию (ФТС), млрд долл. США	227,5

Источник: ФТС (Федеральная таможенная служба), ООН, International trade in goods and services based on UN Comtrade data.

В 2010–2013 гг. основной товарной категорией экспорта в Россию был природный газ, поставки которого осуществлялись с 1 января 2010 г. в соответствии с заключенным контрактом между Государственной нефтяной компанией Азербайджанской Республики (ГНКАР) и ПАО «Газпром» на 2010–2014 гг. Ключевыми экспортными товарами Азербайджана в Россию в 2014–2018 гг. (после завершения срока действия контракта с ПАО «Газпром») стали фрукты, овощи и орехи.

Азербайджан импортирует изделия промышленности (автомобили и промышленное оборудование, металл), изделия лесной промышленности, различные продовольственные товары, товары легкой промышленности, минеральные удобрения и др.

Россия остается основным партнером Азербайджана по импорту (за исключением 2012 г.). В 2017 г. Россия обеспечила 16,8% стоимостного объема азербайджанского импорта (1,5 млрд долл. США). Традиционными товарами импорта из России являются зерновые культуры (пшеница и кукуруза), древесина и изделия из нее, железо и сталь, а также изделия из них, табак, оборудование и механические устройства.

В настоящее время у Азербайджана не хватает объемов природного газа для удовлетворения всех внешних и внутренних обязательств (объем добычи в 2017 г. составил 17,7 млрд м³), поэтому в 2017 г. ГНКАР (Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики) заключила договор с ПАО «Газпром» на поставку 1,6 млрд м³ российского газа ежегодно; в будущем планируется повысить добычу газа за счет эксплуатации месторождения «Шах-Дениз», запасы которого оцениваются в 1,2 трлн м³.

Вторым по величине объема поставок в Азербайджан торговым партнером является Турция; при этом товарная структура этого потока характеризуется высокой степенью диверсификации. В структуре поставок преобладают оборудование и механические устройства (14,9% в 2017 г.), электрические машины и оборудование (8,1%), пластмассы и изделия из них (7,5%), изделия из железа и стали (6,9%).

В последние годы значительно возросла роль импорта продукции из Китая. Основными ввозимыми в Азербайджан продуктами являются оборудование и механические устройства (27,3% в 2017 г.), электрические машины и оборудование (18,0%), транспортные средства (кроме железнодорожных составов и трамваев), их комплектующие (6,6%).

С декабря в Баку работает представительство РЭЦ, основными задачами которого является:

- содействие российским экспортерам и азербайджанским покупателям российской продукции в подборе партнеров;
- участие в выставках, ярмарках, деловых миссиях;

- оказание содействия в осуществлении финансовой и нефинансовой поддержки совместных проектов, а также на рынках третьих стран;
- содействие в устранении возникающих барьеров по реализации совместных проектов и др.

Ведется также активная работа в направлении диверсификации экономики, развития совместных российско-азербайджанских производств. Одним из результатов этого стало создание в Азербайджане автосорочного завода одного из крупнейших автомобилестроительных холдингов России «Группа ГАЗ»; в феврале 2019 г. была осуществлена закладка первого камня нового производства грузовых коммерческих автомобилей и спецтехники.

По нашему мнению, наиболее перспективным вектором российско-азербайджанского сотрудничества в настоящее время является энергетический, подтверждением чему стали итоги переговоров президента Российской Федерации В. В. Путина с президентом Азербайджанской Республики И. Г. Алиевым (1 сентября 2018 г., г. Сочи). По итогам переговоров были подписаны четырнадцать соглашений по разным направлениям сотрудничества, включая развитие экономических отношений, транспорта, таможенного режима.

Важным фактом является то, что пять из подписанных актов имеют непосредственное отношение к топливно-энергетическому комплексу:

- Соглашение о совместном изучении нефтегазового потенциала блока Гошадаш и северной части мелководья Апшеронского полуострова, расположенной на азербайджанском участке дна Каспийского моря;
- Контракт между ПАО «НК «Роснефть»» и SOCAR Trading S.A.¹ (Азербайджанская нефтегазовая компания, англ. *State Oil Company of Azerbaijan Republic*);
- Соглашение о стратегическом сотрудничестве между SOCAR, АО «Российский экспортный центр» и АО «Газпромбанк» в рамках совместной реализации проектов в сфере поддержки банком экспорта из Российской Федерации;
- Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Азербайджанской Республики о таможенном контроле товаров, перемещаемых по линиям электропередачи и трубопроводным транспортом;
- Меморандум между правительством Российской Федерации и правительством Азербайджанской Республики о сотрудничестве в области цифровых транспортных систем.

Перечисленные документы, а также тот факт, что в Азербайджане уже успешно работают некоторые российские энергетические компании, в том числе ПАО «Лукойл», придают новый импульс экономическому сотрудничеству в энергетической сфере.

Существующие соглашения в нефтегазовой отрасли экономики, рассчитанные на развитие взаимовыгодных связей в области геологоразведочных и добычных работ, являются нормативно-правовой основой стратегического сотрудничества предприятий нефтегазового комплекса двух стран.

Представляется необходимым отметить следующее. Начало геологоразведочных работ на блоке Гошадаш относится к 50–70 гг. XX в., когда на месторождении был выполнен комплекс сейсморазведочных работ. В 2012 г. Управление морского разведочного бурения компании SOCAR начало самостоятельное бурение первой разведочной скважины. В 2016 г. в целях изучения нефтегазового потенциала месторождения предполагалось привлечь малайзийскую компанию Petronas², что в итоге не привело к ожидаемым результатам.

В 2017 г. НГДУ «Абшероннефть» завершило работы по 3D-моделированию и выполнило комплекс подготовительных работ для бурения двух поисково-разведочных скважин с целью оценки нефтеносности структуры Гошадаш. Далее геологоразведочные работы планируется осуществлять совместно с ПАО «НК «Роснефть»». Отдельно необходимо отметить договор, подписанный между ПАО «НК «Роснефть»» и SOCAR Trading S.A. на предмет поставки сырой нефти в объеме 1 млн т для нужд нефтеперерабатывающего завода STAR в Турции.

¹ SOCAR S.A. является торговой «дочкой» компании SOCAR (ГНКАР).

² Государственная корпорация, полностью принадлежащая правительству Малайзии; по версии Financial Times, входит в число семи самых влиятельных национальных нефтяных и газовых компаний мира из стран, не входящих в ОПЕК.

В Российской Федерации с 2013 г. работает дочернее подразделение SOCAR — компания ООО «СОКАР РУС», которая изучает возможности применения финансового, научно-производственного и управленческого потенциала SOCAR на российском рынке, СНГ, а также привлечение российских и международных инвесторов к участию в реализации проектов на территории Азербайджана.

Нефтегазовый сектор в настоящее время является основным фактором и драйвером экономического роста Азербайджана; бюджетные трансферты Государственного нефтяного фонда Азербайджанской Республики (ГНФАР) на протяжении последних лет устойчиво формируют более 50% поступлений государственного бюджета (см. рис.).

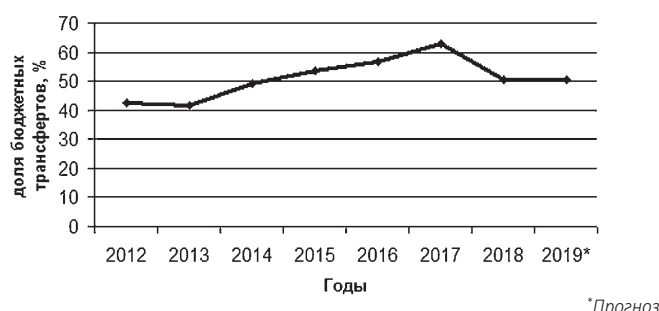

Рис. Динамика бюджетных трансфертов ГНФАР за период 2009–2019 гг.

Так, по данным Национальной статистической службы Азербайджана, в 2019 г. ГНФАР планирует перечислить в бюджет 6,79 млрд долл. США, при этом доля прямых нефтяных доходов составит 50,4%; с учетом налогообложения нефтяных компаний доля нефтяных доходов бюджета составит 59,8% (против 60,2% в 2018 г.).

В настоящее время результаты функционирования предприятий нефтегазового сектора в мире формируются под активным влиянием следующих основных факторов [8]:

- объективное усложнение условий освоения нефтегазового сырья, что формирует высокие риски и издержки для участников процесса;
- необходимость осуществления производственно-хозяйственной деятельности в условиях изменяющейся рыночной конъюнктуры;
- формирование новых целевых установок и системы экономических интересов;
- изменение доли на региональных и мировых рынках.

В этих условиях для конкурентного функционирования нефтяных компаний необходимо использовать современные цифровые технологии, которые уже достаточно широко используются на всех стадиях нефтяной цепочки в мировом нефтяном бизнесе. Современный уровень достаточно жесткой конкуренции на мировом рынке нефти и газа является драйвером цифровизации нефтегазовой отрасли.

По прогнозам ВР, развитие цифровых технологий позволит увеличить извлекаемые запасы нефти в мире на 35% к 2050 г., при этом общая себестоимость добычи снизится на 30%.

Цифровые технологии в настоящее время применяются во всех сегментах нефтегазовой отрасли Российской Федерации; практически все находящиеся в эксплуатации российские месторождения углеводородов имеют «цифровых двойников», для работы с которыми в Санкт-Петербурге создан вычислительный кластер.

Анализ российского опыта строительства цифровых месторождений и скважин [1; 5; 6 и др.] выявил следующие основные тенденции цифровой модернизации нефтегазового производства:

- технологическое обслуживание и ремонт объектов основных производственных фондов в режиме реального времени;
- обеспечение надежности всех производственных операций;
- оптимальное управление складскими запасами;

- использование оптоволоконных сенсорных устройств;
- постоянно действующий мониторинг процесса нефтегазодобычи;
- безопасность производства;
- мобильность ИТР (инженерно-технических работников).

Существуют различные версии цифрового (интеллектуального, умного) месторождения, предлагаемые как научно-исследовательскими, консалтинговыми, технологическими, так и нефтегазовыми компаниями.

Так, например, по оценкам исследовательских компаний, основным эффектом в результате перехода к цифровому месторождению является прирост добычи, сокращение простоев и снижение трудоемкости.

По оценкам консалтинговых компаний, экономия эксплуатационных затрат на 7–10% возникает вследствие оптимизации производства.

По версии специалистов лидера современного рынка корпоративных приложений, компании SAP, цифровое месторождение представляет собой экспертно-аналитическую систему, которая оперативно собирает, анализирует информацию и дает рекомендации по оптимизации нефтегазодобывающего производства.

Решение такого класса задач требует выполнения следующего набора функций:

- визуализация текущих показателей работы оборудования по объектам месторождения;
- оперативный доступ к нормативно-справочной информации по подрядчикам и оборудованию;
- выполнение функции поддержки принятия решений для геологов, разработчиков, технологов, технических специалистов;
- автоматизированное планирование всех видов мероприятий на производстве;
- интегрированное моделирование текущего состояния актива с возможностью оперативного расчета влияния операционной деятельности на профиль добычи.

В версии компании по разработке программного обеспечения EnergySys, создавшей облачную платформу для размещения продукции и отчетности, за счет оптимального технологического режима добычи нефти при использовании современных информационных технологий можно обеспечить снижение себестоимости добычи нефти на 20%.

В данном контексте необходимо отметить, что нефтегазовая отрасль России входит в число лидеров цифровизации — внедрение цифровых решений началось здесь даже раньше, чем появилась государственная программа по созданию цифровой экономики. Ключевые игроки российского энергетического рынка в целях повышения эффективности активно используют цифровые технологии — «нефтяной» интернет вещей, «цифровых двойников», «нефтяную квантовизацию» и др.

Так, например, в ПАО «Газпром нефть» цифровые модели месторождений разрабатываются уже более 10 лет. Концепция «Цифрового месторождения» компании объединяет несколько основных «цифровых» подходов: использование уточняемых геолого-технических и инженерных моделей; оперативное управление производством; интеграция с финансово-экономическими показателями; накопление знаний и опыта; создание единой базы данных; коллективная работа и совместное принятие решений. По оценкам, реализация цифровой программы развития компании дает возможность более чем на 40% оптимизировать период подготовки крупных проектов и минимизировать сроки работ до получения первой нефти.

В 2018 г. ПАО «Газпром нефть» провело заправку регулярного авиарейса с использованием технологии распределенных регистров «блокчейн». Применение когнитивных систем позволило сократить время оценки потенциальных мест для бурения с нескольких недель до 15 минут. Когнитивные технологии на ранних этапах позволяют оптимизировать 70–80% рутинных операций геологов, находить дополнительные геологические решения.

ПАО «НК «Роснефть» в соответствии с утвержденной Стратегией «Роснефть-2022» реализуется ряд программ («Цифровое месторождение», «Цифровой завод», «Цифровая АЗС», «Цифровая цепочка поставок»), которые позволяют перейти на качественно новый уровень современного информационного бизнеса, повысить надежность и экономичность производства и сократить потери.

В мае 2019 г. компания первой в России на базе Илишевского месторождения ПАО АНК «Башнефть» запустила пилотный проект «Цифровое месторождение», охватывающий все основные процессы нефтедобычи и логистики. Основными элементами модели выступают «цифровые двойники», новейшие мобильные устройства с передачей данных, интеллектуальная система мониторинга трубопроводов. Применение новейших технологий только в производственных процессах ПАО АНК «Башнефть» за счет оптимизации производства позволяет получить дополнительно до 1 млн т нефти; годовой экономический эффект оценивается суммой около 1 млрд руб.

В ПАО «Лукойл» в рамках программы «Цифровой Лукойл 4.0» планируется выстраивать экосистему, включающую Единое цифровое рабочее пространство. Компания также реализует концепцию «Интеллектуального месторождения» (Life-Field), в рамках которой управление месторождением строится на основе автоматизированных компьютерных систем и высокотехнологичных систем сбора данных; проект цифровизации месторождений ПАО «Лукойл» завоевал премию на конкурсе российских IT-проектов 2018 г.

По прогнозу специалистов ИПНГ РАН (Институт проблем нефти и газа РАН), к 2025 г. количество цифровых скважин у российских нефтегазовых компаний достигнет 50 тыс., а к 2030 г. общее количество цифровых месторождений в РФ составит около пятисот. Согласно оценке экспертов ИПНГ РАН, цифровая модернизация позволит России повысить добычу к 2024 г. на 25–30 млн т нефти и примерно 20–25 млрд м³ газа; запасы легкой нефти и сухого газа возрастут на 3,8% [10].

Существует мнение, с которым нельзя не согласиться, учитывая скорость внедрения цифровых решений, что в перспективе 5–10 лет с полноценным внедрением систем сбора и хранения технологических данных «применение самообучающихся алгоритмов оптимизации процессов станет неотъемлемой компонентой функционирования разведочных, буровых и добычных комплексов» [2, с. 183].

Обсуждение

В 2009 г. о планах перехода к интегрированному планированию добычи в Азербайджане сообщила SOCAR, в версии которой цифровое месторождение реализуется с помощью единой методологии и системы планирования, мобильных устройств для персонала, а также системы отчетности для руководителей (таблица 4).

Каждый день мастера по добыче формируют задания по обходу скважин для операторов. Персонал обходит скважины, фиксируя параметры их работы с помощью мобильного устройства (в т. ч. фактические объемы добычи), технологические режимы работы. На мобильных устройствах фиксируют также момент и условия останова скважины. Параметры добытой нефти регистрируют на рабочих местах лаборанты, и далее эти данные поступают в систему планирования в режиме реального времени.

При таком подходе к планированию руководителям компании доступна оперативная отчетность по фонду скважин и основным KPI (ключевой показатель эффективности, англ. *KPI — Key Performance Indicator*) добычи.

Как известно, функция планирования является одной из основных функций менеджмента (по А. Файолю) наряду с функциями организации (администрирования), мотивации и контроля.

Но, по всей видимости, версия цифрового месторождения SOCAR, ограниченная лишь целью интегрированного планирования, искусственно сужает возможности цифровизации, конечным результатом которой должно стать повышение эффективности нефтегазодобычи и управления активами добывающей компании.

Как представляется, использование опыта российских профильных компаний, например, ПАО «НК «Роснефть»», позволит достигнуть более значимых результатов.

В условиях специфики добычи углеводородного сырья в Азербайджане¹ весьма продуктивным представляется «нефтяная квантовизация», которая обеспечивает передачу кодированного сигнала (например, с берега на морскую платформу и обратно) с использованием квантовой криптографии.

¹ В настоящее время большая часть добычи нефти и газа в Азербайджане осуществляется со дна Каспийского моря.

Версии цифрового месторождения нефтегазовых компаний мира

Версии цифрового месторождения	Характеристика	Результаты
Shell	Работа пластов, скважин, коллекторов, трубопроводов и др. наземных объектов анализируется в режиме реального времени на основе анализа данных датчиков систем телеметрии. Собранные параметры сохраняются и обрабатываются. В реальном времени их сравнивают с данными моделей скважин, трубопровода, показателями добычи и закачки, характеристиками наземных промысловых объектов, что позволяет оперативно сформировать комплексную картину происходящего и выявить отклонения	Прирост добычи
Роснефть	Набор систем для контроля и управления активом, объединенных центром интегрированных операций. Здесь централизованно обрабатывают и анализируют данные о производственных операциях с целью сокращения потерь и оптимального использования имеющихся ресурсов	Повышение эффективности нефтегазодобычи и более эффективное управление активами компании. Более чем на 7% сокращаются недоборы в результате совмещения мероприятий, а также в 120 раз быстрее формируется план добычи, режимов и мероприятий. При этом в 90 раз меньше времени требуется на контроль исполнения плана, в 30 раз меньше времени — на анализ работы скважины
SOCAR	Интегрированное планирование. Умное месторождение реализовано с помощью единой методологии и системы планирования, мобильных устройств для персонала и системы отчетности для руководителей. При таком подходе руководителям компании доступна оперативная отчетность по фонду скважин и основным KPI добычи	Процесс расчета баланса нефти и газа сокращается до двух дней

Квантовую информацию можно передавать не только по оптоволокну, но и с использованием спутниковой системы сбора и передачи информации. В данном контексте необходимо отметить, что Россия является сейчас единственной страной в мире, которая способна проводить мониторинг состояния диагностики морских трубопроводов на глубинах более 1,5 тыс. м.

Для целей использования передового опыта предприятий российского нефтегазового сектора перспективным представляется заключение Меморандума между правительством Российской Федерации и правительством Азербайджанской Республики о сотрудничестве в области цифровых месторождений.

Заключение

Использование цифровых решений в нефтегазовой отрасли разных стран мира не является сейчас некой данью модным тенденциям; это осознанная, реальная необходимость в целях повышения эффективности деятельности нефтегазовых компаний. По оценке экспертов, ключевым фактором развития цифрового нефтегазового производства всех компаний мира, от которого в значительной степени зависят экономические результаты, является цифровизация процесса сбора и передачи данных [6].

Адекватное встраивание в процессы цифровизации будет создавать реальные предпосылки повышения конкурентоспособности национальных нефтегазовых компаний, что в случае Азербайджана будет увеличивать надежность стабильных поступлений в государственный бюджет как за счет трансфертов ГНФАР, так и налоговых доходов компаний нефтегазового сектора.

Две страны имеют общее (советское) прошлое и в некоторой степени похожее настоящее (наличие значительного потенциала углеводородного сырья, ведущая роль государственного сектора при освоении нефтегазовых месторождений, зависимость доходов государственного бюджета от экспорта углеводородов и т. д.). Есть все основания предполагать, что с долей высокой вероятности успешности процесса цифровой модернизации нефтегазовой отрасли Азербайджанской Республики будет способствовать изучение накопленного положительного опыта Российской Федерации в этой сфере.

Литература

1. Абукова Л. А., Дмитриевский А. Н., Еремин Н. А. Цифровая модернизация нефтегазового комплекса России // Нефтяное хозяйство. 2017. № 10. С. 2–6.
2. Актуальные технологические направления в разработке и добыче нефти и газа : публичный аналитический доклад. М. : БиТуби, 2017. 220 с.
3. Бабаев Э. А. Цифровизация как фактор развития экономики современного государства (на примере Республики Азербайджан) / Материалы XI Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Экосистема цифровой экономики». 24–26 апреля 2019 г. Том 1. СПб. 2019. С. 259–261.
4. Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики. Динамика внешней торговли. Выпуск № 40, август, 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/17665.pdf> (дата доступа: 10.10.2019).
5. Дмитриевский А. Н., Еремин Н. А. Цифровое нефтегазовое производство // Нефть. Газ. Новации. 2017. № 5. С. 58–61.
6. Еремин Н. А. Цифровая модернизация газового комплекса / Н. А. Еремин, Л. А. Абукова, А. Н. Дмитриевский // Актуальные вопросы разработки и внедрения малолюдных (удаленных) технологий добычи и подготовки газа на месторождениях ПАО «Газпром»: Доклады заседания секции «Добыча газа и газового конденсата» Научно-технического совета ПАО «Газпром». г. Светлогорск, 22–26 мая 2017 г. / ПАО «Газпром». 2017. С. 9–20.
7. Куклина Е. А., Бабаев Э. А. К вопросу о роли информационного обеспечения инновационной деятельности в условиях VUCA World / Материалы XI Международной научно-практической конференции «Государство и бизнес. Экосистема цифровой экономики». 24–26 апреля 2019 г. Том 4. СПб. 2019. С. 210–213.
8. Куклина Е. А. Инновационная деятельность предприятий нефтегазового сектора России в условиях новых вызовов энергетического рынка // Экономика нового мира : науч. журн. 2018. № 3 (11). СПб. : ЛГУ, 2018. С. 5–20.
9. Куклина Е. А., Стафеева Н. П. Реализация инновационных проектов в таможенно-логистической сфере как фактор встраивания России в глобальные цепочки добавленной стоимости // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. Международный научно-аналитический журнал. № 2 (24). 2018. С. 44–51.
10. К 2030 г. общее количество цифровых месторождений в РФ составит около 500 [Электронный ресурс]. URL: <https://oilcapital.ru/news/upstream/05-04-2019/k-2030-godu-obschee-kolichestvo-tsifrovyyh-mestorozhdeniy-v-rf-sostavit-okolo-500> (дата доступа: 10.10.2019).
11. Национальная статистическая служба Азербайджана: Макроэкономические показатели Республики Азербайджан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisstat.com/rus/macro/azer.htm> (дата доступа: 10.10.2019).
12. Новые горизонты российско-азербайджанского энергетического партнерства: итоги переговоров в Сочи [Электронный ресурс]. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/novye-gorizonty-rossiysko-azerbaydzhanskogo-energeticheskogo-partnerstva/> (дата доступа: 10.10.2019).
13. О состоянии внешней торговли России в 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d04/35.htm (дата доступа: 10.10.2019).
14. Пылин А. Г. Внешнеэкономические связи Азербайджана в контексте региональной интеграции // Проблемы постсоветского пространства. 2015. № 1. С. 58–76.
15. Экспорт России в Азербайджан в 2018 г. вырос на 12,5%, до \$1,7 млрд [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/6289802> (дата доступа: 10.10.2019).

Об авторе:

Куклина Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; jeakuklina@mail.ru

About the author:

Evgenia A. Kuklina, Full Professor of the Department of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), jeakuklina@mail.ru

Анализ внешней торговли и ее экономическое влияние на страны Центральной Азии

Тун Вэй^{1, *}, Уржумцева Т. Б.²

¹ Институт Восточной Европы и Центральной Азии Центрального университета финансов и экономики, Пекин, Китайская Народная Республика; *tongwei67@sina.com

² Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Актуальность исследования вопросов сотрудничества стран Центральной Азии во внешнеторговой сфере обусловлена ролью внешней торговли как важнейшего фактора экономического роста Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана и Кыргызстана. Внешняя торговля является важным средством интеграции стран Центральной Азии в мировую экономику и имеет ключевое значение для будущего развития национальных экономик всех стран. В статье анализируются объемы внешней торговли стран Центральной Азии за период 2000–2016 гг., оценивается экономическое влияние внешней торговли на развитие. Делается вывод о том, что, несмотря на вступление в силу Таможенного кодекса ЕАЭС, одна из целей которого — укрепление основ общего товарного рынка, доля внешней торговли ЕАЭС в настоящее время существенно превышает долю внутренней торговли, что является слабым местом в процессе внутренней экономической интеграции. Проблемой все еще является снижение степени зависимости региона от международного рынка.

Ключевые слова: внешняя торговля, экономическое сотрудничество, Центральная Азия, экономический рост, экспорт, внешняя зависимость

Analysis of Foreign Trade and Its Economic Impact on the Countries of Central Asia

Tong Wei^{a, *}, Tatiana B. Urzhumtseva^b

^a East Europe and Central Asia Institute of Central University of Finance and Economics, Beijing, The People's Republic of China; *tongwei67@sina.com

^b St. Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The study of cooperation between Central Asian countries in foreign trade is topical due to the role of foreign trade as an important factor in the economic growth of Tajikistan, Uzbekistan, Kazakhstan, Turkmenistan and Kyrgyzstan. Foreign trade is an important tool of the Central Asian countries' integration into the world economy and is of key importance for the future development of the national economies of all countries. The article analyzes the volume of Central Asian countries' foreign trade for the period 2000–2016, the economic impact of foreign trade on their development. Despite the entry into force of the EAEU customs code, one of the objectives of which was to strengthen the foundations of the common commodity market, the share of EAEU foreign trade currently significantly exceeds the share of domestic trade, which is a weak point in the process of domestic economic integration. The challenge is still to reduce the region's dependence on the international market.

Keywords: foreign trade, economic cooperation, Central Asia, economic growth, export, external dependence

Внешняя торговля является важным средством интеграции стран Центральной Азии в мировую экономику, а также основным фактором, способствующим экономическому росту. Хотя в последние годы роль внешней торговли в некоторой степени снизилась, но все же она остается наиболее значимым фактором экономического роста стран Центральной Азии, и на фоне усиливающейся тенденции региональной экономической интеграции внешняя торговля по-прежнему имеет большой потенциал.

С момента обретения независимости объем внешней торговли стран Центральной Азии в целом возрос, но на разных этапах внешняя торговля имела различные характеристики.

Каждая страна Центральной Азии на начальном этапе независимости прошла через разную степень колебаний, экономического спада и в основном зависела от импорта недорогих товаров. После 1997 г., когда политические и социальные противоречия в каждой стране ослабли, темпы экономического развития постепенно стабилизировались и Азиатский регион стал одним из регионов с самыми высокими темпами роста в мировой экономике, внешняя торговля также получила дальнейшее развитие.

В XXI в. мировые цены на нефть, газ и товары массового потребления резко возросли, что предоставляет хорошие возможности для развития внешней торговли в странах Центральной Азии, в частности, для Казахстана и Туркменистана, где преобладают доходы от продажи нефти и газа. Данные Всемирного банка показывают, что внешняя торговля Казахстана и Туркменистана сокращалась, за исключением глобального финансового кризиса в 2009 г. В период с 2000 г. по 2013 г. страны Центральной Азии в целом добились роста общего объема импорта и экспорта: рост Казахстана и Туркменистана был самым значимым, но его колебания довольно большие; Узбекистан сохраняет стабильный рост; масштаб торговли, темп роста Кыргызстана немного выше, чем у Таджикистана.

Из-за различной восприимчивости стран к внешней экономике в 2013 и 2014 гг. в пяти странах наблюдался спад внешней торговли, Казахстан и Туркменистан ощутили его сильнее всего, и по продолжительности он был самым длительным. В 2016 г. ситуация во внешней торговле в Узбекистане, в Казахстане и Таджикистане начала восстанавливаться.

Экспорт углеводородного сырья Казахстаном и Туркменистаном привел к увеличению импорта основных потребительских товаров, способствовал экономическому росту и инвестированию в продукты нефтегазовой отрасли.

Если считать в номинальном долларовом эквиваленте, то экспорт Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана увеличился. Если считать по покупательной способности в реальном долларовом эквиваленте, экспорт из Таджикистана фактически сократился, а экспорт из Кыргызстана практически не вырос (рис. 1).

Динамика внешней зависимости стран Центральной Азии приведена на рис. 2.

Поскольку в 2016 г. Всемирный банк не обладал данными о внешней зависимости Кыргызстана и Таджикистана, то в конечном итоге они были разделены на два равных периода: 2000–2007 гг.; 2008–2015 гг.

Очевидно, что за исключением Кыргызстана доля внешней торговли четырех стран в ВВП значительно снизилась: в Таджикистане произошло наибольшее снижение — с 125% до 74%, в то время как в Казахстане, Туркменистане и Узбекистане снижение составило 24%, 15% и 4% соответственно.

В Кыргызстане наблюдается рост с 97% до 132%, хотя во втором периоде годовая зависимость выше, чем в первом; но начиная с 2008 г. в Кыргызстане появилась тенденция снижения доли внешней торговли в ВВП с 146% до 109% в 2015 г. В 2016 г. доля Казахстана и Узбекистана составила 60% и 39% соответственно.

Снижение внешней зависимости стран Центральной Азии свидетельствует о том, что стратегия развития, ориентированная на внешний рынок, в определенной мере изменила ситуацию, при которой на ранних этапах перехода большая зависимость от иностранной легкой промышленности и промышленных товаров способствовала развитию внешней торговли. Это выражается в одновременном снижении зависимости от экспорта и импорта (за исключением Кыргызстана).

На рис. 3 приведена динамика экспортной зависимости пяти стран Центральной Азии, которая может более объективно сопоставить страны по этому показателю.

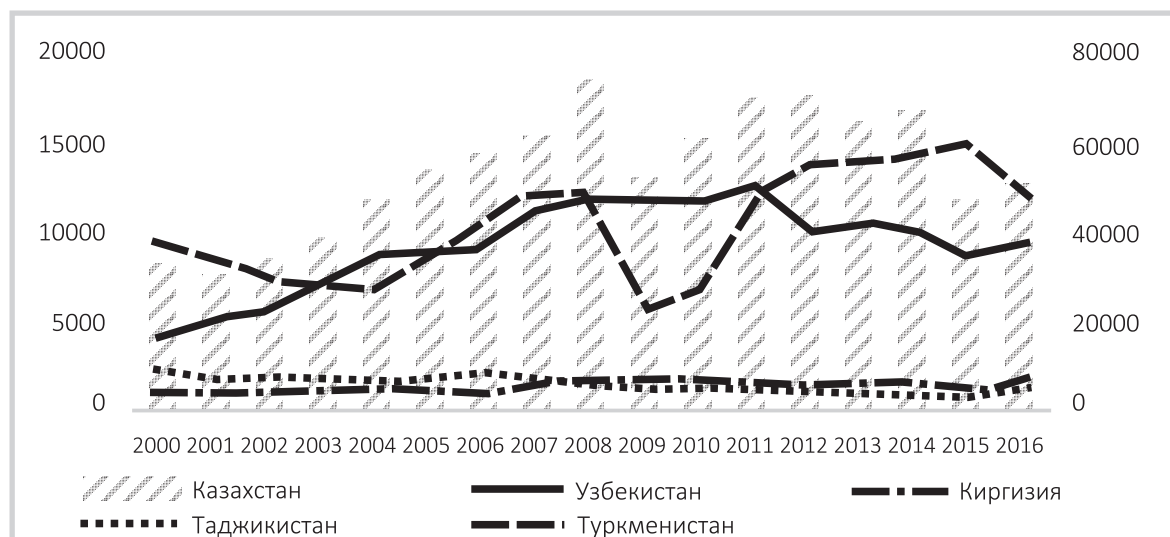

Рис. 1. Динамика экспорта стран Центральной Азии за период 2000–2016 гг. (млн долл. США)

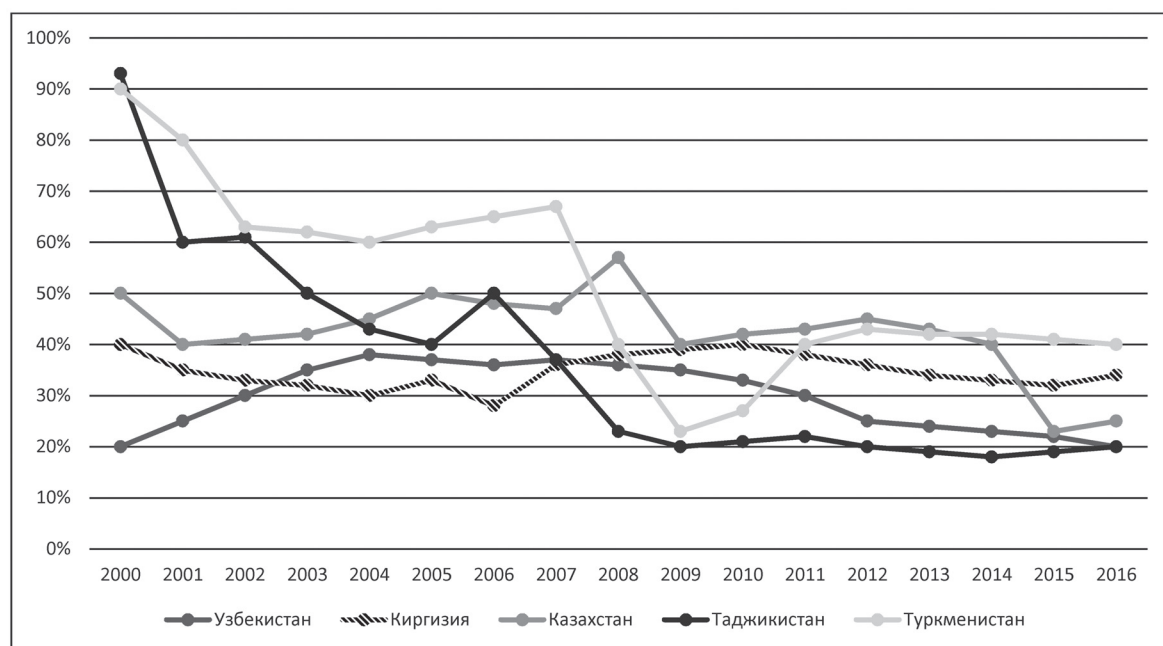

Рис. 2. Динамика внешней зависимости стран Центральной Азии в 2000–2016 гг. (%)

Источник данных: расчеты авторов по показателям мирового развития

Анализ данных свидетельствует о том, что с 2000 г. зависимость от экспорта стран Центральной Азии в целом уменьшилась; наиболее значимое снижение зависимости демонстрируют Таджикистан и Туркменистан.

В 2016 г. экспортная зависимость пяти стран составляла: Туркменистан — 30%; Казахстан — 27%; Киргизия — 23%; Узбекистан — 15%; Таджикистан — 14%.

За исключением Таджикистана и Узбекистана три другие страны превысили средний международный уровень и намного более превысили уровень экспортной зависимости от Китая, США и Японии.

Противоречие между богатыми природными ресурсами и ограниченными перерабатывающими мощностями привело к процветанию экспорта ресурсов. Это также отражает глубокие структурные проблемы в странах Центральной Азии: сильный перевес в экспортно-импортной структуре в сторону экспорта обуславливает зависимость стран от нестабильного международного рынка, что является причиной внутренней экономической уязвимости.

С увеличением располагаемого дохода жителей в странах Центральной Азии уровень потребления увеличился, и спрос на услуги также вырос. Важность финансовых услуг, связи, недвижимости, туризма и других отраслей стала более заметной. Дальнейшее расширение внутреннего кредитного спроса способствует углублению финансового сектора и открытию банковской и страховой отраслей. Увеличение инвестиций в инфраструктуру, включая модернизацию услуг связи и бизнеса, будет способствовать развитию сферы услуг, росту занятости и развитию внешней торговли.

Тем не менее в Центральной Азии торговля услугами только в Киргизии составляет относительно высокую долю ВВП (около 30%), а торговля услугами в Таджикистане и Узбекистане, наоборот, сокращается; так, например, в 2016 г. она составила всего 8,65% и 5,94% соответственно (рис. 4).

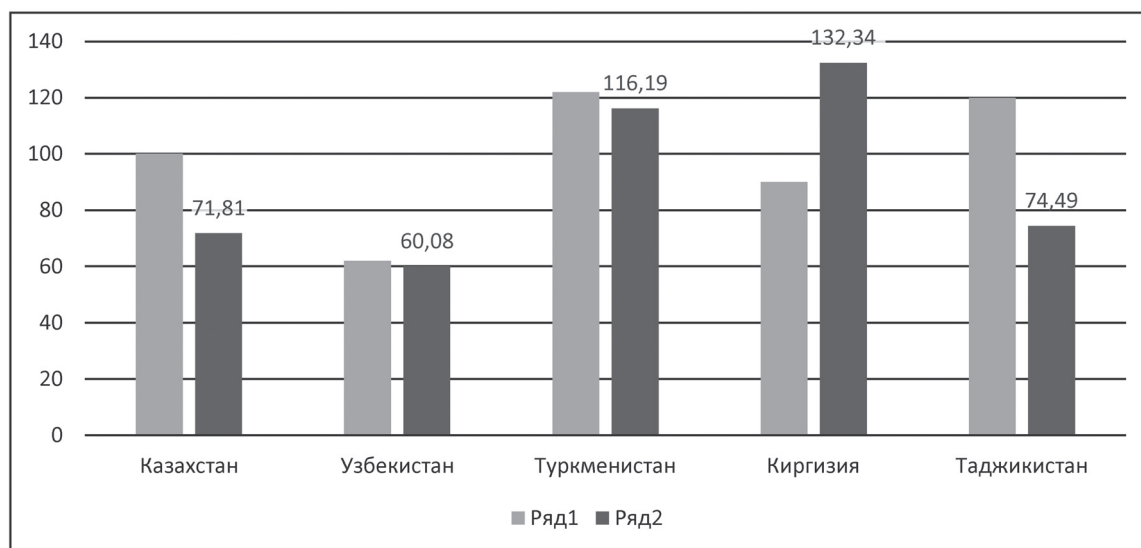

Рис. 3. Динамика экспортной зависимости стран Центральной Азии в 2000–2016 гг. (%)

Несмотря на то что доля услуг в ВВП Казахстана увеличилась, это увеличение незначительно, что свидетельствует о том, что сфера торговли не была в достаточной степени развита.

Производительный потенциал Казахстана относительно сильный. Страна активно выступает за региональную и мировую экономическую интеграцию, все больше встраивается в мировую экономику. Казахстан уже стал членом ЕАЭС и ВТО.

Киргизия и Таджикистан являются небольшими аграрными странами, достаточно давно вступившими в ВТО. Они все активнее осуществляют политику открытости. Киргизия не только является давним членом ЕАЭС, но и пользуется особыми преференциями, предоставленными ей организацией (GSP+).

Проводя политику независимого экономического развития, Узбекистан заключает двухсторонние договоры о свободной торговле, создает специальные (особые) экономические зоны и предпринимает другие меры, которые стимулируют развитие партнерских внешнеторговых отношений.

Туркменистан также создает свободные экономические зоны для того, чтобы сформировать платформу для внешнеэкономического сотрудничества. Рыночные преобразования в стране также будут способствовать углублению партнерских внешнеэкономических связей.

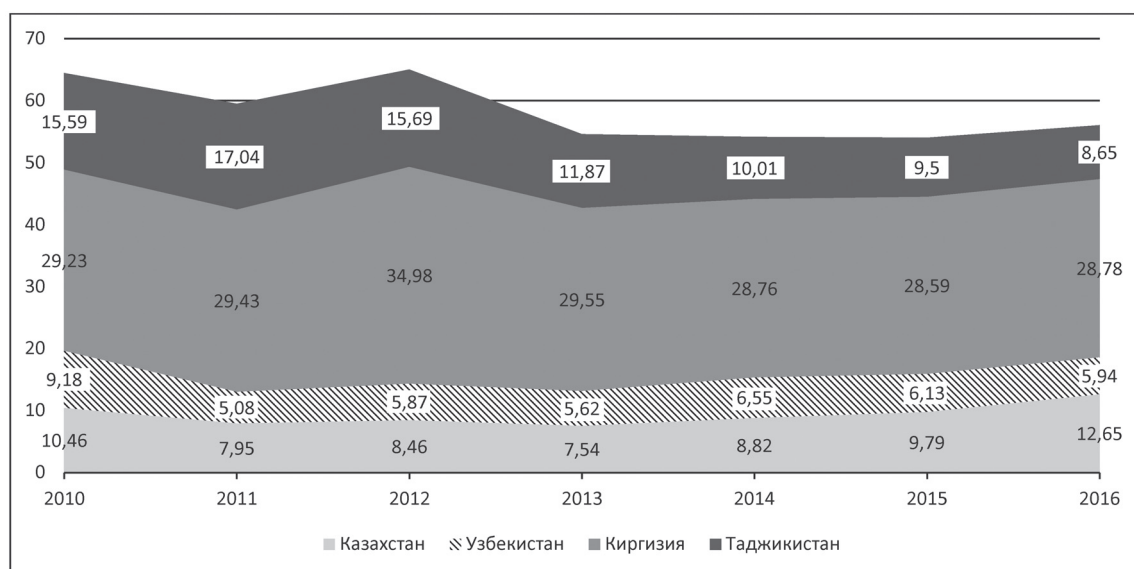

Рис. 4. Доля торговли услугами в ВВП стран Центральной Азии в 2010–2016 гг. (%)

Региональные организации экономической интеграции, созданные в Евразийском регионе, предоставили ряд институциональных механизмов для своих государств-членов, укрепляя торговые связи между странами Центральной Азии и традиционными партнерами.

После создания ЕАЭС таможенная граница между государствами-членами была отменена, а условия ведения торговли были упрощены.

С 1 января 2018 г. вступил в силу Таможенный кодекс ЕАЭС, направленный на создание механизма координации товарной торговли, обеспечение свободного передвижения товаров, укрепление основ общего товарного рынка.

Таможенный кодекс ЕАЭС был разработан с целью осуществления единого порядка при перемещении товаров через границу ЕАЭС. Для унификации и обеспечения равноправия государств — членов Союза была выполнена огромная работа по изменению существующего наднационального законодательства. Договор о Таможенном кодексе ЕАЭС был подписан всеми странами еще 11 апреля 2017 г., но из-за необходимости полного урегулирования всех вопросов изменения законодательства вступил в силу Таможенный кодекс в 2018 г. [2].

Одновременно со вступлением в силу Договора о Таможенном кодексе ЕАЭС от 11 апреля 2017 г. прекратил действовать Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 ноября 2009 г., а также ряд международных соглашений, регулировавших таможенные правоотношения и заключенных на этапе Таможенного союза (Приложение 2 и Приложение 3 к Договору о Таможенном кодексе ЕАЭС) [1].

Однако необходимо отметить, что в настоящее время доля внешней торговли ЕАЭС намного превосходит долю внутренней торговли, что является слабым местом в процессе внутренней экономической интеграции. Первоначальное намерение расширить внутреннюю торговлю, чтобы снизить степень зависимости региона от международного рынка, все еще далеко от полноценной реализации. Решение этой задачи потребует дальнейших усилий и принятия соответствующих решений на государственном уровне.

Литература

1. ЕЭК: Таможенный кодекс ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/dep_tamoj_zak/Pages/tk_eaes.aspx (дата доступа: 10.10.2019).
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (Приложение 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/ (дата доступа: 10.10.2019).

Об авторах:

Тун Вэй, профессор, директор Института Восточной Европы и Центральной Азии Центрального университета финансов и экономики (Пекин, Китайская Народная Республика), кандидат экономических наук, профессор; tongwei67@sina.com

Уржумцева Татьяна Борисовна, старший преподаватель кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами СПбГЭУ, директор научно-образовательного Центра изучения Китая и стран АТР Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), t.b.urzhumtseva@gmail.com

About the authors:

Tong Wei, Professor, Head of East Europe and Central Asia Institute of Central University of Finance and Economics (Beijing, The People's Republic of China); PHD in Economics, Professor; tongwei67@sina.com

Tatiana B. Urzhumtseva, Senior Lecturer of the Department of Economics and Management of Enterprises and Production Complexes of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Research Center of China and Pacific Rim region of St. Petersburg state University of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation); t.b.urzhumtseva@gmail.com

Экономическое и правовое обеспечение развития внутреннего водного транспорта Евразийского региона

Кириленко В. П.^{1,*}, Мишальченко Ю. В.², Торопыгин А. В.¹

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* kirilenko-vp@ranepa.ru

² Экономический Суд СНГ

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В настоящей статье проводится анализ развития внутреннего водного транспорта Евразийского региона в контексте с принятыми программами реализации Целей устойчивого развития ООН и сопряжения ЕАЭС и китайского проекта «Экономический пояс Шелкового пути».

Объектом исследования являются политические решения и правовые документы по развитию внутреннего водного транспорта Евразийского региона.

В статье рассмотрены руководящие документы по развитию каспийской транспортной системы, в том числе развития портов на Каспийском море. Гармонизация деятельности внутреннего водного транспорта СНГ проанализирована с помощью исследования Модельного кодекса внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ.

Ключевые слова: внутренний водный транспорт, Модельный кодекс, Комиссия по внутреннему транспорту ЕЭК ООН, ЕАЭС, ЦУР

Economic and Legal Ensuring the Development of Inland Water Transport of the Eurasian Region

Viktor P. Kirilenko^{a,*}, Yury V. Mishalchenko^b, Andrey V. Toropygin^a

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; * kirilenko-vp@ranepa.ru

^b The Court of the CIS

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The present article analyzes the development of the inland water transport of the Eurasian region in the context of the adopted programs for the implementation of the UN Sustainable Development Goals and the integration of the EAEU and the Chinese project „Silk Road Economic Belt“.

The subject of research consists of political decisions and legal documents on the development of inland water transport of the Eurasian region.

The article discusses the guidelines for the development of the Caspian transport system, including the development of ports on the Caspian Sea. The harmonization of the activity of the CIS inland water transport was analyzed using the study of the Model Code of Inland Water Transport for the CIS member states.

Keywords: inland water transport, model code, UNECE Inland Transport Commission, EAEU, SDGs

В контексте развития внутреннего водного транспорта в соответствии с водными путями Евразийский регион можно рассматривать как две отдельные части: европейскую и азиатскую. Весьма условно можно говорить о том, что существуют субрегиональные правила как пользования водными

путями, так и соответствующие технические правила, связанные с эксплуатацией судов, гидросооружений, портов.

В течение долгого времени в Европе формировалась система правил, охватывающая регулирование всех сфер деятельности на европейских внутренних водных путях. Достаточно вспомнить, что прообразом первых международных организаций после наполеоновских войн были в том числе и международные речные комиссии. Заключительный акт Венского конгресса (1815 г.) впервые содержал положения, касающиеся вопросов регулирования судоходства на международных реках Европы. Часть принципов этого акта нашла отражение в Мангеймской конвенции о судоходстве по Рейну 1868 г.¹ Белградская (Дунайская) конвенция и Дунайская комиссия — международная межправительственная организация, учрежденная Конвенцией о режиме судоходства на Дунае, подписанной в г. Белграде 18 августа 1948 г.

Основными целями деятельности Дунайской комиссии является обеспечение и развитие свободного судоходства на Дунае для торговых судов под флагами всех государств в соответствии с интересами и суверенными правами государств — участников Белградской конвенции, а также укрепление и развитие экономических и культурных связей этих государств между собой и с другими странами². В своей работе Дунайская комиссия опирается на богатый исторический опыт регулирования судоходства по международным рекам Европы и лучшие традиции международных речных комиссий, особенно Европейской Дунайской комиссии, учрежденной Парижским трактатом 1856 г. Перспективы деятельности Дунайской комиссии связаны с созданием в Европе единой судоходной системы внутренних водных путей. С учетом этого приоритетными направлениями деятельности комиссии являются унификация и обеспечение взаимного признания основных нормативных документов, необходимых для плавания по Дунаю и другим участкам единой судоходной системы, содействие улучшению навигационных условий и повышению безопасности плавания, создание других необходимых условий интеграции Дуная в европейскую систему как важнейшей транспортной артерии.

Комиссия в целях обеспечения такой интеграции активно взаимодействует с компетентными международными органами, занимающимися различными аспектами внутреннего водного транспорта, такими как Европейская экономическая комиссия ООН, Центральная комиссия судоходства по Рейну, Международная комиссия по бассейну реки Сава, Европейская ассоциация лодочного спорта, Европейский союз речного и прибрежного транспорта.

Иными словами, в международном праве отсутствуют зафиксированные в едином международно-правовом документе принципы судоходства на международных реках.

В этих условиях роль координирующего центра стали играть Комитет по внутреннему транспорту (КВТ) Европейской экономической комиссии ООН и Рабочая группа по внутреннему водному транспорту.

Под эгидой Комитета были разработаны правовые документы, такие как: Европейское соглашение о важнейших внутренних водных путях международного значения (СМВП); Европейское соглашение о международной перевозке опасных грузов по внутренним водным путям (ВОПОГ); Конвенция об объеме судов внутреннего плавания; Конвенция о регистрации судов внутреннего плавания; Конвенция об унификации некоторых правил относительно ответственности, вытекающей из столкновения судов внутреннего плавания, а также большое количество резолюций, способствующих развитию внутреннего плавания.

Важным документом является «Белая книга по эффективному и устойчивому внутреннему водному транспорту в Европе». Документ принят в 1996 г. ЕЭК ООН и содержит основополагающий анализ ситуации внутреннего судоходства и его инфраструктуры в Европе. Документ регламентирует грузооборот внутреннего водного транспорта в конкретных странах и флоты судов внутреннего плавания, режимы судоходства на европейских внутренних водных путях и развитие сети европейских внутренних водных путей.

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-printsiipy-pravovogo-regulirovaniya-sudohodstva-na-mezhdunarodnyh-rekakh-evrogu> (дата обращения: 28.07.2019).

² [Электронный ресурс]. URL: <http://www.danubecommission.org/dc/ru> (дата обращения: 28.07.2019).

В 2016 г. была пересмотрена стратегия Рабочей группы по внутреннему водному транспорту и ее предметы ведения¹.

В первую очередь это было вызвано необходимостью консолидации усилий и обеспечения участия всех государств — членов ЕЭК ООН в решении актуальных проблем и создании платформы для реализации целей в области устойчивого развития (ЦУР).

Таким образом, Стратегия внутреннего водного транспорта на 2016–2021 гг. стала определять деятельность, направленную на поддержку рентабельности и безопасности оказываемых услуг, наносящих минимальное влияние на окружающую среду, объединенных с другими видами транспорта, и концентрирование усилий на развитии качественной инфраструктуры, устойчивой к изменениям климата.

На период 2016–2021 гг. были включены следующие задачи:

- координация мер по дальнейшей интеграции внутреннего водного транспорта в мультимодальные транспортные линии;
- развитие и поддержание эффективных правовых механизмов, направленных на обеспечение равных и прозрачных условий для всех участников;
- сотрудничество с новыми участниками на европейском рынке, а также организациями из других регионов мира, содействие внедрению инноваций в отрасли;
- возможности синергетического эффекта и наземного транспорта, с одной стороны, и водохозяйственной деятельности, с другой стороны;
- содействие развитию речных информационных служб (РИС) и других информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) во внутреннем судоходстве во всех государствах — членах ЕЭК ООН².

Таблица

Объединенная структура и услуги общеевропейского ВВТ (внутреннего водного транспорта)

Интеграция с другими видами транспорта	Безопасный надежный водный транспорт
Статистика и аналитический потенциал ВВТ	Устойчивая инфраструктура
Экологичный и устойчивый к изменениям климата	Стимулирование инноваций
Проголочное судоходство и водный туризм	Партнерские связи и повышение наглядности
ВИДЕНИЕ-2030 ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЕ ВНУТРЕННИЕ ВОДНЫЕ ПУТИ	

Источник: Предложение по пересмотру стратегии Рабочей группы по внутреннему водному транспорту и ее Круга ведения ECE/TRANS/sc.3/WP.3/2016/10 [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/44291103-Predlozhenie-po-peresmotru-strategii-rabochey-gruppy-po-vnutrennemu-vodnomu-transportu-i-ee-kruga-vedeniya.html> (дата обращения: 28.07.2019).

Российская Федерация активно участвует в Рабочей группе по внутреннему водному транспорту Комитета по внутреннему транспорту ЕЭК ООН.

Содружество Независимых Государств

Экономическое взаимодействие в рамках СНГ находится на этапе интеграционного взаимодействия, соответствующего зоне свободной торговли. Если говорить о политическом взаимодействии, то это модель интеграции открытого регионализма, с минимальным решением вопросов на наднациональном уровне. В основном ВВТ действует либо в рамках национального законодательства, либо в системе двусторонних соглашений. Вместе с тем предпринимаются попытки создания общих правил, связанных с этой сферой правоотношений. В работе принимает участие Межпарламентская Ассамблея СНГ. Проект

¹ Предложение по пересмотру стратегии Рабочей группы по внутреннему водному транспорту и ее Круга ведения ECE/TRANS/sc.3/WP.3/2016/10 [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/44291103-Predlozhenie-po-peresmotru-strategii-rabochey-gruppy-po-vnutrennemu-vodnomu-transportu-i-ee-kruga-vedeniya.html> (дата обращения: 28.07.2019).

² Там же.

Модельного кодекса внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ подготовлен по инициативе Национального собрания Республики Беларусь.

МК (Модельный кодекс внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ) направлен на повышение эффективности деятельности внутреннего водного транспорта государств — участников СНГ. При его подготовке были проанализированы кодексы внутреннего водного транспорта Республики Беларусь, Российской Федерации, транспортное законодательство, регулирующее деятельность внутреннего водного транспорта государств — участников СНГ, а также транспортное законодательство, регулирующее деятельность внутреннего водного транспорта государств — членов Европейского союза.

В МК особое внимание уделено государственному регулированию и надзору в области внутреннего водного транспорта, лицензированию отдельных видов деятельности на внутреннем водном транспорте, правовому обеспечению содержания внутренних водных путей и эксплуатации гидротехнических сооружений на внутренних водных путях.

В МК определено, что портовые гидротехнические сооружения, перегрузочные комплексы, причалы, служебные здания и иное расположенное в порту имущество могут находиться в любой собственности; средства навигационного оборудования и другие объекты навигационно-гидрографического обеспечения, объекты и сооружения, входящие в системы управления движением судов, оборудование технологической связи речного транспорта, объекты и средства автоматической информационной системы, единой службы контроля судоходства и управления судоходством могут находиться только в государственной собственности.

В Модельном кодексе внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ регламентированы право собственности на суда, государственная регистрация судов и прав на них, учет плавучих объектов, а также определены правовые аспекты правового статуса судна, аренды судов, судовых документов. В Модельном кодексе внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ определена ответственность за использование незарегистрированного судна и нарушение правил государственной регистрации судов.

В МК установлено, что право плавания под государственным флагом государства — участника СНГ предоставляется судам в соответствии с законодательством государства — участника СНГ. В МК изложены необходимые процедуры технического надзора, классификации и освидетельствования судов и плавучих объектов, правовые особенности возмещения вреда от столкновения судов, правовые нормы страхования судов, правовой статус портов и их территорий.

В МК определена система управления безопасностью судов и регламентированы юридические аспекты обеспечения безопасности судоходства на водном транспорте (требования обеспечения безопасности судоходства, экологическая, санитарная и пожарная безопасность устанавливается национальным законодательством государства — участника СНГ в области внутреннего водного транспорта).

Правила разработки и применения системы управления безопасностью утверждаются органом исполнительной власти в области транспорта государства — участника СНГ. Судовладелец должен назначить работника или работников (не из членов экипажей судов), ответственных за обеспечение безопасной эксплуатации судов и осуществление связи между судовладельцем и находящимися на судах лицами. Профессиональные и квалификационные требования, требования к профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию, аттестации лиц, ответственных за обеспечение безопасной эксплуатации судов, устанавливаются правилами законодательства государства — участника СНГ. К полномочиям таких лиц относятся контроль за соблюдением работниками судовладельца требований в области безопасной эксплуатации судов и предотвращения загрязнения окружающей среды, обеспечение надлежащего выполнения требований безопасной эксплуатации судов.

В Модельном кодексе внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ определены требования, предъявляемые к членам экипажа судна, регламентированы трудовые отношения на судне. К назначению на должности, относящиеся к командному составу судна и судовой команде, допускаются лица, имеющие дипломы и квалификационные свидетельства, установленные положением

о дипломировании членов экипажей судов, утвержденным уполномоченным правительством органом исполнительной власти государства — участника СНГ. Капитаном судна, плавающего под государственным флагом государства — участника СНГ, должен быть гражданин государства — участника СНГ, имеющий действующий диплом капитана судна.

В МК рассмотрены вопросы перевозки грузов, пассажиров и багажа, почтовых отправлений.

Положения об ответственности судовладельца и перевозчика, а также иных лиц, претензии и иски изложены в формате, принятом в большинстве государств — участников СНГ и в мировой практике судоходства. Санкции и процедуры их применения предложено оставить на усмотрение национальных законодательств государств — участников СНГ.

В Модельном кодексе внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ рассмотрены направления защиты пассажиров и экипажа судна от различных видов угроз, в том числе от террористической угрозы.

Очевидно, что тема развития транспортной инфраструктуры является одной из самых основных в евразийской интеграции, а следовательно, в деятельности Евразийского экономического союза. В ЕАЭС формируется транспортный союз (ТС), в который, естественно, включается внутренний водный транспорт и морской транспорт.

Юридической основой развития транспорта является Приложение № 24 к Договору о Евразийском экономическом союзе «О скоординированной (согласованной) транспортной политике». Согласно протоколу:

- Суда под флагом государства-члена имеют право осуществлять перевозку грузов, пассажиров и их багажа, буксировку между государством флага судна и другим государством-членом на смежных внутренних водных путях, транзитный проход по внутренним водным путям другого государства-члена, за исключением перевозки и буксировки между портами и перевозок в (из) портов другого государства-члена и третьими странами, в соответствии с международным договором государств-членов о судоходстве, заключенном государствами-членами для исполнения настоящего протокола.
- Суда, осуществляющие плавание по внутренним водным путям государства-члена, должны быть зарегистрированы в реестре судов государства-члена и находиться во владении резидента государства-члена, зарегистрировавшего судно в своем реестре судов.

Работа по вопросам водного транспорта осуществляется в рамках подкомитета по водному транспорту Консультативного комитета по транспорту и инфраструктуре, совещания руководителей уполномоченных органов государств-членов в области транспорта (совещание министров).

Департамент транспорта и инфраструктуры по вопросам водного транспорта осуществляет взаимодействие с Комитетом по внутреннему транспорту ЕЭК ООН (КВТ ЕЭК ООН).

Важнейшим решением последнего времени стало подписание в Алма-Ате Соглашения о судоходстве в Каспийском регионе. «Суть соглашения заключается в том, что должны быть четкие и понятные правила, как они будут осуществлять предоставление своих услуг, если они работают под казахстанским флагом на территории РФ. В этом соглашении прописаны каноны, какие бизнесы можно осуществлять», — пояснил председатель коллегии Евразийской экономической комиссии Тигран Саркисян на заседании Евразийского межправительственного совета (МПС) 1 февраля 2019 г., где и был подписан документ¹.

Документ упрощает взаимный доступ судов под флагами стран ЕАЭС к внутренним водным путям других государств — членов ЕАЭС. Он позволит перейти от разрешительной системы доступа к водным путям к уведомительной системе: доступ судов к плаванию под флагом государства — члена ЕАЭС будет осуществляться на основе уведомления. Также будут взаимно признаваться судовые документы, квалификационные документы капитана и членов экипажей судов. Соглашение дает право на двусторонние перевозки грузов, пассажиров и их багажа между государством — членом флага судна

¹ Казахстан получит доступ к российским водным путям [Электронный ресурс]. URL: <http://casp-geo.ru/razahstan-poluchit-dostup-k-rossijskim-vodnym-putyam/> (дата обращения: 28.07.2019).

и другой страной-участницей на смежных внутренних водных путях, а также транзитный проход по внутренним водным путям.

В первую очередь это интересно Казахстану. С учетом замкнутого характера Каспийского моря Казахстан проявляет огромный интерес к получению права на свободный доступ к внутренним водным путям России для выхода в Мировой океан.

В подписанной Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в ст. 3 были закреплены соответствующие положения права на свободный доступ из Каспийского моря к другим морям, Мировому океану и обратно на основе общепризнанных принципов и норм международного права и договоренностей соответствующих сторон в целях расширения международной торговли и экономического развития.

Среди льготных условий следует также отметить предусмотренные соглашением о судоходстве меры для облегчения и упрощения пограничных, таможенных и иных процедур, действующих в портах.

Безусловно, международные соглашения являются огромным стимулом в развитии водного внутреннего транспорта. Но еще большим — регионально / глобальные мегапроекты, такие как китайская инициатива «Один пояс — один путь».

Для рассматриваемой темы важны два направления китайского проекта: северный и средний.

Развитие Северного морского пути Российской Федерации, безусловно, проходит на фоне китайских инициатив. Сама по себе возможность прохода судов по этому пути в течение одной навигации очень важна в транспортном сообщении между Европой и Азией. Но для РФ, может быть, важнее то, что это даст новый стимул развитию территорий Русского Севера и Сибири. А это невозможно сделать без модернизации внутреннего водного транспорта (постройки речных ледоколов) и новой инфраструктуры (мультимодальных портов).

Не менее важно и направление Китай — Европа по суше, через Центральную Азию и Каспийский регион.

Все это и учтено в Стратегии развития внутреннего водного транспорта Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.02.2016. Стратегией предусмотрен комплекс мер, направленных на качественное изменение состояния внутреннего водного транспорта, на создание основ для эффективного развития отрасли и обеспечение потенциала для реальной конкуренции с наземными видами транспорта¹. Основные цели Стратегии развития внутреннего водного транспорта Российской Федерации:

- создание условий для перераспределения грузопотоков с наземных видов транспорта на внутренний водный транспорт для обеспечения сбалансированного развития транспортной системы;
- обеспечение роста конкурентоспособности внутреннего водного транспорта по отношению к другим видам транспорта;
- повышение доступности и качества услуг внутреннего водного транспорта для грузоотправителей;
- обеспечение функции внутреннего водного транспорта по перевозке пассажиров;
- повышение уровня безопасности, экологичности внутреннего водного транспорта.

Стратегию планируется реализовать в два этапа: I этап — до 2020 г., II этап — 2021–2030 гг. На первом этапе основными направлениями развития внутреннего водного транспорта являются устранение ряда участков, лимитирующих пропускную способность Единой глубоководной системы европейской части Российской Федерации, развитие портовой инфраструктуры на внутренних водных путях международного значения, увеличение протяженности внутренних водных путей с гарантированными габаритами судовых ходов, реконструкция судоходных гидротехнических сооружений, реконструкция пассажирских вокзалов и улучшение качества обслуживания пассажиров, строительство грузового и пассажирского флота.

¹ [Электронный ресурс]. URL: mintrans.ru/documents/8/8910 (дата обращения: 28.07.2019).

Указанные планы соответствуют документам, принятым Европейской экономической комиссией ООН. Российская Федерация взяла на себя обязательства выполнить их, направив соответствующий документ¹.

На втором этапе ожидается динамичное развитие речных перевозок, в том числе в контейнерах. Реализация мер государственной поддержки российского судоходства и судостроения приведет к ускоренному обновлению грузового и пассажирского флота². Очевидно, что это важно для развития всего внутреннего флота.

Важные решения были приняты и выполняются в Каспийском регионе. Здесь Российская Федерация интегрирует порты Дагестана и Астраханской области в главные международные транспортные коридоры.

Таким образом, обеспечивается создание Каспийского транспортно-логистического комплекса и реализуется новая стратегия развития российских морских портов в Каспийском бассейне; воплощается Стратегия развития российских морских портов в Каспии, утвержденная правительством в 2017 г.; производится укрепление экономического и политического присутствия РФ в Каспийском море для развития социально-экономического Юга России путем увеличения грузопотоков международной торговли, проходящей через порты Каспийского бассейна.

План мероприятий по развитию морских портов на Каспии включает:

- развитие российского каспийского транспортного узла и включение его в систему международной торговли;
- создание устойчивого транспортного и логистического коридора с Ираном, Индией и странами Персидского залива;
- социально-экономическое развитие Каспийского региона;
- развитие в Каспийском регионе бизнеса, ориентированного на экспорт через российский каспийский транспортный узел;
- снижение существующих логистических издержек;
- укрепление обороноспособности безопасности страны на Каспии.

Согласно планам результаты должны быть достигнуты в три этапа:

- первый (до 2020 г.) — подготовительный;
- второй (2020–2025 гг.) — основной;
- третий (2026–2030 гг.) — перспективный.

Реализация Стратегии и выполнение ее показателей позволит к 2030 г. обеспечить объемы экспорта зерна через порты Каспийского бассейна до 7 млн т, объемы грузопотока по прочим сухим грузам — до 7 млн т; привлечь российских туристов в Каспийский регион до 30 тыс. чел. в год; создать более 2 тыс. новых рабочих мест.

При этом важно не только решить все поставленные задачи, но и создать транспортные узлы и систему в целом, которая бы приносила результаты и экономический эффект для всех государств (или не стала источником серьезных конфликтов). Это, по всей видимости, самая трудноразрешимая проблема.

Известно, что в Грузии идет строительство первого глубоководного порта (может принимать суда типа «Панамакс», которые могут пересекать расширенный и углубленный Панамский канал) в Анаклии. Переправа грузов из порта может затем продолжаться через Черное море в Дунайскую систему или поездом в любую точку Центральной или Южной Европы. Или они могут попасть в Средиземное море и за его пределы, а могут и в Каспийский регион и Центральную Азию, создав таким образом конкуренцию Транссибирской железной дороге. В порт могут зайти и военные корабли. Наверное, можно было бы договориться с Грузией не строить порт такого уровня. Но инвестиции на строительство получены от шести

¹ Предложения Российской Федерации к проекту новой стратегии и пересмотру круга ведения Рабочей группы по внутреннему водному транспорту [Электронный ресурс]. URL: <https://www.unece.org/fileadmin/DAM/trans/doc/2016/sc3wp3/ECE-TRANS-SC3-2016-inf04r.pdf> (дата обращения: 28.07.2019).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://docplayer.ru/44291103-Predlozhenie-po-peresmotru-strategii-rabochey-gruppy-po-vnutrennemu-vodnomu-transportu-i-ee-kruga-vedeniya.html> (дата обращения: 28.07.2019).

различных китайских финансовых учреждений. Не сложно предположить, что российскую дипломатию ждут очередные испытания.

Таким образом, правовое и экономическое обеспечение развития евразийской водной и каспийской транспортной системы, в том числе развития портов на Каспийском море, эффективно обеспечивается в процессе гармонизации и унификации норм о деятельности внутреннего водного транспорта государств — участников СНГ и ЕАЭС и имплементации международных соглашений и Модельного кодекса внутреннего водного транспорта для государств — участников СНГ в национальное законодательство государств — участников СНГ и ЕАЭС.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации; kirilenko-vp@ranepa.ru

Мишальченко Юрий Владимирович, профессор, Генеральный советник Экономического суда СНГ, доктор экономических наук, доктор юридических наук; myv2008@mail.ru

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук; toropyginav@mail.ru

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of Russia Federation, Head of the International and Humanitarian Law Department of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation); kirilenko-vp@ranepa.ru

Yury V. Mishalchenko, Professor, General Adviser to the CIS Economic Court, Doctor of Science (Economics), Doctor of Science (Jurisprudence); myv2008@mail.ru

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of the Chair of Economics and Finance of North-West Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; toropyginav@mail.ru

Особенности регулирования международной электронной торговли в таможенном законодательстве ЕАЭС

Лебедев А. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; lebedev-as@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются особенности регулирования международной электронной торговли в таможенном законодательстве ЕАЭС. С каждым годом объемы международной электронной торговли увеличиваются. При этом таможенные органы государств — членов ЕАЭС сталкиваются с необходимостью ускоренного оформления потока товаров в международных почтовых отправлениях, отсутствием правовых механизмов для взимания таможенных платежей и предотвращения правонарушений в этой сфере. В 2017 г. Евразийской экономической комиссией был объявлен курс на разработку Концепции налоговой политики в сфере электронной торговли стран ЕАЭС. В 2018 г. вступил в силу Таможенный кодекс ЕАЭС, учитывающий новые тенденции в международной торговле. Однако этого явно недостаточно. Проблематика требует дальнейшего анализа как на межгосударственном, так и на научном уровнях.

Ключевые слова: электронная торговля, таможенное регулирование, ЕАЭС, международные почтовые отправления, товары для личного пользования

Features of the International e-Commerce Regulation in the EAEU Customs Legislation

Alexander S. Lebedev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation; lebedev-as@ranepa.ru

ABSTRACT

Features of the international e-commerce regulation in the EAEU customs legislation are regarded in the article. The EAEU members customs authorities have a deal with the necessity of accelerated registration of the goods flow in international mail, lack of legal mechanisms to collect customs revenues and crime prevention in this area. The course on developing of the EAEU E-commerce Tax Policy Concept was proposed by Eurasian Economic Commission in 2017. The EAEU Customs Code, taking into account new trends in the world trade, entered into force in 2018. However, this is clearly not enough. The issue needs to be further analyzed both at the interstate and scientific levels.

Keywords: e-commerce, customs regulation, EAEU, international mail, goods for personal use

Со вступлением глобализации в активную фазу торгово-экономические отношения в XX в. подверглись значительной трансформации. На первом этапе это была традиционная торговля, в которой вследствие появления новых способов доставки товаров (железнодорожный, морской, воздушный) и снижения транспортных издержек наметилось разделение мест производства от мест потребления. В дальнейшем ослабление государственного контроля за обращением денежной массы и образование международной валютной системы способствовали появлению международного рынка товаров. Второй этап, таким образом, характеризовался, с одной стороны, подвижностью капитала, а с другой — расширением глобальных цепочек создания стоимости. Наконец, третий этап выражается в последовательной

цифровизации торговли и торгово-экономических отношений. Активное использование человеком информационных технологий привело к появлению так называемой «электронной коммерции». Под этим понятием скрывается не только торговля, осуществляемая телекоммуникационными средствами, но и электронное движение капитала, электронный обмен данными, электронный маркетинг, электронные деньги и банкинг. К настоящему времени уже функционируют системы передачи данных по сети Интернет, электронные платежные системы, а также активно внедряются различные цифровые валюты, базирующиеся на криптографических методах. В совокупности они формируют облик электронной коммерции, которая год от года становится все привлекательнее и для продавцов, и для покупателей.

Как бизнес-модель, основанная на телекоммуникации, электронная торговля помогает малым и средним предпринимательствам относительно быстро выйти на международный торговый рынок. Среди прочего она позволяет, минуя всевозможных посредников, напрямую общаться с покупателем и рекламировать свой продукт без излишних затрат [10, р. 94]. Потребителю же нет необходимости тратить время на поиск, выбор и покупку необходимого товара. Достаточно воспользоваться преимуществами информационных технологий, чтобы приобрести понравившуюся вещь. Наконец, в электронной торговле отсутствуют границы. Иными словами, предприниматель в потенциале имеет возможность получить обширный рынок сбыта, в то время как потребитель получает разнообразие в выборе товаров и услуг. Однако стоит отметить, что электронная торговля не заменяет собой международную торговлю. Пока она по большей части сконцентрирована вокруг взаимоотношений физических и юридических лиц по поводу осуществления сделки купли-продажи товаров для личного пользования. В остальном трансграничная торговля товарами, где субъектами выступают юридические лица, как и ранее, ведется согласно нормам международного права с необходимостью заключения международных договоров купли-продажи, соблюдения транспортно-логистических и таможенных требований. Другое дело, что объемы международной электронной торговли с каждым годом увеличиваются. Такая ситуация заставила Всемирную торговую организацию (далее — ВТО) и Всемирную таможенную организацию (далее — ВТамО) обратиться к совершенствованию норм международного торгового и таможенного права.

Так, на 2-й Министерской конференции ВТО, проходившей в 1998 г., была подписана Декларация о глобальной электронной торговле, поручавшая Генеральному совету ВТО организовать работу над созданием комплексной рабочей программы по электронной коммерции. Программа признавала новые возможности ведения торговли, а саму электронную торговлю характеризовала как «производство, пространство, маркетинг, продажу или доставку товара или услуги путем использования электронных средств» [9]. Тем не менее, по убеждению Г. Гао, ряд вопросов остались так и не решенными. Например, не ясно, относится ли термин «электронная передача» только к средствам электронной коммерции или к содержанию передачи в том числе. Иными словами, передается ли основной продукт или и услуга тоже. Во-вторых, если же передается только товар, означает ли это, что другие цифровые товары (книги, музыка или видео на CD) должны стать предметом таможенного регулирования и налогообложения [7, р. 346]. В дальнейшем ВТО не предпринимались какие-либо прорывные действия в области разработки правил ведения международной электронной торговли. Только в 2017 г. на 11-й Министерской конференции ВТО в Буэнос-Айресе была достигнута некоторая договоренность о необходимости выработки единых правил регулирования электронной торговли. По убеждению некоторых исследователей, мощная технологическая элита, создающая частное программное обеспечение, интернет, электронное оборудование, а также управляющая финансовыми, логистическими и инфраструктурными компаниями, которые доминируют в цифровой сфере, заинтересована в сохранении данной ситуации в неизменном виде [4, с. 11].

ВТамО, напротив, серьезнее отнеслась к проблеме возрастающей электронной торговли, поскольку таможенники столкнулись с необходимостью ускоренного оформления товаропотока в международных почтовых отправлениях, отсутствием правовых механизмов для взимания таможенных платежей и пресечения правонарушений в этой сфере. Поэтому не удивительно, что уже в 2017 г. ВТамО приняла Резолюцию о руководящих принципах трансграничной электронной коммерции.

Документ устанавливает восемь основополагающих принципов осуществления таможенного регулирования трансграничной электронной коммерции. Особое внимание уделяется упрощению процедур обработки увеличивающихся объемов мелких товарных партий, разработке и применению профилей риска, идентифицирующих угрозы в каналах электронной коммерции, применению альтернативных моделей сбора налогов, используя IT-решения и тестируя их через пилотные проекты [8].

Евразийский экономический союз (далее — ЕАЭС) как региональное интеграционное объединение не только сотрудничает с указанными выше международными организациями, но и придерживается общепринятых правил ведения торговли и таможенного дела, установленных как ВТО, так и ВТамО. Сегодня государства — члены ЕАЭС наравне с другими странами сталкиваются со сходными проблемами в осуществлении таможенного регулирования электронной торговли. Поэтому актуальным является рассмотрение особенностей таможенного контроля международной электронной торговли в рамках ЕАЭС с учетом постоянно растущего товаропотока международных почтовых отправок.

В Глоссарии международных таможенных терминов ВТамО под таможенным контролем понимаются меры, применяемые для обеспечения соблюдения законов и положений, исполнение которых возложено на таможенные органы [6]. Таможенный контроль это не только действия, предпринимаемые представителями таможенных органов в местах прибытия товара. Сюда также относится контроль с применением технических средств таможенного контроля, контроль таможенной стоимости, валютный контроль, таможенный контроль после выпуска товаров. Его эффективность отражается в способности поддерживать установленный таможенным законодательством правопорядок и проистекает из сущности таможенного контроля как совокупности мер, осуществляемых таможенными органами в целях обеспечения соблюдения таможенного законодательства [3, с. 12]. В соответствии со ст. 9 Таможенного кодекса ЕАЭС (далее — ТК ЕАЭС) любой товар, перемещаемый через таможенную границу, подлежит таможенному контролю. Это относится как к крупным товарным партиям, так и к товарам для личного пользования, пересылаемым в международных почтовых отправлениях. При этом нужно понимать, что в таможенном законодательстве существует разделение терминов «товар для личного пользования» и «товар для личного пользования, пересылаемый в международном почтовом отправлении». В отношении указанных категорий товаров применяются разные меры и методы таможенного регулирования.

Так, согласно п. 4 ст. 286 ТК ЕАЭС таможенные операции в отношении товаров, пересылаемых в международных почтовых отправлениях, и в том числе их таможенный контроль производятся в местах международного почтового обмена. Для декларирования таких товаров не используется пассажирская таможенная декларация, как это предусмотрено в отношении товаров для личного пользования. В данном случае в качестве декларации выступают документы, предусмотренные актами Всемирного почтового союза. По правилам такими документами могут быть: декларации по форме CN22 или CN23, сопроводительный адрес CP71, бланк-пачка CP72 и бланк E1, утвержденные Регламентом письменной корреспонденции Всемирной почтовой организации от 11.11.2008. При этом в ТК ЕАЭС в отличие от Таможенного кодекса Таможенного союза дается уточнение. Вышеупомянутые документы используются в качестве декларации только в том случае, если в соответствии с таможенной процедурой выпуска для внутреннего потребления в отношении товара для личного пользования, перемещаемого в международном почтовом отправлении [1, с. 330]:

- не подлежат уплате таможенные пошлины и налоги;
- не установлены запреты и ограничения, не применяются меры защиты внутреннего рынка.

Говоря о последнем пункте, отметим, что в соответствии с Решением Комиссии Таможенного союза от 17.08.2010 № 338 «Об особенностях пересылки товаров в международных почтовых отправлениях» к товарам, ограниченным к ввозу и вывозу, относятся [2]:

- оружие, его части, патроны к нему или иные конструктивно схожие товары;
- взрывчатые вещества и взрывные устройства;

- условно патогенные и патогенные организмы;
- товары, подвергающиеся быстрой порче;
- алкоголь, табачные изделия, табак и курительные смеси в том числе;
- драгоценные камни в любом виде и состоянии и природные алмазы, за исключением драгоценных изделий;
- наркотические и психотропные вещества;
- опасные отходы;
- ядовитые вещества, не являющиеся прекурсорами наркотических средств.

С целью определения таких товаров таможенными органами государств — членов ЕАЭС в местах прибытия почтового отправления используются технические средства таможенного контроля. Кроме этого, в отношении почтового отправления производится проверка документов и сведений о пересылаемых товарах и взвешивание на предмет соответствия денежно-весовой норме беспошлинного ввоза. До вступления в силу в 2018 г. Решения Совета ЕЭК от 20.12.2017 № 107 «Об отдельных вопросах, связанных с товарами для личного пользования» эта норма составляла 1000 евро или 31 кг. В то же время государства — члены Таможенного союза имели право установить более жесткие нормы. Даже притом, что в Республике Беларусь и Республике Армения порог беспошлинного ввоза товаров был снижен до 200 и 350 евро соответственно, законодательство ЕАЭС на тот период являлось самым либеральным в вопросе беспошлинного перемещения товаров физическими лицами. Текущим таможенным законодательством, напротив, вводится общий для всех членов ЕАЭС понижающий порог беспошлинного ввоза товаров для личного пользования, пересылаемых международными почтовыми отправлениями. В 2020 г. эта норма будет составлять 200 евро при 31 кг веса. Другое дело, каким образом взимать таможенные платежи в случае нарушения этой нормы? А главное, с кого взимать налоги? Не стоит забывать, что товар, пересылаемый в почтовом отправлении в результате электронной торговли, поступает в адрес физического лица, точные персональные данные которого могут быть неизвестны даже самому продавцу. Наконец, физическим лицом могут быть указаны недостоверные сведения. Одновременно таможенным органам необходимо придерживаться и общей направленности ВТО и ВТамО на либерализацию торговли. Понимая это, на 13-м Евразийском налоговом форуме в Париже был объявлен курс на внедрение согласованной налоговой политики стран ЕАЭС в сфере электронной торговли. В качестве первого шага предлагалось разработать Концепцию налогообложения в сфере электронной торговли. Предлагалось также внести изменения в раздел XVII Договора о ЕАЭС от 29.05.2014 и Приложение № 18 к нему с введением таких терминов, как: электронная торговля, электронные (цифровые) товары, электронные (цифровые) услуги, сервер, программное обеспечение, электронные (цифровые) платежи, электронные денежные средства. Однако на данный момент совершенствование таможенного законодательства в части регулирования электронной торговли замыкается лишь на детализации отдельных положений ТК ЕАЭС в части, касающейся порядка и условий перемещения через таможенную границу почтовых отправлений, содержащих товары для личного пользования.

Таким образом, таможенные органы государств — членов ЕАЭС наделяются правом истребовать у операторов почтовой связи информацию о документах, удостоверяющих личность физического лица — получателя товаров для личного пользования, пересылаемых в международных почтовых отправлениях. Кроме этого, уточняются моменты, связанные с предоставлением перевозчиком почтовых отправлений сведений о товарах и перечень документов, которые могут использоваться в качестве декларации. Также в текущем таможенном законодательстве ЕАЭС отдельно прописывается обязанность оператора почтовой связи по уплате ввозных таможенных пошлин и налогов в отношении международных почтовых отправлений, находящихся в зоне таможенного контроля.

Подводя итог, отметим, что с каждым годом электронная торговля составляет все большую долю в общих объемах международных торгово-экономических сделок. В этом нет ничего удивительного, учитывая то обстоятельство, что на момент ее появления сформировалась вся необходимая техническая база. В этом, безусловно, есть и заслуга глобализации, которая за относительно короткий

промежуток времени трансформировала традиционную торговлю в торговлю с применением информационных методов взаимодействия и обмена данными. Проблема состоит не в том, что человечество оказалось не готово к таким изменениям. Мировая общественность, напротив, восприняла электронную торговлю положительно, поскольку она не только экономит время, но и упрощает ведение бизнеса для предпринимателей и существенно расширяет потенциальному потребителю ассортимент товаров. Проблема наблюдается в отсутствии на международном уровне выстроенной системы правовых норм, регулирующих данный вид торговли. И ВТО, и ВТамО, членами которых являются государства ЕАЭС, предпринимались попытки определения правил электронной торговли, которые к настоящему времени не привели к желаемому результату. В определенном смысле отсутствие общих правил ведения и таможенного регулирования электронной торговли на международном уровне отражается и на ЕАЭС. Применительно к таможенному законодательству ЕАЭС, таким образом, наблюдаются сложности в формировании надлежащей нормативно-правовой основы таможенного регулирования электронной торговли, поскольку отсутствуют ориентиры, которые можно было бы взять за основу. Тем не менее за все время существования ЕАЭС как интеграционного объединения, обладающего международной правосубъектностью, предпринимались действия с целью формирования правовых механизмов контроля товаропотоков в международных почтовых отправлениях в результате электронной торговли. Сравнительный анализ развития таможенного законодательства ЕАЭС наглядно показывает это.

Если, например, в ТК ТС отсутствовали многие моменты, связанные с проверкой данных по товарам, пересылаемым в почтовых отправлениях, использованием документов в качестве декларации на такие товары, обязанностью по уплате ввозных таможенных пошлин и налогов, то текущее таможенное законодательство ЕАЭС продвинулось вперед. Важно и то, что в рамках ЕЭК не прекращается дискуссия о возможностях совершенствования таможенного законодательства в этой сфере. При этом, как отмечает министр по торговле ЕЭК В. Никишина, крайне важно обеспечить, чтобы новое регулирование, которое будет вводиться, было, с одной стороны, эффективным, а с другой — не стало бы избыточно ограничивающим предпринимателей, чтобы не создавать в нашей юрисдикции (ЕЭК) худшие условия для развития бизнеса по сравнению с другими странами [5]. Действительно, от того, насколько продуманными будут правовые механизмы таможенного регулирования электронной торговли в ЕАЭС, зависит будущий экономический успех этого регионального интеграционного объединения в эпоху цифровых технологий. И если государства — члены ЕАЭС хотят в дальнейшем оставаться конкурентоспособными, необходимо как можно раньше создавать условия, в том числе таможенные, для ведения электронной коммерции.

Литература

1. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза. М. : Проспект. 2017. 511 с.
2. Об особенностях пересылки товаров в международных почтовых отправлениях : решение Комиссии Таможенного союза от 17.08.2010 № 338 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/10sr0338/> (дата обращения: 10.11.2019).
3. Басарева К. В., Тихомиров М. Е., Коварда В. В. [и др.]. Технологии таможенного контроля. СПб. : Интермедия. 2017. 176 с.
4. Бирюкова О. В., Данильцев А. В. Когда сотрудничество не складывается: глобальное управление цифровой торговлей // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. № 1. С. 7–20.
5. Выступление министра по торговле Евразийской экономической комиссии В. Никишиной на панельной сессии «Цифровая трансформация международной торговли: электронная коммерция и не только», проходившей в рамках Восточного экономического форума 05.09.2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06-09-2019-2.aspx> (дата обращения: 10.11.2019).

6. Глоссарий международных таможенных терминов ВТамО [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tsouz.ru/Docs/kodeks/Documents/glossary.pdf> (дата обращения: 10.11.2019).
7. *Gao H.* The Regulation of Digital Trade in the TPP: Trade Rules for the Digital Age // *Paradigm Shift in International Economic Law Rule-Making: TTP as a New Model for Trade Agreements*. 2017. P. 345–362.
8. Resolution of the Policy Commission of the World Customs Organization on the Guiding Principles for Cross-Border e-Commerce [Электронный ресурс]. URL: http://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/about-us/legal-instruments/resolutions/policy-commission-resolution-on-cross_border-ecommerce_en.pdf?la=fr (дата обращения: 10.11.2019).
9. WCO Work Program on Electronic Commerce (WT/L/274) [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/English/Tratop_e/ecom_e/ecom_e.htm (дата обращения: 10.11.2019).
10. *Yanbin T., Shangquan J. Z.* Cross-Border E-Commerce: A New Driver of Global Trade // *Emerging Issues in Global Marketing. A Shifting Paradigm*. 2018. P. 93–117.

Об авторе:

Лебедев Александр Сергеевич, доцент Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; e-mail: lebedev-as@ranepa.ru

About the author:

Alexandr S. Lebedev, Associate Professor of the North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; lebedev-as@ranepa.ru

Правовые особенности международной организации ИНМАРСАТ

Никоноров В. В.

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
vv-nikonorov@mail.ru

РЕФЕРАТ

Международная организация подвижной спутниковой связи ИНМАРСАТ, созданная еще в 1976 г., доказала свою жизнеспособность и действенность, обеспечивая постоянное взаимодействие государств и национальных организаций в достижении общих целей в области создания и эксплуатации космического сегмента этой организации для предоставления коммерческих услуг радиосвязи подвижным объектам на море и суше, в воздухе, а также некоммерческих услуг радиосвязи, включая услуги в рамках Глобальной морской системы связи при бедствиях и для обеспечения безопасности (ГМССБ). В этой связи представляет научный и практический интерес исследование особенностей международно-правовой природы ИНМАРСАТ. Своеобразие этой международной организации состоит в том, что она, обладая международной правосубъектностью, непосредственно занимается обеспечением своего космического сегмента. Данное обстоятельство отразилось на структуре и содержании учредительных актов ИНМАРСАТ (конвенции и эксплуатационного соглашения), характере членства в организации и содержании функций ее органов, правах и обязанностях государства — члена организации и назначенной им в качестве участника ИНМАРСАТ национальной организации связи. Анализ международно-правовой природы ИНМАРСАТ позволит оценить, насколько ее организационно-правовая структура и деятельность соответствуют предъявляемым требованиям.

Ключевые слова: ИНМАРСАТ, конвенция, эксплуатационное соглашение, международная организация, космический сегмент, подвижная спутниковая связь

Legal Details of the International Organization INMARSAT

Vladimir V. Nikonorov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; vv-nikonorov@mail.ru

ABSTRACT

International Mobile Satellite Organization INMARSAT, established in 1976, has proven its viability and effectiveness by ensuring continuous interaction of states and national organizations in achieving common objectives of the creation and operation of its space segment for the purpose of providing commercial radio communication services for mobile sea, ground and air units, as well as non-commercial radio communication services, including services within the Global Maritime Distress Safety System (GMDSS). In this connection, it is of both academic and practical interest to study the details of INMARSAT's international law nature. This international organisation is unique because, while having international legal personality, it is directly engaged in providing its space segment. This has affected the structure and content of INMARSAT's foundation documents (Convention and Operational Agreement), the nature of its membership and content of its bodies' functions, the rights and obligations of a member state and the national communications organisation nominated by it as the INMARSAT participant. An analysis of INMARSAT's international law nature will allow to assess the extent to which its organizational and legal structure meets the requirements.

Keywords: INMARSAT, convention, operational agreement, international organization, space segment, mobile satellite communications

Введение

Накопленный за сорок лет опыт сотрудничества в рамках международной организации ИНМАРСАТ¹ может быть использован в осмыслении и концептуальных разработках интеграционного механизма в Евразийском экономическом союзе.

Говорить об ИНМАРСАТ² — это значит в первую очередь определить с правовой точки зрения понятие «международная организация», т. е. выявить те качественные характеристики и структурные особенности, которые позволяют ей осуществлять свои функции в качестве субъекта международного права. В научной литературе встречаются многочисленные определения этого понятия, которые различаются лишь в деталях³. Общее для них то, что с формально-юридических позиций международная организация рассматривается как совокупность постоянно действующих и взаимосвязанных международных органов, учрежденных и функционирующих на основе международного договора, которая обладает самостоятельными международными правами и обязанностями. Таким образом, международная организация характеризуется следующими основными юридическими признаками: 1) совокупность постоянно действующих и взаимосвязанных международных органов; 2) учреждение и функционирование на основе международного договора; 3) наличие самостоятельных прав и обязанностей, прежде всего по международному праву.

1. Межгосударственная организация ИНМАРСАТ, ее цели и особенности

ИНМАРСАТ следует отнести к межгосударственным организациям, поскольку она обладает всеми указанными чертами, присущими международной организации. Однако ИНМАРСАТ имеет определенное своеобразие.

Международная организация создается для достижения определенных целей. Цели международной организации⁴ необходимо определить как то общее состояние (результат)⁵, ради достижения которого функционирует организация. Целью международной организации ИНМАРСАТ, согласно п. 1 ст. 3 ее конвенции, является обеспечение космического сегмента, необходимого для улучшения морской связи и, где это целесообразно, воздушной и сухопутной подвижной связи и связи в водах, не являющихся частью морской среды, содействуя тем самым улучшению связи для оповещения о бедствиях и обеспечения охраны человеческой жизни, связи для службы воздушного движения, повышению эффективности и управления морских, воздушных и наземных перевозок, совершенствованию служб морской, воздушной и другой подвижной общественной корреспонденции и возможностей радиопределения.

¹ Международная организация подвижной спутниковой связи (International Mobile Satellite Organization [IMSO]). Государства — члены ЕАЭС: Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Киргизская Республика и Российская Федерация. Членами ИНМАРСАТ являются 105 государств, включая Республику Беларусь и Российскую Федерацию. Республика Армения, Республика Казахстан, Киргизская Республика членами ИНМАРСАТ не являются.

² С 1979 по 1994 г. именуется как Международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ). В 1994 г. наименование организации было изменено — Международная организация подвижной спутниковой связи (International Mobile Satellite Organization [IMSO]). При этом аббревиатура «ИНМАРСАТ» была сохранена в наименовании организации. Новое название отразило расширение сферы оказываемых услуг связи: не только морской транспорт, но и воздушный и сухопутный виды транспорта. Согласно п. 2 ст. 3 Конвенции об ИНМАРСАТ организация стремится обслуживать все районы, где имеется потребность в морской, воздушной и другой подвижной связи. В 1998 г. государства — члены ИНМАРСАТ согласились приватизировать ИНМАРСАТ с апреля 1999 г. Новая структура включает в себя две организации: Международная организация подвижной спутниковой связи — межправительственный орган, созданный для обеспечения надзора за некоторыми общественными службами спутниковой безопасности и связи, предоставляемыми мобильными системами спутниковой связи. ИНМАРСАТ Лтд. — публичная компания ограниченной ответственности, образовавшая коммерческую часть ИНМАРСАТ. Эта компания взяла на себя осуществление всей коммерческой деятельности ИНМАРСАТ и регулируется правом Великобритании. Эта компания была полностью приватизирована в конце 2003 г.

³ См.: Актуальные проблемы деятельности международных организаций: Теория и практика. Отв. ред. Морозов Г. И. М., 1982. С. 17–32; Броунли Я. Международное право. Кн. I. М., 1977. С. 408–419; Малинин С. А. О правосубъектности международных организаций // Вестник ЛГУ, 1965. № 17. Вып. 3. С. 105–117; Моравецкий В. Функции международной организации. М., 1976. С. 49; Шибалева Е. А., Поточный М. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. М., 1980. С. 12–16; Эдуардо Хименес де Аречага. Современное международное право. М., 1983. С. 25–258; Ушаков Н. А. Проблемы теории международного права. М., 1988. С. 126–134; Bowett D. W. The Law of International Institutions. London. 1982. P. 6.

⁴ См.: Моравецкий В. Функции международной организации. М. 1976. С. 88.

⁵ Более конкретные оперативные намерения, направленные на достижение целей международной организации, можно определить как задачи (направления деятельности). См.: Моравецкий В. Функции международной организации. М. 1976. С. 88.

1.1. Функции международной организации ИНМАРСАТ

С функциональной точки зрения ключевым в определении целей ИНМАРСАТ следует признать выражение «обеспечение космического сегмента». Что означает это выражение, Конвенция об ИНМАРСАТ не дает определения. По моему мнению, оно охватывает всю сферу деятельности организации, которая может быть разделена на три основные группы функций.

Во-первых, оно охватывает функции по обеспечению отношений ИНМАРСАТ с государствами и международными организациями, а также по обеспечению соответствия деятельности ИНМАРСАТ международному праву. В самом общем виде основная функция любой международной организации, включая ИНМАРСАТ, состоит в том, чтобы обеспечивать постоянное взаимодействие суверенных государств в достижении общих целей в соответствующей области международных отношений, определяя конкретные социально-экономические связи между ними¹.

Во-вторых, в силу производственного характера ИНМАРСАТ понятие «обеспечение космического сегмента» включает в себя оперативные функции, в частности, определение требований и принятие политики относительно различных аспектов создания и эксплуатации космического сегмента².

В-третьих, рассматриваемое понятие охватывает функции ИНМАРСАТ по текущему непрерывному управлению космическим сегментом организации.

Своеобразие ИНМАРСАТ проистекает из того факта, что эта международная организация непосредственно занимается созданием и эксплуатацией технических средств, а именно обеспечением своего космического сегмента. Само ее существование есть одна из форм международной научно-технической и производственной кооперации в области создания и использования спутников для обеспечения подвижной спутниковой связи. Организация как форма управления представляет собой необходимое условие для обеспечения космического сегмента ИНМАРСАТ. Как справедливо отмечает С. А. Гуреев, международная организация ИНМАРСАТ «создана для непосредственного управления международной системой морской спутниковой связи»³.

Сказанное позволяет отнести ИНМАРСАТ к оперативным (эксплуатационным) международным организациям⁴.

1.2. Характеристика деятельности оперативных международных организаций

Характеризуя этот тип международных организаций, Е. А. Шibaева пишет: «Это — международные организации с сильно развитой оперативной функцией, осуществляющие эксплуатационно-хозяйственную и промышленную деятельность на коммерческих началах, но сохранившие при этом юридическую природу межгосударственных образований»⁵.

Мнение об эксплуатационном характере ИНМАРСАТ разделяет и Р. К. Менон, однако обоснованно считающий, что эта международная организация «не является политической организацией, в которой соображения национального престижа играют подавляющую роль»⁶. В принципе, соглашаясь с такой точкой зрения, следует признать ее несколько односторонней, поскольку политический аспект присутствует и в ИНМАРСАТ.

¹ См.: Моравецкий В. Функции международной организации. М. 1976. С. 88.

² Изложенное понимание оперативных функций отличается от общепринятого их определения. В теории международного права под оперативными функциями имеются в виду процессы проведения в жизнь установленных международной организацией норм и образцов поведения государств-членов (См.: Моравецкий В. Функции международной организации. М. 1976. С. 91).

³ Гуреев С. А. Международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) // Информационный бюллетень. Совет Экономической Взаимопомощи, Бюро координации фрахтования судов. 1980. № 7 (193). С. 51. Международная система подвижной спутниковой связи ИНМАРСАТ начала действовать в 1982 г. В ее состав входит космический сегмент (в соответствии с п. «д» ст. 1 Конвенции об ИНМАРСАТ включает спутники, а также установки слежения, телеметрии, телеуправления, контроля, наблюдения и другие связанные с ними оборудование и средства, необходимые для обеспечения работы этих спутников); береговые земные станции и абонентские станции спутниковой связи, используемые на море, в воздухе и на суше.

⁴ Шibaева Е. А. Право международных организаций: Вопросы теории. М., 1986. С. 94–95.

⁵ Там же. С. 95.

⁶ Menon P. K. The International Maritime Satellite Organizational Important Milestone in Maritime Communications Service // Netherlands International Law Review. 1977. Vol. XXIV. 1977. P. 505.

Как справедливо замечает Е. А. Шибаева, «аполитичных международных организаций не существует. Деятельность такой организации, независимо от характера ее компетенции ... — это политический процесс, в котором участвуют суверенные государства, имеющие различные внешнеполитические интересы, цели, позиции. Деятельность международных организаций протекает на фоне борьбы и сотрудничества этих государств и является политической борьбой»¹.

Не является исключением и международная организация ИНМАРСАТ.

Оперативный и производственный характер деятельности ИНМАРСАТ не мог не привести в ее правовую природу некоторые особенности, отличающие ее от традиционных международных организаций.

Анализ учредительных актов оперативных международных организаций позволяет Е. В. Шибаевой сделать следующий вывод: «Изменение правовых основ функционирования отдельных звеньев внутри-организационного механизма объясняется необходимостью его приспособления к потребностям и нуждам оперативной функции международных организаций, состоящей в эксплуатационной, коммерческо-хозяйственной и промышленной деятельности организаций»².

2. Анализ международной организации ИНМАРСАТ

ИНМАРСАТ обладает всеми чертами международной организации, хотя и с некоторыми особенностями, и должна рассматриваться в качестве таковой. Поэтому следует согласиться с мнением М. Е. Волосова, А. Л. Колодкина, Ю. М. Колосова, подвергнувших аргументированной критике попытку причислить ИНМАРСАТ к международным предприятиям, занимающимся получением прибыли³. ИНМАРСАТ имеет некоторые особенности, не изменяющие существа ее международно-правовой природы как международной организации.

2.1. Отличие ИНМАРСАТ от международных предприятий

С правовой точки зрения ИНМАРСАТ отличается от международного предприятия (международных / транснациональных компаний)⁴ по следующим существенным признакам. ИНМАРСАТ является международной организацией, учредительными актами которой следует считать международный договор (Конвенция) и международный контракт (Эксплуатационное соглашение). Отличие от международного предприятия здесь состоит в том, что последнее, хотя и может создаваться на базе международного договора, все-таки в основу своей деятельности кладет учредительные акты, регулируемые национальным законодательством, а не международным правом.

Отличие также состоит в том, что ИНМАРСАТ обладает международной правосубъектностью, которой не наделяется ни одно международное предприятие. Это, между прочим, означает, что правовой статус ИНМАРСАТ определяется не национальным правом государства, в котором пребывает ее штаб-квартира, а указанными международно-правовыми актами; пробелы, возникающие в ее учредительных актах, восполняются не на основе национального права, а на основе все тех же учредительных актов; международно-правовые споры, появляющиеся в рамках ИНМАРСАТ, разрешаются в соответствии с ее Конвенцией.

2.2. Договорная основа международной организации ИНМАРСАТ

В основе деятельности любой международной организации лежит международный договор. В основе деятельности ИНМАРСАТ лежат два учредительных акта — Конвенция и Эксплуатационное

¹ Шибаева Е. А. Право международных организаций: Вопросы теории. М., 1986. С. 90. См. также: Моравецкий В. Функции международной организации. М. 1976. С. 80–86; Морозов Г. И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. М., 1969. С. 73–82.

² Шибаева Е. А. Право международных организаций: Вопросы теории. М. 1986. С. 44.

³ См.: Volosov M. E., Kolodkin A. L., Kolosov Y. M. International Maritime Satellite Communications System: History and Principles Governing its Functioning // Ocean Yearbook I. Chicago and London. International Ocean Institute. University of Chicago Press. 1978. P. 255.

⁴ См.: Богуславский М. М. Международное частное право. М., 1982. С. 120–141; Галенская Л. Н. Международное частное право. Л., 1983. С. 66–69; Луцк Л. А. Курс международного частного права. Особенная часть. М., 1975. С. 41–73.

соглашение о Международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ)¹. Они были подписаны в 1976 г. и вступили в силу в 1979 г.² Учредительным актом ИНМАРСАТ, ее уставом, является Конвенция. Согласно ее положениям (Преамбула, п. «b» ст. 1, ст. 32), ее Сторонами являются государства³. Как известно, Конвенция о праве международных договоров 1969 г. п. 1 «a» ст. 2 под международным договором понимает соглашение, заключенное между государствами. В международно-правовой теории под международным договором понимается соглашение между субъектами международного права, направленное на установление, изменение или прекращение международных прав и обязанностей⁴. Таким образом, одним из основных признаков международного договора следует считать то, что он заключается между субъектами международного права. Следовательно, Конвенцию об ИНМАРСАТ необходимо отнести к международным договорам межгосударственного характера.

В ней закрепляются принципиальные вопросы статуса международной организации ИНМАРСАТ, структура ее органов, их функции и компетенция, права и обязанности ее членов, а также устанавливается общий правовой режим эксплуатации системы и деятельности международной организации ИНМАРСАТ по обеспечению космического сегмента этой системы.

Помимо Конвенции правовую основу международной организации составляет Эксплуатационное соглашение о Международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ). При изучении правовой природы ИНМАРСАТ можно применить подход, предложенный Эдуардо Хименес де Аречага⁵, и исследовать не только проблему участников Эксплуатационного соглашения, но и характер содержащихся в нем норм и намерения сторон при его заключении.

Каждая Сторона, как записано в п. 3 ст. 2 Конвенции об ИНМАРСАТ, подписывает Эксплуатационное соглашение или назначает находящуюся под юрисдикцией этой Стороны компетентную организацию, государственную или частную, которая подписывает Эксплуатационное соглашение. Такая Сторона или назначаемая в соответствии с п. 3 ст. 2 Конвенции об ИНМАРСАТ организация, для которой Эксплуатационное соглашение вступило в силу, именуется Участник (п. «с» ст. 1 Конвенции об ИНМАРСАТ).

Из приведенных выше положений можно сделать следующие выводы: 1) участие в ИНМАРСАТ осуществляется одновременно в качестве Стороны и Участника; 2) в качестве Стороны ИНМАРСАТ выступают только государства; 3) в качестве Участника ИНМАРСАТ могут выступать или государства (Стороны), или национальные (государственные или частные) организации; 4) эксплуатационное соглашение заключается только между Участниками.

С правовой точки зрения такая несколько сложная конструкция двойного участия в ИНМАРСАТ обусловливается тем, что в некоторых государствах предоставлением услуг электросвязи (в т. ч. спутниковой связи) уполномочены заниматься не правительства, а только частные компании.

¹ Далее соответственно — Конвенция об ИНМАРСАТ и Эксплуатационное соглашение об ИНМАРСАТ. К Конвенции об ИНМАРСАТ были приняты поправки в 1981 г., 1985 г., 1989 г., 1994 г., 1998 г., 2006 г., 2008 г. Поправки к Конвенции 1981 г., 1985 г., 1989 г., 1998 г. вступили в силу соответственно в 1983 г., 1989 г., 1997 г., 2001 г. Поправки к Конвенции 1994 г., 2006 г., 2008 г. не вступили в силу. Белоруссия и РФ не подписали поправки к Конвенции 1994 г., 1998 г., 2006 г., 2008 г. К Эксплуатационному соглашению были приняты поправки в 1985 г., 1989 г., 1994 г., 1998 г. Поправки 1985 г., 1989 г., 1998 г. вступили в силу соответственно в 1989 г., 1997 г., 2001 г. Поправки 1994 г. не вступили в силу. Поправки к Эксплуатационному соглашению 1994 г., 1998 г. Белоруссия и РФ не подписали.

² Об истории создания ИНМАРСАТ см., например: *Анашкин В. М.* Безопасность мореплавания и правовые вопросы создания международной системы морской спутниковой связи и радиоопределения // Обзорная информация. Сер.: Современное морское право и практика. М., 1973. № 58. Вып. 295. С. 62–65; *Волосов М. Е., Колодкин А. Л.* Правовые основы международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) // Материалы по морскому праву и международному торговому мореплаванию. М., 1977. Вып. 13. С. 37–43; *Колодкин А. Л.* О работе подготавливающего комитета по созданию ИНМАРСАТ // Материалы по морскому праву и международному торговому мореплаванию. М., 1978. Вып. 16. С. 42–46; *Doyle S. E.* INMARSAT: the International Maritime Satellite Organization — Origins and Structure // *Journal of Space Law*. 1977. Vol. 5. No 1–2. P. 48–63; *Volosov M. S., Kolodkin A. L., Kolosov J. M.* International Maritime Satellite Communication System: History and Principles Governing its Functioning. *Ocean Year Book I*. Chicago-London. University of Chicago Press. 1978. P. 240–254.

³ Членство в международной организации ИНМАРСАТ осуществляется в двух формах — Стороны и Участники. Согласно п. «b» и «с» ст. 1 ее Конвенции, Сторона — это государство, для которого настоящая конвенция вступила в силу, а Участник — это либо Сторона, либо организация, назначенная соответствующей Стороной, для которой Эксплуатационное соглашение вступило в силу.

⁴ *Талалаев А. Н.* Закон о международных договорах СССР на службе мира. М., 1979. С. 17–18.

⁵ См.: *Эдуардо Хименес де Аречага.* Современное международное право. М., 1983. С. 59–64.

Возвращаясь к истории возникновения ИНМАРСАТ, целесообразно вспомнить, что на учредительной конференции, как отмечает А. Л. Колодкин и Ю. М. Колосов, «были совмещены два подхода — создание ИНМАРСАТ на межправительственной основе и на основе сотрудничества национальных организаций. Было решено, что принципиальные вопросы деятельности ИНМАРСАТ должны решаться на межгосударственном уровне, а конкретные вопросы финансового и технико-эксплуатационного характера могут решаться организациями, назначаемыми правительствами, для подписания Эксплуатационного соглашения и для участия в нем»¹.

3. Участники деятельности международной организации ИНМАРСАТ

Компетенция в рамках двух указанных форм участия в ИНМАРСАТ (Стороны и Участника) совершенно различная и является исключительной. Если основное назначение Стороны состоит в том, чтобы обеспечить соответствие деятельности своего Участника Конвенции об ИНМАРСАТ и международным соглашениям, то основное назначение Участника заключается в том, чтобы финансировать деятельность ИНМАРСАТ, участвуя в управлении системой. Причем Участник (являющийся государственной или частной организацией) выступает в двойном качестве: не только от своего собственного имени, как национальное юридическое лицо, но и от имени назначившей его Стороны. Двойное участие в ИНМАРСАТ, основывающееся на различной ограниченной компетенции Сторон и Участников, оказало существенное влияние на ее организационную структуру, на характер взаимоотношений ее главных органов, на процесс формирования ее воли.

По смыслу п. 3 ст. 2 Конвенции об ИНМАРСАТ государственная или частная организация, чтобы считаться Участником, должна отвечать следующим обязательным требованиям, которые определяют его правовой статус: 1) находиться под юрисдикцией соответствующей Стороны; 2) назначаться этой Стороной; 3) быть компетентной; 4) подписать Эксплуатационное соглашение.

Рассмотрим перечисленные требования более подробно.

3.1. Требования к Участникам международной организации ИНМАРСАТ

В первом положении не определено понятие «юрисдикция», которое в международно-правовой теории используется в различном значении². На практике содержание понятия «юрисдикция» определяется в контексте конкретного международного договора³.

В ст. 4 «Отношения между Стороной и назначенной ею организацией» Конвенции об ИНМАРСАТ юрисдикция государства (Стороны) рассматривается, как это видно из названия этой статьи, в отношениях между Стороной (государством) и ее Участником (назначенной этой Стороной частной или государственной организацией). Если говорить в самом общем виде, то юрисдикция здесь проявляется в компетенции государственной власти (Стороны) осуществлять регламентацию деятельности Участника и совершать в отношении его конкретные действия.

Распространение юрисдикции Стороны на Участника, являющегося назначенной организацией, означает следующее.

Отношения между Стороной и Участником регулируются соответствующим национальным правом (п. «а» ст. 4 Конвенции об ИНМАРСАТ).

Применение к определенному Участнику национального права одного государства исключает аналогичные действия со стороны другого. Поэтому назначенный Участник может находиться под

¹ Колодкин А. Л., Колосов Ю. М. СССР и международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) // Советское государство и право. 1977. № 8. С. 100.

² См.: Броунли Я. Международное право. Кн. I. М., 1977. С. 425–426; Сливакова Т. И. Право и природные ресурсы прибрежных зон. М., 1978. С. 38–50.

³ См.: Малинин С. А. Юрисдикция прибрежного государства и мирный проход иностранных судов через территориальное море // Международное и внутригосударственное право: проблемы сравнительного правоведения. Свердловск, 1984. С. 64–75; Молодцов С. В. Правовой режим морских вод. М., 1982. С. 118–123; Нозари Ф. Космическое право. М., 1979. С. 64–65; Рудев А. И. Международно-правовой статус космических станций. М., 1982. С. 65–71.

юрисдикцией только одной Стороны. Иными словами, один и тот же Участник не может представлять две или более Стороны.

Как следует из п. «а» ст. 4 Конвенции об ИНМАРСАТ, Участник должен подпадать под действие государственного (конституционного), гражданского (торгового), уголовного, административного и других отраслей права. Представляется, что формулировка п. «а» ст. 4 предполагает наличие в национальном праве определенного минимума норм, регулирующих правовой статус Участника. Данная формулировка предполагает регистрацию Участника в качестве субъекта национального права. Из п. «а» ст. 4 следует, что споры между Стороной и ее Участником относительно выполнения обязательств и осуществления прав по Конвенции об ИНМАРСАТ должны разрешаться в соответствии с национальным правом. Дипломатическая защита Участника и его представителей проводится назначившей его Стороной.

Содержание национального права полностью определяется самой Стороной. Сторона, в частности, самостоятельно определяет, является ли данная организация юридическим лицом, объем ее правоспособности, порядок возникновения и ликвидации как Участника. Вместе с тем изменение национального права не может служить основанием для того, чтобы соответствующий Участник не выполнил свои обязательства в рамках ИНМАРСАТ. Такое толкование п. «а» ст. 4 подтверждается содержанием п. «b» и п. «с» ст. 4¹.

Сторона дает необходимые руководящие указания и инструкции, совместимые со своим правом, чтобы обеспечить выполнение Участником его обязательств (п. «b» ст. 4 Конвенции об ИНМАРСАТ).

Данное положение органично связано с рассмотренным выше п. «а» ст. 4. Его назначение состоит в том, чтобы обязать Сторону осуществлять постоянный контроль за деятельностью Участника. Характер и степень подобного контроля определяется самой Стороной в соответствии со своим национальным правом и осуществляется путем выдачи надлежащих руководящих указаний и инструкций. Руководящие указания и инструкции должны носить обязательный характер. Следовательно, п. «b» ст. 4 предполагает, что Участник должен находиться в административном подчинении у Стороны, которая обладает по отношению к нему властными полномочиями².

Между тем это обстоятельство вовсе не означает, что Участник может отождествляться со своей Стороной (или с одним из ее органов). Участник выступает в качестве самостоятельного субъекта гражданско-правовых отношений в рамках ИНМАРСАТ, то есть пользуется имущественной самостоятельностью. Он производит взнос в капитал организации и получает возмещение взноса и компенсацию за его использование (п. 2 ст. 5). Сторона не несет ответственности за обязательства своего Участника (п. «с» ст. 4).

Сторона обеспечивает, чтобы при выполнении своих обязательств в ИНМАРСАТ Участник, являющийся частной или государственной организацией, не действовал в нарушение обязательств, принятых Стороной по Конвенции об ИНМАРСАТ или по соответствующим международным соглашениям (п. «с» ст. 4 Конвенции об ИНМАРСАТ).

Из смысла этого пункта ст. 4 следует, что обязательства Участника находятся в подчиненном положении по отношению к обязательствам Стороны и что Сторона принимает по своему усмотрению все необходимые меры, включая принудительные, направленные на соблюдение Участником международных обязательств, взятых на себя этой Стороной.

Таким образом, по своему объекту «юрисдикция» в контексте Конвенции об ИНМАРСАТ определяет национальную принадлежность назначенного Участника и в данном случае означает право Стороны как суверенной власти на осуществление всеобъемлющего исключительного контроля за деятельностью назначенного ею Участника.

¹ Menon P. K. The International Maritime Satellite Organizational Important Milestone in Maritime Communications Service // Netherlands International Law Review. 1977. Vol. XXIV. 1977. P. 494.

² См.: Теория государства и права. Отв. ред. А. И. Королев, Л. С. Явич. 1982. С. 260–261; Юсупов В. А. Теория административного права. М., 1985.

3.2. Назначение Стороной компетентного Участника

Как отмечалось выше, в соответствии с п. 3 ст. 2 Конвенции об ИНМАРСАТ, Участник, если он является организацией, должен назначаться своей Стороной. Это требование логично вытекает из того, что такой Участник должен находиться под юрисдикцией своей Стороны. При этом термин «назначить», который не раскрывается в Конвенции об ИНМАРСАТ, означает следующее: указывать (определить) и уполномочить организацию для функционирования в качестве Участника, т. е. поручить организации осуществлять функции Участника в ИНМАРСАТ. Разрешение на осуществление деятельности в качестве Участника выдают органы соответствующего государства. Выбор той или иной организации в качестве Участника полностью остается на усмотрение соответствующей Стороны. При этом не имеет значения правовая природа собственности, находящейся у назначенной организации, а также объем ее полномочий в отношении этой собственности¹. В том случае, если Сторона не берет на себя осуществление прав и обязанностей Участника, назначение государственной или частной организации следует рассматривать как обязанность Стороны (п. 3 ст. 2 Конвенции об ИНМАРСАТ).

Что касается третьего требования, предъявляемого к Участникам, то понятие «компетентный» также не определяется в Конвенции и Эксплуатационном соглашении об ИНМАРСАТ. Следует согласиться с мнением о том, что вопрос о компетентности организации решается назначившим ее государством по своему усмотрению. Представляется, что компетентная организация должна быть уполномочена осуществлять технико-эксплуатационные функции, а также нести ответственность за свои действия и по своим обязательствам². Она должна быть организацией электросвязи³. Положение о компетентности организации служит правовой гарантией того, что Участник будет надлежащим образом выполнять свои обязательства в ИНМАРСАТ.

Четвертое требование не нуждается в особых дополнительных разъяснениях. Подписание Участником Эксплуатационного соглашения означает, что оно вступило для него в силу. При этом Эксплуатационное соглашение вступает в силу для Участника с даты вступления в силу Конвенции об ИНМАРСАТ для соответствующей Стороны (ст. XVII Эксплуатационного соглашения).

Рассмотрение вопроса о требованиях, которые предъявляются к Участнику, назначенному Стороной, и характера правоотношений между Стороной и ее Участником позволяет сделать некоторые выводы относительного правового статуса такого Участника. Выступая в качестве Участника, государственная или частная организация прежде всего выражает волю своего государства, которое назначило его для выполнения данной функции. Воля соответствующего государства выражается в назначении своего Участника, в определении объема его полномочий, в выдаче Участнику соответствующих указаний и инструкций. Таким образом, Участник выступает в роли представителя своего государства и призван в первую очередь осуществлять его волю.

4. Правосубъектность Участника

Вместе с тем государственная или частная организация, осуществляющая функции Участника, реализуя волю своего государства, одновременно выражает свою собственную волю. Воля Участника, хотя и обусловлена соответствующим государством, имеет самостоятельное значение. Самостоятельность назначенного Участника основывается на его правовом статусе как национального юридического лица и предоставленных ему Конвенцией об ИНМАРСАТ полномочиях, которые имеют коммерческо-правовой характер. Участник финансирует деятельность ИНМАРСАТ, получает возмещение вложенного капитала и компенсацию за его использование (п. 1 и п. 2 ст. 5 Конвенции об ИНМАРСАТ). Участник несет ответственность по своим обязательствам, которые он берет на себя в соответствии с Эксплуатационным соглашением (п. «с» ст. 4 Конвенции об ИНМАРСАТ). Особый правовой статус Участника оттеняется

¹ Menon P. K. The International Maritime Satellite Organizational Important Milestone in Maritime Communications Service // Netherlands International Law Review. 1977. Vol. XXIV. 1977. P. 494.

² Там же.

³ Sondaal H. H. M. The Current Situation in the Field of Maritime Communications Satellites "INMARSAT" // Journal of Space Law. Vol. 8. No 1–2. 1980. P. 12.

еще и тем, что, согласно Конвенции об ИНМАРСАТ, назначившая его Сторона в этом качестве обладает своими собственными правами и обязанностями. Эта Сторона, выступая в роли Участника, добровольно принимает на себя обязательства международно-частно-правового характера¹. Однако национальные организации (частные и государственные), осуществляя полномочия Участника ИНМАРСАТ, не обладают теми признаками, которые позволили бы говорить о них как о субъектах международного права. Последний момент нуждается в дополнительных разъяснениях.

4.1. Права и обязанности ИНМАРСАТ как частной организации

Как видно из Конвенции об ИНМАРСАТ, она предоставляет определенные права частным организациям и налагает на них определенные обязанности². Тем не менее участие в международной организации ИНМАРСАТ частных организаций вовсе не означает, что они могут быть отнесены к субъектам международного права. Из ст. VII и ст. VIII Договора о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г., а также ст. 4 Конвенции об ИНМАРСАТ следует, что у Участников, являющихся организациями, назначенными Сторонами, отсутствует такое важнейшее качество субъекта международного права, как самостоятельность своего волеизъявления в международных (межгосударственных, межправительственных, межведомственных) отношениях. Как известно, важнейшее качество любого субъекта международного права состоит в том, что он не находится под чьей-либо юрисдикцией, не имеет стоящей над ним политической власти, занимает с юридической точки зрения независимое положение от других субъектов международного права. Все права и обязанности субъекта международного права определяются самим субъектом на основе его волеизъявления³. Отсутствие международной правосубъектности у Участника подтверждается тем, что его права и обязанности в рамках ИНМАРСАТ возникают только в том случае, если он назначен соответствующим государством, т. е. ему поручено выполнять функции Участника.

Юридические лица, действующие от своего лица, получили по Конвенции об ИНМАРСАТ лишь отдельные права и обязанности по международному праву. Они включают их право участвовать в работе Совета ИНМАРСАТ и, таким образом, в рамках международной организации ИНМАРСАТ принимать участие в разработке международно-правовых норм на тех или иных стадиях нормотворчества. Помимо этого, им предоставлено право пользоваться определенными привилегиями и иммунитетами⁴, закрепленными в Протоколе о привилегиях и иммунитетах ИНМАРСАТ⁵.

Таким образом, Участник ИНМАРСАТ, являющийся государственной или частной организацией, не обладает теми качествами, которые необходимы для признания его субъектом международного права. Такой Участник — это субъект международного частного права.

4.2. Правовая природа Эксплуатационного соглашения

Решение вопроса о правосубъектности Сторон и Участников ИНМАРСАТ позволяет прийти к выводу о том, что Эксплуатационное соглашение об ИНМАРСАТ не является международным договором. Эксплуатационное соглашение не является международным договором еще и потому, что оно, регулируя конкретные эксплуатационные и финансовые вопросы, относящиеся к ИНМАРСАТ⁶, одновременно регулирует взаимоотношения между Участниками, которые складываются на коммерческой основе. Как записано в п. 3 ст. 5 Конвенции об ИНМАРСАТ, организация функционирует на прочной (безубыточной) экономической и финансовой основе с учетом принятых коммерческих принципов.

¹ Volosov M. E., Kolodkin A. L., Kolosov Y. M. International Maritime Satellite Communications System: History and Principles Governing its Functioning // Ocean Yearbook I. Chicago and London. International Ocean Institute. University of Chicago Press. 1978. P. 253.

² О предоставлении отдельным лицам прав в сфере международного права, например, см.: Фердросс А. Международное право. М. 1959. С. 151–152.

³ Малинин С. А. Мирное использование атомной энергии. М. 1971. С. 69.

⁴ См.: Колодкин А. Л., Евгеньева Е. Протокол о привилегиях и иммунитетах ИНМАРСАТ // Советское государство и право. 1983. № 9. С. 94–98.

⁵ Текст см.: СП СССР (отдел второй). 1984. № 8. Ст. 7.

⁶ Колодкин А. Л., Колосов Ю. М. СССР и международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) // Советское государство и право. 1977. № 8. С. 100.

Коммерческо-правовой характер обязательств, вытекающих из Эксплуатационного соглашения, подтверждается названием и содержанием этого договора, в котором, как указывалось ранее, регулируются конкретные технико-эксплуатационные вопросы. Придание такого характера Эксплуатационному соглашению входило в намерение учредителей международной организации ИНМАРСАТ¹. В процессе разработки учредительных актов основная идея Эксплуатационного соглашения, подчеркивает Ю. С. Ацеров и А. Л. Колодкин, «состояла в том, чтобы освободить правительства от финансовой ответственности за деятельность ИНМАРСАТ и от выполнения технико-эксплуатационных функций. Для этого нужно было исключить из проекта Конвенции ... все положения, касающиеся финансовой ответственности и технико-эксплуатационных вопросов участия в ИНМАРСАТ, и перенести их в Эксплуатационное соглашение ...»². О том, что Эксплуатационное соглашение не следует рассматривать в качестве международного договора, косвенно свидетельствует отсутствие какого-либо указания на то, что оно является приложением к Конвенции об ИНМАРСАТ.

Следовательно, все указанные выше обстоятельства подтверждают, что Эксплуатационное соглашение — это многосторонний международный контракт (сделка), т. е. такое соглашение, которое имеет международно-частно-правовой характер и в котором участвуют субъекты, принадлежащие различным государствам, и государства, выступающие в данном случае как субъекты международного частного права. А. Н. Талалаев относит Эксплуатационное соглашение к «смешанным» или сложным по своей юридической природе международным договорам, содержащим два вида обязательства: 1) международно-правовые, между государствами и другими субъектами международного права; 2) гражданско-правовые и другие не международно-правовые обязательства, между государствами и несубъектами международного права. Такой договор, по его мнению, следует отнести к международным договорам, поскольку участие несубъектов международного права в некоторых категориях международных договоров само по себе не лишает последних международно-правового характера³. Данное положение, с его точки зрения, распространяется на многосторонние договоры, если государства-участники не договорились рассматривать эти договоры как гражданско-правовые контракты⁴. К этому мнению присоединяется Е. А. Шибеева, предлагая представить Эксплуатационное соглашение «не в качестве самостоятельного международно-правового акта, а в виде приложения к конвенции об ИНМАРСАТ, как это, например, сделано в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., где цели, структура, полномочия, функции, финансы и т. д., то есть все то, что составляет Устав Предприятия, даны в качестве Приложения IV к конвенции. Эксплуатационное соглашение от этого не потеряло бы своей обязательности ...»⁵. Представляется, что с изложенными взглядами нельзя согласиться по указанным выше причинам.

В правовой теории не выработано общее определение понятия «международная сделка»⁶. Между тем международной практике известны договоры, подобные Эксплуатационному соглашению об ИНМАРСАТ⁷. В теории их называют «диагональные соглашения», указывая тем самым на то, что сторонами этих соглашений являются неравнозначные по своему правовому статусу государства и иностранные юридические или физические лица⁸. Специалисты, независимо от того, как они квалифицируют данные соглашения, не относят их к международным договорам⁹.

¹ См.: Док. ИМКО MARSAT/CONF/5/3; MARSAT/CONF/SR/3; MARSAT/CONF/4.

² Ацеров Ю. С., Колодкин А. Л. Международная организация морской спутниковой связи // Морской флот. 1977. № 5. С. 30.

³ Талалаев А. Н. Право международных договоров. Общие вопросы. М., 1980. С. 94–95.

⁴ Там же.

⁵ Шибеева Е. А. Право международных организаций: вопросы теории. М., 1986. С. 97, 98.

⁶ Однако обращается внимание на то, что объективная основа для этого существует (См.: Мусин В. А. Международные торговые контракты. Л., 1986. С. 15). В правовой теории используется также понятие «внешнеэкономическая сделка». Л. Н. Галенская считает, что оно распространяется на все виды сделок в области внешнеэкономической деятельности и включает традиционные внешнеторговые сделки, договоры подряда, лицензионные договоры, договоры по специализации и кооперированию производства и т. д. (Галенская Л. Н. Правовые вопросы международной социалистической специализации и кооперирования производства // 70 лет Советского государства и права. Л., 1987. С. 653–654).

⁷ Талалаев А. Н. Право международных договоров. Общие вопросы. М., 1980. С. 94–95.

⁸ Галенская Л. Н. Международное частное право. Л., ЛГУ. 1983. С. 81.

⁹ Там же.

Эксплуатационное соглашение об ИНМАРСАТ отличается от обычного международного контракта и, в частности, от его разновидности — внешнеторговой сделки¹. Во-первых, оно представляет из себя один из учредительных актов, лежащих в основе деятельности международной организации ИНМАРСАТ. Во-вторых, оно не подпадает под действие какого-либо национального права² и поэтому может рассматриваться как саморегулирующийся контракт. В-третьих, Эксплуатационное соглашение, хотя и является относительно самостоятельным договором, не может существовать без Конвенции.

Заключение

Неразрывное единство этих двух соглашений состоит в том, что они предназначены обеспечить каждый в своей сфере деятельность международной организации и системы ИНМАРСАТ³.

Заключение Эксплуатационного соглашения становится возможным в силу волеизъявления Сторон, закрепленного в Конвенции. Конвенция является правовым основанием для принятия Эксплуатационного соглашения. Поэтому последнее заключается в соответствии с положениями Конвенции об ИНМАРСАТ и открывается для подписания одновременно с ней (п. 2 ст. 2 Конвенции об ИНМАРСАТ). Отсюда следует, что изменения, вносимые в Эксплуатационное соглашение, не должны противоречить Конвенции.

Эксплуатационное соглашение подлежит толкованию совместно с Конвенцией об ИНМАРСАТ. При этом к нему применяются определения, содержащиеся в Конвенции (п. 2 ст. 1 Эксплуатационного соглашения ИНМАРСАТ). В случае возникновения противоречий в содержании между Эксплуатационным соглашением и Конвенцией большую юридическую силу имеет последнее, а при отсутствии соответствующих положений в Конвенции — нормы международного права.

Неразрывное единство этих учредительных актов ИНМАРСАТ также проявляется в том, что Эксплуатационное соглашение вступает в силу для Участника с даты вступления в силу Конвенции для соответствующей Стороны (ст. XVII Эксплуатационного соглашения об ИНМАРСАТ). Вместе с тем никакое государство не может стать Стороной конвенции до тех пор, пока оно или назначенная им организация не подпишет Эксплуатационное соглашение. Неразрывная связь двух договоров обеспечивается положениями п. 3 ст. 29 и п. 6 ст. 30 Конвенции, в которых определяется непрерывность выполнения обязанностей Участника, являющегося организацией, в случае его выхода или прекращения его членства.

Литература

1. Актуальные проблемы деятельности международных организаций: Теория и практика. Отв. ред. Морозов Г. И. М., 1982. 351 с.
2. Анашкин В. М. Безопасность мореплавания и правовые вопросы создания международной системы морской спутниковой связи и радиоопределения // Обзорная информация. Сер.: Современное морское право и практика. М., 1973. № 58. Вып. 295.
3. Ацеров Ю. С., Колодкин А. Л. Международная организация морской спутниковой связи // Морской флот. 1977. № 5.
4. Богуславский М. М. Международное частное право. М., 1982. 336 с.
5. Броунли Я. Международное право. Кн. I. М., 1977. 538 с.
6. Волосов М. Е., Колодкин А. Л. Правовые основы международной организации морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) // Материалы по морскому праву и международному торговому мореплаванию. М., 1977. Вып. 13.
7. Галенская Л. Н. Международное частное право. Л., 1983. 233 с.
8. Галенская Л. Н. Правовые вопросы международной социалистической специализации и кооперирования производства // 70 лет Советского государства и права. Л., 1987. 752 с.
9. Гуреев С. А. Международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) // Информационный бюллетень. Совет экономической взаимопомощи, Бюро координации фрахтования судов. 1980. № 7 (193).

¹ Определение внешнеторговой сделки см.: Богуславский М. М., Международное частное право. М., 1982. С. 184–187; Мусин В. А. Международные торговые контракты. Л., 1986. С. 5–16; Право и внешняя торговля. М., 1987. С. 33–34.

² Такой характер Эксплуатационного соглашения подтверждается п. 1 ст. II Приложения к Конвенции об ИНМАРСАТ о Процедуре разрешения споров, в которой предусматривается, что решение арбитража должно находиться в соответствии с международным правом и основываться: а) на Конвенции и Эксплуатационном соглашении; б) на общепризнанных принципах права.

³ Поэтому Эксплуатационное соглашение необходимо рассматривать с учетом положений Конвенции об ИНМАРСАТ (См.: Каменецкая Е. П. Космос и международные организации. М., 1980. С. 72–73).

10. Каменецкая Е. П. Космос и международные организации. М., 1980. 167 с.
11. Колодкин А. Л. О работе подготовительного комитета по созданию ИНМАРСАТ // Материалы по морскому праву и международному торговому мореплаванию. М., 1978. Вып. 16.
12. Колодкин А. Л., Евгеньева Е. Протокол о привилегиях и иммунитетах ИНМАРСАТ // Советское государство и право. 1983. № 9.
13. Колодкин А. Л., Колосов Ю. М. СССР и международная организация морской спутниковой связи (ИНМАРСАТ) // Советское государство и право. 1977. № 8.
14. Лунц Л. А. Курс международного частного права. Особенная часть. М., 1975. 503 с.
15. Малинин С. А. Мирное использование атомной энергии. М., 1971. 176 с.
16. Малинин С. А. О правосубъектности международных организаций // Вестник ЛГУ, 1965. № 17. Вып. 3.
17. Малинин С. А. Юрисдикция прибрежного государства и мирный проход иностранных судов через территориальное море // Международное и внутригосударственное право: проблемы сравнительного правоведения. Свердловск, 1984.
18. Молодцов С. В. Правовой режим морских вод. М., 1982. 232 с.
19. Моравецкий В. Функции международной организации. М., 1976. 384 с.
20. Морозов Г. И. Международные организации. Некоторые вопросы теории. М., 1969. 231 с.
21. Мусин В. А. Международные торговые контракты. Л., 1986. 151 с.
22. Нозари Ф. Космическое право. М., 1979. 330 с.
23. Право и внешняя торговля. М., 1987. 151 с.
24. Рудев А. И. Международно-правовой статус космических станций. М., 1982. 142 с.
25. Спивакова Т. И. Право и природные ресурсы прибрежных зон. М., 1978.
26. Талалаев А. Н. Закон о международных договорах СССР на службе мира. М., 1979. 96 с.
27. Талалаев А. Н. Право международных договоров. Общие вопросы. М. 1980. 312 с.
28. Теория государства и права. Отв. ред. А. И. Королев, Л. С. Явич. 1982. 274 с.
29. Ушаков Н. А. Проблемы теории международного права. М., 1988. 188 с.
30. Шибеева Е. А. Право международных организаций: вопросы теории. М., 1986. 166 с.
31. Шибеева Е. А., Поточный М. Правовые вопросы структуры и деятельности международных организаций. М., 1980. 167 с.
32. Фердросс А. Международное право. М., 1959. 652 с.
33. Эдуардо Хименес де Аречага. Современное международное право. М., 1983. 380 с.
34. Юсупов В. А. Теория административного права. М., 1985. 160 с.
35. Bowett D. W. The Law of International Institutions. London, 1982. 431 p.
36. Doyle S. E. INMARSAT: the International Maritime Satellite Organization — Origins and Structure // Journal of Space Law. 1977. Vol. 5. No 1–2.
37. Menon P. K. The International Maritime Satellite Organizational Important Milestone in Maritime Communications Service // Netherlands International Law Review. 1977. Vol. XXIV. 1977.
38. Sondaal H. H. M. The Current Situation in the Field of Maritime Communications Satellites "INMARSAT" // Journal of Space Law. Vol. 8. No 1–2. 1980.
39. Volosov M. E., Kolodkin A. L., Kolosov Y. M. International Maritime Satellite Communications System: History and Principles Governing its Functioning // Ocean Yearbook I. Chicago and London. International Ocean Institute. University of Chicago Press. 1978.

Об авторе:

Никоноров Владимир Владимирович, доцент кафедры международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат юридических наук; vv-nikonorov@mail.ru

About the author:

Vladimir V. Nikonorov, Associate Professor, North-West Institute of Management of RANEPA, Department of International and Humanitarian Law (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Jurisprudence; vv-nikonorov@mail.ru

Сербско-китайское всестороннее стратегическое партнерство как внешнеполитическая парадигма «Нового Шелкового пути»

Душко Дмитриевич

Институт международной политики и экономики, Белград, Республика Сербия;
dimitrijevicd@diplomacy.bg.ac.rs

РЕФЕРАТ

Современные международные отношения между Сербией и Китаем обусловлены многочисленными факторами политического, экономического, социального и культурного характера. Хотя эти факторы реально указывают на неравенство между двумя странами по многим позициям, это не должно быть серьезным препятствием для развития хороших и дружеских связей во многих областях. Это связано прежде всего с тем, что в историческом и международно-правовом контексте отношения между двумя странами характеризуются определенной преемственностью, что проявляется в постепенном развитии дипломатических контактов, установленных в 1955 г. между Социалистической Федеративной Республикой Югославией и Китайской Народной Республикой. Республика Сербия, будучи одним из государств-преемников Социалистической Федеративной Республики Югославии, рассматривает Китайскую Народную Республику как одного из своих важнейших партнеров и «столпов» внешней политики наряду с Европейским союзом, Россией и США. Сербия действительно хочет подчеркнуть, что Китай, как великая держава, является для нее ключевым игроком в мировой политике. Еще в июне 2016 г. главами двух государств (Томиславом Николичем и Си Цзиньпином) было подписано соглашение о создании всеобъемлющего стратегического партнерства. Углубление сербско-китайских отношений на двустороннем и многостороннем уровнях (особенно в ООН, региональных международных организациях и политических форумах, таких как механизм сотрудничества «17 + 1» между Китаем и странами Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы) является следствием ускоренного развития мировой экономики в контексте «Нового Шелкового пути» Китая и инициативы «Один пояс — один путь» (ОПОП), которые реально представляют собой новую парадигму международных отношений.

Ключевые слова: Сербия, Китай, комплексное стратегическое партнерство, внешнеполитическая парадигма, «Новый Шелковый путь», ОПОП

Serbia-China Comprehensive Strategic Partnership — the Foreign Policy Paradigm of the “New Silk Road”

Duško Dimitrijević

Institute of International Politics and Economics, Republic of Serbia, Belgrade; dimitrijevicd@diplomacy.bg.ac.rs

ABSTRACT

In contemporary international relations, the mutual relations between Serbia and China are conditioned by numerous factors of political, economic, social and cultural nature. While these factors realistically indicate the disparity between the two countries in many respects, this should not be a serious obstacle for them to develop good and friendly relations in many fields. The primary reason is that, in the historical and international legal context, the relations between the two countries are characterized by a certain continuity, which is manifested in the gradual development of diplomatic relations established in 1955, between the former Federal People's Republic of Yugoslavia and the People's Republic of China. As one of the successor states to the Socialist Federal Republic of Yugoslavia, Serbia continues to treat China

as one of its most important partners in international relations. Serbia demonstrates such a foreign policy approach through the course, according to which China is one of the main “pillars” of its foreign policy with the European Union, Russia and the United States. By mentioning its main “pillars”, in its foreign policy orientation, Serbia actually wants to emphasize that China represents for it a key player in world politics and a great power with which it builds relations of “Comprehensive Strategic Partnership” (CSP). The deepening of Serbian-Chinese relations at the bilateral and multilateral levels (especially in the UN, regional international organizations and political fora, such as the “17 + 1” cooperation mechanism between China and Central, Eastern and Southeast European countries), hence, it is in some way a consequence of accelerated global economic developments, largely conditioned by “China’s New Silk Road” strategy and tactics framed through the “One Belt, One Road” Initiative (OBOR), which realistically represent a new paradigm of international relations based on the idea on peaceful and harmonious world development.

Keywords: Serbia, China, comprehensive strategic partnership, foreign policy paradigm, “New Silk Road”, OBOR

Contemporary Relations between Serbia and China

Serbia-China relations are conditioned by many foreign policy determinants. These determinants *per se*, imply internal and external political variables as well as legal, economic, cultural, and historical and other social factors that determine mutual relations and connectivity. The analysis of these factors is a prerequisite for establishing the valid factual background necessary for the study of the foreign policy priorities of the two countries in the constellation of contemporary international relations. In this regard, I considered it necessary to note the following parameters:

Serbia is a small continental country with a total surface area of 88,361 square kilometres, mostly located in South-eastern Europe (in the Balkan Peninsula) and to a lesser extent in Central Europe (in the Pannonia Plain). In the north, Serbia shares a border line with Hungary (166 km), in the east with Romania (544 km) and Bulgaria (371 km), in the south with Macedonia (252 km), and Albania (22 km), and in the west with Montenegro (236 km), Bosnia and Herzegovina (381 km) and Croatia (315 km). Serbia is a landlocked country, but with an important position in relation to the Danube River whose basin belongs to and through which it is connected to the Black, North and Baltic seas *via* the Rhine-Main channel as well as with the Atlantic Ocean¹. Although just over 8.7 million people (including the Kosovo and Metohija areas), with very limited economic and military resources, Serbia strategically represents the “gate to the Balkans” and the “bridge” between West and East” [34, 58, p. 21; 59]². In terms of internal political determinants, Serbia represents a secular state, a republic in the form of government, that is, a parliamentary democracy, according to the form of socio-political system. By economic order, Serbia is a capitalist state. According to the highest constitutional act, the 2006 Constitution, “The Republic of Serbia is a state of the Serbian people and all its citizens, based on the rule of law and social justice, the principles of civil democracy, human and minority rights and freedoms and membership of European principles and values” [11] According to the Constitution, its territory is unique and indivisible, and its borders are inviolable. State power in the territory of Serbia is restricted by the Constitution, guaranteed by citizens’ right to provincial autonomy and local self-government. In that sense, Serbia formally has two autonomous provinces: Vojvodina and Kosovo and Metohija. Following the escalation of armed conflicts and NATO intervention in 1999, the territory of the

¹ The Danube basin covers the territories of 19 European countries and extends from west to east for 1,690 km and from north to south for 820 km. The hydrographic network of the Danube basin consists of 120 tributaries, some of which are the largest flows into the Danube in the territory of Serbia (Sava, Drina and Tisa). The Danube waterway is 2,411 km (of a total of 2,850 kilometers). The navigable river route is used for transportation of people and goods (588 km in Serbia). In the Danube basin there are about a hundred commercial ports, eleven of which are in Serbia. Significant ports along the Danube river flow include Vienna, Bratislava, Budapest, Belgrade and Brailie.

² According to IMF data, Serbia’s nominal GDP in 2019 is projected to reach 51.523 billion US dollars, which is 7,397 US dollars per capita, while GDP based on purchasing power parity (PPP) stood at 129.298 billion US dollars, which is 18,564 US dollars per capita. According to the Budget of the Republic of Serbia for 2019, for military needs is allocated 907 million US dollars, which is 1.75% of Serbian GDP.

Autonomous Province of Kosovo and Metohija was placed under United Nations administration, and soon thereafter internationalized [19].

On the other hand, China is the second largest country on the Asian continent, the third country in the world with a total surface area of 9,326,410 square kilometres. China is located partly in the Central, and partly in East Asia, with access to the Pacific Ocean, Bohai, Yellow, East and South China Sea in the length of 18 thousand kilometres. In the north, China shares a borders with Russia (3645 km) and Mongolia (4677 km), in the northeast with Korea (1416 km), in the south with Vietnam (1281 km), Laos (423 km), Nepal (1236 km), Bhutan, Myanmar and India (3380 km) and to the west with Pakistan (523 km), Afghanistan (76 km), Tajikistan (414 km), Kyrgyzstan (858 km) and Kazakhstan (1533 km)¹. China has over 1.433 billion inhabitants, or 1/5 of the world's total population and 1/3 of Asia's total population. These demographic parameters indicate that China is the most populous country in the world. [51, p. 78; 58, p. 17]. China is by economic potential, the second country in the world with a progressive growth rate [46]². In addition, with its overall military potential (including nuclear weapons), China is ranked as a regional and potentially major military power [16; 37]³. Given the internal political variables, China represents a secular state and republic in the form of government. By socio-political order, China remained more of a communist state than it became of a socialist one, noting that in terms of economic order, China was more inclined to favour the capitalist system. The system has been formulated by China as "socialism with Chinese characteristics" which allows it to gain a broader approach to open markets (the so-called socialist market economy) [15]. According to the 1982 Constitution (as amended in 1988, 1993, 1999 and 2004), China represents a "socialist state under a working-class democratic people's power based on an alliance of workers and peasants" [10]. As a politically united state, China is based on the principle of democratic centralism, which applies the principles of "equality, unity and mutual assistance" between different national communities [9]⁴. In administrative-territorial terms, China is divided into 22 provinces, 5 autonomous regions (with minority peoples), 4 government-administered municipalities (called mainland China), as well as 2 separate administrative regions⁵.

From the above comparison, it is clear that there is no symmetry or proportionality between Serbia and China according to the above parameters. Therefore, Serbia could not have any special significance for China. Globally, Serbia could be classified as a "micro-state" rather than a significant regional power, which it really is by looking at its geostrategic position and political importance in the Balkans, which makes it a "piedmont" between Central Europe and the Middle East. Serbia is of particular importance to China because it is located at the crossroads of South-eastern Europe, on important land and river routes that enable it to communicate well not only in the east-west direction but also in the north-south direction, which is a prerequisite for faster economic development as well as to integrate into important regional organizations such as the European Union whose market China is interested in. In this situation, it is no wonder that China is showing increasing strategic interest for co-operation with Serbia.

Looking at international relations from a historical retrospective, one can conclude that the Balkans and Serbia have always been dependent on the influence and interests of the great powers [24, p. 362]. Serbia is

¹ By 2009, China had settled the issue of delimitation of the land border with twelve neighboring countries (22,117 km long), while to date, border issues with Bhutan and India remain unresolved.

² China's nominal GDP in 2019 is projected to reach 14.216 trillion US dollars, which is 10,153 US dollars per capita, while GDP based on purchasing power parity (PPP) stood at 27.331 trillion US dollars which is 19,520 US dollars per capita. According to the IMF, China is the largest trading power in the world, with the largest export potential.

³ By total military potential, China ranks third out of 137 countries in the world for which official data are available. China has the largest composition of the regular army. According to budget allocations, China is second in the world.

⁴ China acknowledges the existence of 56 different ethnic groups, the Han being the most numerous (about 91.5%).

⁵ The Chinese provinces include: Anhui, Fujian, Gansu, Guangdong, Gansu, Guizhou, Hainan, Hebei, Heilongjiang, Henan, Hubei, Hunan, Jiangsu, Jiangxi, Jilin, Liaoning, Qinghai, Shaanxi, Shandong, Shanxi, Sichuan, Yunnan, and Zhejiang. The Autonomous Regions of China include: Guangxi-Zhuang, Nei Mengu — Inner Mongolia, Ningxia-Hui, Xinjiang-Uygur, Xizang Tibet. The municipalities under the direct administration of the Chinese Government are: Beijing, Shanghai, Chongqing and Tianjin. Hong Kong and Macau are within the regime of special administrative regions. China regards Taiwan as its 23 province over which it has no effective control, but which, under the Constitution, is "part of the sacred territory of the PRC".

therefore a very important factor for China in the Balkans and South-eastern Europe, which it considers to be a successor to Yugoslav foreign policy and an advocate of a neutral attitude towards military-political blocs. This position is quite important given China's negative stance on force politics in international relations. In this regard, Serbia seeks to deepen its political ties with China, aided largely by the continuity of diplomatic relations established between the Federal People's Republic of Yugoslavia and the People's Republic of China on 2 January 1955. Following the good sides of previous interstate practice, Serbia continued to develop bilateral relations with China for its own national reasons, treating China as one of its main international partners. This orientation has also been restored through Serbia's current foreign policy course, which has been defined through basic foreign policy priorities or "pillars" which, in addition to relations with China, include relations with the European Union, the United States of America and Russia [40]. By identifying major foreign policy priorities, Serbia has in fact indicated that China is as important a player in international relations as it is with other major powers with which it needs to build strategically important ties and partnerships. Generally speaking, such a foreign policy orientation is imbued with a voluntaristic assessment of overall international relations, as well as with an opportunistic appreciation of China, which, as a global player, works not only for its own benefit but also in the common interest as a responsible player and a connecting factor in addressing major international issues. As a global power, China takes into account not only the personal interests and needs of the current generation of the world's population, but also the interests of other countries and the needs of future generations, cooperation with it represents for Serbia the accomplishment of its most important foreign policy goals. In this respect, it is also important to note that China does not seek international hegemony and imperialism in international relations, but advocates multilateralism in which the United Nations should play a primary role. On the military front, China is developing a defensive doctrine that is oriented toward preserving national sovereignty and territorial integrity, and thus international peace and security [27, p. 9; 6, p. 70; 38, p. 26]¹. In bilateral relations, China insists on respect for the One-China policy, as well as the concept of the Five Principles of Peaceful Coexistence (*the Pancha Sila*), which was at one time proclaimed by Chinese Prime Minister and Foreign Minister Zhou Enlai together with the principle "harmony without uniformity", on the basis of which China has succeeded in establishing sincere and friendly relations with countries that did not accept its ideological-political commitment [2, pp. 57–81; 8; 31; 42]². This foreign policy concept involves the application of the principles of mutual respect of territorial integrity and sovereignty, non-aggression, non-interference in internal affairs, equality and co-operation and peaceful coexistence. Based on these principles, deeply rooted in the United Nations Charter and the Chinese Constitution, China has established and developed diplomatic relations with over 170 countries, including Serbia [18, pp. 68, etc; 23]³. According to Chinese understanding, adherence to these principles is a prerequisite for the achievement of the United Nations Millennium Development Goals, which are the basis for the creation of a fairer and more prosperous world [47; 55; 56]⁴. Along the way, however, there are enormous temptations and obstacles such as rivalries with other major powers (primarily the United States of America)⁵, followed by internal tensions (regarding

¹ In public discourse, Serbia treats China as a "great power", despite the fact that China does not perceive it that way. Chinese political discourse, however, emphasizes that China is the largest developing country and a respectable regional power with increased global influence and soft power in international relations. It is also often emphasized that the Chinese approach is China's "responsible power" (*Fu zeren de daguo*), which respects the sovereignty of other countries, unlike Western powers that interfere with other countries' social systems, their development, and their domestic and foreign policies. Due to this proactive approach, China is identified in some foreign policy estimates as a "potential" or "emerging" super power.

² The five principles of peaceful coexistence were formally defined for the first time in the China-India Agreement on Tibet, concluded on 29 April 1954 in Beijing.

³ China has recognized all UN members, including the Holy See and Palestine. China, on the other hand, has no established diplomatic relations with 19 UN member states. Videti: "Foreign Relations of China", Internet: https://en.wikipedia.org/wiki/Foreign_relations_of_China, 30.12.2017.

⁴ The UN Millennium Declaration of 2000 envisaged meeting the following goals by 2015: eradicating extreme poverty and hunger, achieving universal primary education, promoting gender equality, reducing child mortality, improving maternal health, combating HIV/AIDS, malaria, and other diseases, ensuring environmental sustainability and creating a global partnership for development.

⁵ In pursuing China's "containment policy", the United States is working to intensify China's territorial disputes with its neighbors in the East and South China Sea, where it is rapidly renewing and establishing military alliances (e. g. with the Philippines and Vietnam) for geopolitical and geo-economic reasons. A more recent security strategy proclaimed by US President Donald Trump favors a "fundamental political contest" between the US and China that places in "revisionist powers" (besides Russia). On the other hand, while China has a strategic partnership with the United States, it has made counter-weighting US influence in the world by establishing a strategic alliance with Russia that enabled it to enter into a Russian gas supply agreement in 2014, starting in 2018 over the next thirty years through the \$ 400 billion Power of Siberia gas pipeline project, which also included an

Tibet, Taiwan, and more recently Hong Kong), the regional crisis (in the North Korea, Afghanistan, the Middle East, etc.), territorial disputes with neighbouring countries (about delimitation of the borders in the South and East China Sea, defining the land border with Bhutan and India, etc.), and modern asymmetric security challenges (such as poverty, pandemics, natural disasters, environmental pollution, terrorism, international crime, etc.), which China tries to prevent by peaceful means and with high standards of strategic management. [3; 5; 25, pp. 3–16; 39; 45, pp. 218, etc; 50; 60, pp. 141–159].

Trends in the Development of Serbia-China Relations

The dynamics of geopolitical change in the world requires a new positioning of Serbia in international relations. Implementation of current foreign policy priorities, including cooperation with China, therefore entails a rethinking of the international environment and the possibilities of realizing vital national interests. Starting from the assumption that the development of Serbian-Chinese relations should contribute to faster political consolidation, economic reconstruction, and overall social progress and transformation of Serbian society, the author in the continuation of the study pays attention to the analysis of those foreign policy determinants that, in his opinion, condition the direction of their future movement.

Serbia's vital interests in international relations are the preservation of peace, constitutional order, territorial integrity and sovereignty. In order to achieve these interests, Serbia should use all internationally legal means, with full respect for human rights and freedoms [35]¹. Working in this direction, Serbia declared military neutrality in 2007, which, first of all, does not prevent it from cooperating with China in the foreign policy field [48]². Especially since both countries are committed to achieving the fundamental goals and principles enshrined in the Charter of the United Nations, and above all those related to the maintenance of peace and security. In this regard, Serbia is openly supportive of China's "One China Policy", which promotes territorial integrity and sovereignty throughout China, including Taiwan. China, on the other hand, refuses to follow the plans of the US and other Western powers to redesign Serbia, and seeks to maintain the stability of the existing order by insisting, as a permanent member of the United Nations Security Council, on protecting the territorial integrity of Serbia and not accepting the unilaterally proclaimed secession of Kosovo and Metohija³. China expresses its adherence to the literal implementation of Resolution no. 1244 of the United Nations Security Council, and uses its influence in this organ of the UN to create a solid position for Serbia in negotiating the political status of the southern Serbian province. For pragmatic reasons, China insists on a peaceful settlement of the dispute and a compromise that would guarantee equal rights for all peoples living in Kosovo and Metohija. In this way, China remains consistent with respect for international law and the general principles and objectives proclaimed in the United Nations Charter [21; 53, p. 165].

agreement to build an \$ 325 billion Altai gas pipeline leading from Western Siberia. By working with Russia and other member states of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the Eurasian Economic Community (EES) and BRICS, China maintains a balance of power with its main political rival, and subsequently influences the establishment of multipolarism in international relations. Michael D. Swaine, "The 19th Party Congress and Chinese Foreign Policy", Carnegie Endowment for International Peace, Internet: <http://carnegieendowment.org/2017/10/16/19th-party-congress-and-chinese-foreign-policy-pub-73432>, 16.10.2017.

¹ In accordance with the Constitution and related regulations, foreign policy is determined by the Government of the Republic of Serbia and implemented by the Ministry of Foreign Affairs, which coordinates the participation of other state bodies in the pursuit of foreign policy goals.

² The Resolution of the National Assembly of Serbia of 26 December 2007 on the protection of the sovereignty, territorial integrity and constitutional order of the Republic of Serbia stated in paragraph 6 that: "Due to the overall role of the NATO Pact, against the illegal bombing of Serbia in 1999, without the Security Council decision until Annex 11, the rejected Ahtisaari plan declaring NATO to be the 'ultimate body' of government in 'independent Kosovo', the National Assembly of the Republic of Serbia decides to declare the Republic of Serbia's military neutrality in the relationship to the existing military alliances until the eventual referendum is called upon to reach a final decision on the matter".

³ The inconsistent implementation of the stated objectives of the international mission in Kosovo and Metohija, established by UN Security Council Resolution no. 1244, dated 10 June 1999, which ended the NATO Alliance's armed intervention against FR Yugoslavia, over time caused the state of independence of the southern Serbian province to be proclaimed, on 17 February 2008. Given that Serbia had very limited room for political action over the Kosovo problem, and that the ruling political elite estimated that Serbia enjoyed certain sympathies at the United Nations because of the principled stance on the need to preserve territorial integrity, which was widely accepted by countries the so-called Third World, followed by Russia and China, two permanent members of the Security Council, as well as a number of European Union members (Spain, Romania, Greece, Cyprus and Slovakia), who, due to similar internal problems, were convinced as Serbia, a decision was made to seek a solution through the International Court of Justice on the act of unilateral declaration of independence of the "Republic of Kosovo" through the procedure of giving an advisory opinion.

In economic terms, Serbia sees China as its most important foreign trade and financial partner in Asia. Serbia is seriously counting on China to help it achieve its strategic economic interests, above all in the reconstruction and development of economic potential. The lack of financial resources required to realize them enables China to invest its own funds on favorable terms, using the openness of the Serbian market and good mutual relations, which is permeated by mutual trust and mutual benefit. Considering that Serbia has a huge need for re-industrialization and economic development, Chinese foreign investments, both “direct” and “portfolio”, could be of primary importance. But while Serbia considers China to be its most important strategic partner in Asia, its economic relations with China are characterized by mutual asymmetry in all economic parameters [7; 49]¹. However, this does not mean that there are no opportunities for their further growth and development. This is the conclusion of China, according to which Serbia is one of its key partners in the region of Southeastern Europe, as well as an active factor in connecting with the European Union, whose common market of high purchasing power can be an ideal space for its investments and placement of its products. Therefore, China supports Serbia’s aspirations for full membership in the European Union and encourages its economic transition to open markets. Good political relations enable Serbia to develop good economic relations with China in various aspects and in various fields. At present, economic cooperation, by its size, value and structure, unfortunately forms a small part of economic exchange with the world in both countries [4]. This situation is primarily conditioned by China’s economic strategy, whose primary constant is the growing expansion of exports, the acquisition of energy and ore resources to sustain economic growth, global economic positioning, and significant logistical and financial support of state-owned banks to foreign-based companies². It is therefore clear that economic cooperation with China is also a major economic challenge for Serbia. However, the two countries have a clear will to improve their economic relations, as best reflected by China’s investments in Serbia’s infrastructure, energy and ICT sectors [17]. Serbia’s economic cooperation with China is proof of the successful conduct of both countries’ foreign policy. On the one hand, China’s foreign policy promotes economic co-operation globally, and on the other hand, Serbia’s foreign policy, in the face of a complex international situation, contributes to a “constructive East-West meeting”. In this regard, if Serbia wants to increase its influence and importance in economic relations with China, it must base its business prospects on improving industrial capacity through various types of investments in industry and infrastructure. In that sense, Serbia should become more widely involved in international production through “global value chains”, which arise not only from the proprietary forms of foreign direct investments (FDI), but also from the so-called non-equity investments, which allow for proportional participation in foreign exports. *In concreto*, this means that by participating in “global value chains” — led by Chinese companies — in the coming period, Serbia could achieve progressive economic growth and development, and thus improve its economic relations with foreign countries [32, p. 109]. Of course, effective and profitable Chinese investments in Serbia assume legal certainty. In this regard, it is important that Serbia has a modern Foreign Investment Law, which guarantees equal legal status of domestic and foreign investors, i.e. freedom of investment, national treatment, legal

¹ According to the National Bank of Serbia data, the total net inflow from China in the period from 2005 to 2013 was amounted only to EUR 20 million. From 2010 to 2017, inflows based on investments of Chinese residents in the Republic of Serbia amounted to USD 341.4 million. According to the Serbian Bureau of Statistics and Serbian Chamber of Commerce official data, in 2016, there was an increase in bilateral trade between the two countries. Thus, imports from China amounted to USD 1,522.9 million, while exports from Serbia to China amounted to USD 25.3 million. In 2017, there was further growth. The imports amounted to USD 1,775.1 million, while export from Serbia was USD 62.2 million. In 2018, there was a successive growth of imports from China so that it was amounting to USD 2,167.5 million, while exports from Serbia to China also recorded a growth of USD 91.7 million. Comparing these indicators, it can be seen that the coverage of exports by imports increased from 1.7 in 2016 to 4.2 in 2018. This further suggests that the foreign trade exchange between the two countries has gradually increased year by year. According to the latest statistical indicators for 2019, China as the strategic partner of Serbia occupies the fourth place in the foreign trade exchange of Serbia with the world (right behind Germany, Italy and the Russian Federation).

² China is developing this model of economic cooperation with the countries of Central and Eastern Europe (CEE) through which it seeks to penetrate EU markets. In doing so, China grants soft loans through state-owned banks to major infrastructure projects that are largely implemented by Chinese companies. Local governments issue appropriate guarantees for these loans. China often also establishes export platforms in the peripheral EU member states to further market its products and services in the common market. It is reluctant to approve foreign direct investment in the manufacturing sectors, and when it does so it regularly makes acquisitions and acquisitions.

certainty and the possibility of transferring profits abroad [36]. These guarantees for Chinese investors create a good investment climate needed to attract FDI [33]¹.

Analysis of the possible potentials of importance for the further development of economic cooperation between Serbia and China involves the examination of comparative advantages that Serbia has, and that can contribute to an increase in the structure and scope of Chinese investment. These benefits include the following: The clear foreign policy goal — joining the EU and the WTO; The relative macroeconomic stability; Highly qualified and relatively cheap labour force due to the progressive growth of wages in China and the lack of skilled labour, the perspective can be employed by Chinese companies; Regional competitive financial risk; Restructured and privatized banking sector; The rapid development of capital markets; Developed telecommunications infrastructure; Liberalized system of tariffs and tax legislation; The rapid development of the private sector; The significant level of incentive fiscal, regulatory and financial measures; The existence of free trade agreements with the European Union, the Central European Free Trade Agreement (CEFTA), the European Free Trade Association (EFTA) the Commonwealth of Independent States (CIS), Russia, Belarus, Turkey, Kazakhstan, and others; The adoption of the national Strategy for the promotion and development of foreign investment; Harmonized (more or less) legal framework for foreign investment with European and international standards and full visa liberalization between Serbia and China. A significant proximity of European markets and the soon-expected improvement of transport infrastructure, also can represent a comparative advantages for future Chinese investments in Serbia in particular in the field of agriculture (especially and food processing industry), in transport infrastructure, energy, telecommunications, as well as in investing in the production capacities of the car industry, telecommunication, machine, chemical and textile industries for their placement on third markets [32]. Given the fact that Serbia's macroeconomic imbalance affects the dynamics and structure of foreign direct investment inflows, the structure of Serbian exports to China could be transformed in accordance with the structure of accumulated funds from these sources. If, by any chance, the promotion of new Chinese investments (including takeovers and acquisitions), this fund is increased, it could be a good sign for the gradual re-industrialization of the Serbian real sector, and thus for the promotion of *win-win* cooperation, which as a "joint pledge", can lead to faster consolidation of Serbian-Chinese economic relations, as well as more effective implementation of the goals of China's "New Silk Road" strategy [17; 20]. This development strategy, as a specific foreign policy determinant of Serbian-Chinese relations, will be discussed in the next part of the study.

"New Silk Road" Strategy — a New Opportunity for Developing Serbia-China Relations

Good political and economic relations between Serbia and China led to the establishment of a strategic partnership in August 2009, during the visit of then Serbian President Boris Tadic to China. The Strategic Serbian-Chinese Partnership was expanded into a "Comprehensive Strategic Partnership" through joint statements by former Serbian President Tomislav Nikolic and Chinese President Xi Jinping in August 2013 and June 2016 [28; 29; 30]. The "Comprehensive Strategic Partnership", built on the traditionally good and friendly relations of the two countries, soon contributed to the conclusion of a series of international treaties and agreements on joint projects in the fields of energy, transport, agriculture, telecommunications, and finance, scientific and cultural exchange [12]. The importance of establishing a strategic partnership between Serbia and China has had positive effects not only on optimizing Serbia's foreign policy position in international relations, but also in implementing the goals of China's "New Silk Road" strategy and its initiatives: the "Silk Road Economic Belt" and the "21st Century Maritime Silk Road" — *One Belt, One Road Initiative* (OBOR), which was first presented by the Chinese President Xi Jinping during his official visit to four Central Asian states: Turkmenistan, Kazakhstan, Uzbekistan and Kyrgyzstan, in September 2013, and then in Indonesia in early October 2014 [13; 14; 20; 39; 43;

¹ This is also evidenced by the current financial data, according to which Chinese investments in Serbia reached the amount of circa 10 billion US dollars, which a significant part is realized or will be realized within the *One Belt, One Road Initiative*.

44]¹. As the ideological concept of Chinese foreign policy, the “New Silk Road” strategy advocates the realization of its previously planned goals in the “Policy of Peaceful Development” which accepts the idea of stable international relations with a peaceful international environment and the harmonious world development. In this respect, the “New Silk Road” strategy although abstractly determined, with quite widely defined geographical, temporal, functional and institutional determinants, does not accept a geopolitical approach, but affirms a geo-economics one based on ideas of common and peaceful coexistence, “win-win” cooperation and comprehensive, balanced and sustainable development. [41]. Such an approach is surely complementary to the Chinese position that regional integration contributes to economic globalization, and that greater connectivity between different regions accelerates the development of global supply, industrial and value chains [18]. This rationalization follows from the content of the document of the National Commission for Development and Reform and the Chinese Ministry of Foreign Affairs and the Ministry of Commerce published under the title “Vision and Actions on the Joint Building Silk Road Economic Belt and 21st Century Maritime Silk Road”, from 28 March 2015 [57]. Referring to previously proposed *One Belt, One Road Initiative*, this document essentially defines the development plans of the “New Silk Road” strategy which includes guidelines for all-round opening and improving economic, financial, cultural, scientific and technological cooperation with the countries of Asia, Africa and Europe, in turn to achieve overall progress, regional security (especially in Central Asia), internal political stability and economic prosperity. For the purpose of implementing this document, the National Development and Reform Commission, adopted the “Action Plan for Harmonization of Standards along the Belt and Road (2015–2017)” on 22 October 2015. It has confirmed the obligation to achieve the planned goals of the “New Silk Road” strategy in practice. [1]. In this regard, the *One Belt, the One Road Initiative* is of great importance because it represents far-reaching visions of enhancing China’s cooperation with the world [22].

The new Chinese foreign policy positioning cannot be understood without determining the geostrategic factors that will condition the realization of the planned goals. In this respect, it should be noted that the concept of the “New Silk Road” is not a new strategic concept. It stemmed from Deng Xiao Ping's vision of implementing radical economic reforms based on the construction of economic and development zones, as well as open cities in China's southern coastal and continental eastern regions [26, p. 128]². This reform model, based on the *Opening-up strategy*, was no longer applicable over time, and China, due to accumulated social problems and uneven internal development, had to implement broader economic reform by taking advantage of foreign proactive approaches direct investment in order to develop its production and export capacities and to enter foreign markets. With the promotion of the *One Belt, the One Road Initiative*, China has also begun promoting its foreign direct investment (FDI), which is part of its *Global Economic Strategy* and *Going Out and Bringing in Policy*, which should enable faster flow of goods, services, labor and capital, increase productivity, and a more cost-effective allocation of funds to broadly integrate regional markets and align countries’ economic policies along the “New Silk Road”. Although this spatial framework of the “New Silk Road” may change over time, it extends along important geostrategic land and maritime routes. Thus, the land line of the *Silk Road Economic Belt* starts from Xi’an, through Lanzhou in the provinces of Gansu, Urumqi and Khorgas in the province of Xinjiang, continued southwest through Central Asia and the Middle East all the way

¹ President Xi in his speech in Astana and then on the 13th Shanghai Cooperation Organization (SCO) summit in Bishkek, emphasized the need of “jointly building the “Silk Road Economic Belt” with innovative models of cooperation”, between China, Central Asia and Europe. In order to implement this Initiative, President Xi suggested that it would be necessary to start work first in specific areas in order to connect them within the entire region. In his later speech in the Indonesian Parliament and on the 10th anniversary of the ASEAN-China strategic partnership he emphasized the importance of stronger regional integration and maritime cooperation, as well as the promotion of regional interconnectivity for the purpose of improvement of maritime economy, environmental protection, science, technology and security. In this regard, he pledged for establishment the Asian Infrastructure Investment Bank with the purpose of financing infrastructure projects along the maritime routes. Also, he stressed that China is fully prepared to cooperate with ASEAN countries and, in that respect he supported the effective use of the China-ASEAN Maritime Cooperation Fund to develop partnerships in the field of maritime cooperation and joint construction the “21st Century Maritime Silk Road”.

² In 1978 when China began its economic structural reform, it also implemented a policy of gradual opening up. According to Deng Xiaoping proposal, in May 1984, the CPC Central Committee decided to designate 14 coastal port cities to open to foreign investment and trade — Tianjin, Shanghai, Dalian, Qinhuangdao, Yantai, Qingdao, Lianyungang, Nantong, Ningbo, Wenzhou, Fuzhou, Guangzhou, Zhanjiang and Beihai. In February 1985, the CPC Central Committee decided to open the Yangtze River Delta, the Pearl River Delta and the Triangle Area of Southern Fujian, Xiamen and Quanzhou to be coastal economic open areas.

to northern Iran, and then westward through the territories of Iraq, Syria, to move further along the Bosphorus Strait in Turkey to further the Marmaray railroad crossing the territories of Bulgaria, Romania and the Czech Republic, finishing in the German port of Duisburg, then proceeding further to Rotterdam to finally continue along the route to the south to Italy where he meets in Venice with the *21st Century Maritime Silk Road*. The Maritime Route of the *New Silk Road* starts from Quanzhou in Fujian Province, Guangzhou in Guangdong, Beihai Province in Guangxi Province and Haiku in Hainan Province, heading towards the Malacca Strait, then proceeding from Kuala Lumpur to Calcutta, moving along the Indian Ocean in the south direction towards Nairobi, from there, then proceeding to the direction of the Horn of Africa, and then proceeding to the Red Sea and the Mediterranean, stopping in Athens before than joining *Silk Road Economic Belt* in Venice [52]. The route will deliver Chinese goods and services to ASEAN countries, Sri Lanka, the Horn of Africa, the Middle East and the Mediterranean.

Through the network of infrastructure projects (which currently include the construction of the *China-Mongolia-Russia Corridor*, *New Eurasian Land Bridge*, *China-Central Asia-West Asia Corridor*, *Bangladesh-China-India-Myanmar Economic Corridor*, *China-Indochina Peninsula Economic Corridor*, *China-Pakistan Economic Corridor*, *Maritime Economic Corridor*), China tends to deepen ties with neighboring countries and, together with them, build a sub-regional or inter-regional network within Asia, and connect it with the regional and sub-regional infrastructure networks of other continents, building on this the world's longest-running *World Land-Bridge* [54, p. 210; 61]. In essence, the "New Silk Road" strategy with the *One Belt, the One Road Initiative* seeks to overcome the weaknesses of the current global economic order and accelerate the revitalization of a large part of the world that covers a wider area with more than 4.6 billion people with a production capacity of 21 trillion US dollars (almost one third of world GDP) Implementation of this Development Strategy under the Action Plan should be in phases with the gradual accession of states to the *One Belt, One Road Initiative*¹. The first stage encompasses the period until 2021, when the CPC celebrates its anniversary, and the other stage encompasses the period until 2049 when PR China celebrates its birthday [18].

Implementation of the "New Silk Road" strategy should contribute to greater engagement of all participating countries for the purpose of their wider integration into existing development initiatives of regional organizations such as the Shanghai Cooperation Organization (SOS), the Eurasian Economic Community (EEC), ASEAN plus China, Asia-Pacific Economic Cooperation (APEC), Asia-Europe Meeting (ASEM), Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC), the Asia-Pacific Dialogue (APD), the Asia Cooperation Dialogue (ACD), the Conference on Interaction and Conference Building Measures in Asia (CICA), the China-Arab States Cooperation Forum, the Strategic Dialogue between China and the Gulf Cooperation Committee and the Economic Community of Brazil, Russia, India, China and the South African Union (BRICS). Fulfilling of the planned goals of the "New Silk Road" strategy should contribute to broader engagement of participating countries to the activities of international and regional financial institutions, primarily in the activities of the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB), the (BRICS) New Development Bank (NDB), the China, Central & Eastern Europe Investment Co-Operation Fund (CEEFund) and the Silk Road Found (SRF), which represent a pandam to the transatlantic system monetary economies carried out by the World Bank (WB), the International Monetary Fund (IMF) and the Asian Development Bank (ADB)².

It is important to note that the "New Silk Road" strategy does not deny the application of existing structures and the development of completely new mechanisms of cooperation among the participating countries, as is shown the establishment of the "16 + 1" between the countries of Central and Eastern Europe and China in which Serbia has a significant role and place³. This cooperation should embrace the principles of "broad

¹ According to the latest information, over 150 countries have supported the *One Belt, One Road Initiative*.

² These financial institutions were created just as a reaction to the lack of functionality of existing financial institutions that lost legitimacy in the new economic environment caused by the global economic crisis.

³ With the accession of Greece to "16 + 1" in April 2019, the mechanism has grown into "17 + 1".

consultation, joint venture and profit sharing” while respecting the five principles of peaceful coexistence that are deeply embedded in the objectives and principles of the UN Charter. It follows that, in addition to old ideas, the “New Silk Road” strategy brings the idea of “New-Normal”, which deepens the earlier ideological concepts of global economic development and reform of international society into the “community of common interests, destiny and responsibility” or in other words, into the “community of shared future for mankind. Following this conceptualization, three possible scenarios for developing China’s relations with Central and Eastern European countries have been elaborated in China’s geopolitical doctrine. The first scenario involves “development by stages”, which specifically means the implementation of the strategy at the regional level, followed by the development of cooperation with the countries of Central and Eastern Europe. The second scenario starts with a “corridor development” that emphasizes the importance of building a corridor through Central Asia as key to building the “Silk Road Economic Belt”. The third scenario goes further conceptualization, as it envisages “a steady development between East and West”, i. e. between Asia and Europe, in whose realization the countries of Central and Eastern Europe play an important role, especially as a precursor to Chinese investment and trade expansion in the EU single market [62]. From the perspective of China’s official foreign policy discourse, cooperation under the China-CEEC cooperation mechanism, spanning various fields — from finance, trade, transport, agriculture, energy and telecommunications, to scientific, technological, cultural cooperation and exchange, is an important factor in strengthening China’s partnership from the European Union. Emphasizing this factor in the context of advancing Serbian-Chinese relations entails a comprehensive harmonization of the Sino-European Strategic Partnership, as well as meeting the goals of the China-EU 2020 Strategic Agenda for Cooperation¹.

Conclusion

Considering the changed geopolitical circumstances in the world, there is a real need for a new strategic positioning of Serbia in international relations. In this regard, the implementation of current foreign policy priorities, including cooperation with China, entails a rethinking of the international environment and the possibility of realizing vital national interests. Assuming that Serbian-Chinese relations should contribute to faster political consolidation, economic development and social progress, the author of the study analyzed some of the key foreign policy determinants of Serbian-Chinese relations that may be relevant to formulating the principles and goals of future mutual cooperation. In this sense, the author came to the conclusion that Serbia, as a successor state to Yugoslavia, should maintain the continuity of traditionally good relations with China, but also constantly improve them towards the goals of the “Comprehensive Strategic Partnership”. Despite the existence of multiple and multidimensional asymmetries between Serbia and China, there are no specific limiting factors that would impede the development of these relations. The “Comprehensive Strategic Partnership”, as a political instrument, should therefore facilitate cooperation and the development of friendly relations between the two countries at different political levels and in different areas of economic, cultural and social cooperation. Especially since Serbia and China are on the line of regrouping in the new multipolar system of international relations and reconciling their own national interests, as defined in their foreign policy doctrine and as manifested in their international practice. In this regard, Serbia and China need not change their course of action, nor their foreign policy priorities, among which the development of friendship and “steel cooperation” is not only a common interest, but also a significant goal of their mutually beneficial foreign policy framed by the “New Silk Road” strategy.

References

1. “Action Plan for Harmonisation of Standards along the Belt and Road (2015–2017)”, National Development and Reform Commission, 22 October 2015, Accessed on 4 June February 2016, retrieved from: <http://china-trade-research.hktdc.com/business-ews/article/One-Belt-One-Road/Action-Plan-for-Harmonisation-of-Standards-Along-the-Belt-and-Road-2015-2017/obor/en/1/1X000000/1X0A443L.htm>, 08.03.2016.

¹ It is worth mentioning that in 2015, China made certain commitments to the EU, such as the contribution of the 350 billion EUR Investment Plan to Europe and the commitments in the Memorandum of Understanding on the EU Connecting Platform with China, all with the aim of promoting cooperation in areas such as building infrastructure, manufacturing equipment, technology and setting standards.

2. "Agreement (with exchange of notes) on trade and intercourse between Tibet Region of China and India", United Nations Treaty Series, Vol. 29.
3. Almond, R. G., "Deciphering U.S. Foreign Policy in the Trump Era", *The Diplomat*, 18 January 2018, retrieved from: <https://thediplomat.com/2018/01/deciphering-u-s-foreign-policy-in-the-trump-era/> 18.01.2018.
4. Babić, B., "New Silk Road – China's New deal", in: Dimitrijević Duško (ed.), *Danube and the New Silk Road*, Institute of International Politics and Economics, Belgrade, 2016.
5. Bhutia, T. C., "Tibet, Taiwan and China — A Complex Nexus", *The Diplomat*, 24 November 2015, Retrieved from: <http://thediplomat.com/2015/11/tibet-taiwan-and-china-a-complex-nexus/>
6. Buzan, B., *The United States and the Great Powers*, Polity Press, Cambridge, 2004.
7. Chamber of Commerce and Industry of Serbia, *Economy of Serbia*, 2019, retrieved from: <https://api.pks.rs/storage/assets/KINA.pdf>, 19.10. 2019.
8. "China's Initiation of the Five Principles of Peaceful Co-Existence", Ministry of Foreign Affairs PR of China, retrieved from: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ziliao_665539/3602_665543/3604_665547/t18053.shtml, 27.09.2018.
9. "Communiqué of the National Bureau of Statistics of People's Republic of China on Major Figures of the 2010 Population Census (No. 1),. National Bureau of Statistics of China. 28 April 2011.
10. "Constitution of the People's Republic of China", retrieved from: http://english.gov.cn/archive/laws_regulations/2014/08/23/content_281474982987458.htm 17.10.2018.
11. Constitution of the Republic of Serbia, *Official Gazette*, no. 98/2006. (In Serbian)
12. China and Serbia — Strategic Partnership and 21 more agreements), Tanjug, 18 June 2016, retrieved from: <http://www.tanjug.rs/full-view.aspx?item=270618&izb=252463&v=252463>, 29.09.2016.
13. "Central Committee's Decision on Major Issues Concerning Comprehensively Deepening Reforms", *Xinhua*, November 15, 2013.
14. „China Focus: China Sketches out Priorities of 'Belt and Road' initiatives", *Xinhua*, February 14, 2015.
15. Darlington, R., "A Short Guide to the Chinese Political System", Internet: <http://www.rogerdarlington.me.uk/Chinesepoliticalsystem> 27.09.2018.
16. "Deciphering China's latest defence budget figures", SIPRI, March 2014.
17. Dimitrijević, D., "Chinese Investment in Serbia-joint Pledge for the Future of the New Silk Road", *Baltic Journal of European Studies*, 2017, vol. 7, no. 1 (22).
18. Dimitrijević, D., "China's New Silk Road: the Opportunity for Peaceful World Development", in: Sergei Chizhikov, Andrei Dmitirev, Boris Kabylini (Edit.), *Development of Trade in Modern World: Inovation and Challenges*, Russian Academy of National Economy and Public Administration, North West Institute of Management, Publishing House NWIM, Saint Petersburg, 2018.
19. Dimitrijević, D., United Nations Interim Administration in Kosovo and Metohija and protection of property rights, *Teme*, Niš, 2007, no. 3. (In Serbian)
20. Dimitrijević, D., Jokanović, N., "China's 'New Silk Road' Development Strategy", *Review of International Affairs*, 2016, no. 1161.
21. Dimitrijević, D., Vučić, M., Lađevac, I., "An Analysis of Actions Taken under the UN System to Address Kosovo and Metohija Issues", *International Problems*, 2012, Vol. LXIV, no. 4. (In Serbian)
22. Escobar, P., 'The 21st century belongs to China: Why the new Silk Road threatens to end America's economic dominance', 2015, retrieved from: http://www.salon.com/2015/02/24/the_21st_century_belongs_to_china_why_the_new_silk_road_threatens_to_end_americas_economic_dominance_partner/, 24.02.2017.
23. "Foreign Relations of China", Retrieved from: https://en.wikipedia.org/wiki/Foreign_relations_of_China, 30.12.2018.
24. Gleni, M., Miša Gleni, *Balkan (1804–1999), Nationalism, War and the Great Powers*, Samizdat B92, Belgrade, 2001. (In Serbian)
25. Heath, R., Gunness, K., Cooper, C.A., "The PLA and China's Rejuvenation: National Security and Military Strategies, Deterrence, Concepts, and Cobat Capabilities", RAND Corporation, Santa Monica, 2016.

26. Hongyuan, L., Yun, G., Qifa, S., *China's Road*, Huangshan Publishing House, 2012.
27. Hongjun, Yu., "Sincere Dialogue for Conductive Cooperation", in: *The Changing World and China in Development*, Papers from: "The Contemporary World Multilateral Dialogue", China Centre for Contemporary World Studies, China Foundation for Peace and Development, Beijing, 2013.
28. "Joint Statement by the Republic of Serbia and the People's Republic of China on the Establishment of a Strategic Partnership", Beijing, 20 August 2009, retrieved from: <http://www.predsednik.rs/mwc/default.asp?c=304500&g=20090820103401&lng=cir&hs1=0>, 11.10.2019. (In Serbian)
29. "Joint statement by the Republic of Serbia and the People's Republic of China on deepening the strategic partnership", Beijing, 26 August 2013, retrieved from: <http://www.predsednik.rs/mwc/default.asp?c=304500&g=20090820103401&lng=cir&hs1=0>, 11.10.2019. (In Serbian)
30. Joint Declaration by the Republic of Serbia and the People's Republic of China on establishing a comprehensive strategic partnership, Belgrade, June 18, 2016, retrieved from: www.fmprc.gov.cn, 11.10.2019.
31. Keith, R. C., "China from the Inside Out: Fitting the People's Republic into the World", Pluto Press, London, 2009.
32. Kozomara, J., "Serbia in international production through global value chain", in: Pero Petrović (ed.), *Possibilities and perspectives for foreign direct investments in the Republic of Serbia*, Institute of International Politics and Economics, Belgrade, 2014.
33. Chinese miracle in Serbia, investments of close to \$ 10 billion, *Politika*, retrieved from: <http://www.politika.rs/sr/clanak/419657/Kinesko-cudo-u-Srbiji-investicije-od-blizu-10-milijardi-dolara>, 10.01.2019.
34. Law on the budget of the Republic of Serbia for 2019, *Official Gazette* no. 95/2018, 72/2019. (In Serbian)
35. Law on Foreign Affairs, *Official Gazette*, no. 116/07, 126/07, 41/09. (In Serbian)
36. Law on Foreign Investments, *Official Gazette*, no. 107/14. (In Serbian)
37. "2019 China Military Strength: Current military capabilities and available firepower for the nation of China", retrieved from: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.asp?country_id=china, 22.10.2019.
38. Mitrović, D., "Models for deepening cooperation with the People's Republic of China and the countries of Central and East Asia", in: Edita Stojic-Karanovic and Slobodan Jankovic (eds.), *Elements of the Foreign Policy Strategy of Serbia*, Institute for International Politics and Economics, Belgrade, 2008.
39. *National Security Strategy of the USA*, White House, Washington D. C., December 2017.
40. From the four pillars of foreign policy to European integration — is there a will to strategically focus Serbia's foreign policy? Isac Fund, Belgrade, 2013. (In Serbian)
41. Petrović Piroćanac, Z., "The World and a Chinese Non-alignment Strategy of Governance and Development-Brief Survey", In: *Global Trends and China in the Coming Decade*, Papers from: "Contemporary World Multilateral Dialogue 2013, China Centre for Contemporary World Studies, China Foundation for Peace and Development, China Energy Fund Committee.
42. "Peaceful coexistence a cornerstone of foreign policy", *China Daily*, 28.05.2014, retrieved from: http://www.chinadaily.com.cn/kindle/2014-05/28/content_17547189.htm, 7.09.2018.
43. "Premier Li Keqiang Attends the 16th ASEAN-China Summit, Stressing to Push for Wide-ranging, In-depth, High-level, All-dimensional Cooperation between China and ASEAN and Continue to Write New Chapter of Bilateral Relations", Ministry of Foreign Affairs of the PRC", retrieved from: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/lkqzlcxdylrhlhy_665684/t1088098.shtml, 10.10.2013.
44. "Promote Friendship between Our People and Jointly Build Silk Road Economic Belt", *People's Daily*, September 8, 2013.
45. Putten, Frans-Paul, Shulong, C. (edit.), *China, Europe and International Security: Interests, Roles, and Prospects*, Routledge, London-New York, 2011.
46. "Report for Selected Countries and Subjects: China", *World Economic Outlook*, International Monetary Fund, 2019, retrieved from: <https://www.imf.org/en/Countries/CHN>, 22.10.2019.

47. "Report on China's Implementation of the Millennium Development Goals (2000–2015)", Ministry of Foreign Affairs PR of China, July, 2015.
48. "Resolution of the National Assembly of Serbia on the Protection of the Sovereignty, Territorial Integrity and Constitutional Order of the Republic of Serbia", *Official Gazette*, no. 125/07.
49. Serbian Statistical Office Data, retrieved from: <http://data.stat.gov.rs/?caller=SDDB&languageCode=en-US>, 19.10. 2019.
50. Swaine, M. D., "The 19th Party Congress and Chinese Foreign Policy", Carnegie Endowment for International Peace, retrieved from: <http://carnegieendowment.org/2017/10/16/19th-party-congress-and-chinese-foreign-policy-pub-73432>, 16.01.2019.
51. Šehić, D., Šehić, D., Bertić, I., *Atlas of Asia*, Monde Neuf, Politika, Belgrade 2007. (In Serbian)
52. Tiezzi, S., "China's 'New Silk Road' Vision Revealed", *The Diplomat*, 9 May 2014, retrieved from: <http://thediplomat.com/2014/05/chinas-new-silk-road-vision-revealed/>, 8.03.2016.
53. Trud, A., *Geopolitics of Serbia*, Official Gazette, Belgrade, 2007. (In Serbian)
54. "The 13th Five-Year Plan for Economic and Social Development of the Peoples Republic of China (2016–2020)", Compilation and Translation Bureau, Central Committee of Communist Party of China, Beijing, 2016.
55. "Transforming our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development", UN GA Res/A/70/L.1.
56. "United Nations Millennium Declaration", General Assembly Resolution 55/2, para. 30.
57. "Vision and Actions on Jointly Building Silk Road Economic Belt and 21st-Century Maritime Silk Road", National Development and Reform Commission, Ministry of Foreign Affairs and Ministry of Commerce of the People's Republic of China, Beijing, 28 March 2015, Retrieved from: http://en.ndrc.gov.cn/newsrelease/201503/t20150330_669367.html . 08.03.2016.
58. "World Population Prospects: the 2019 Revision", Data Booklet, UN Department of Economic and Social Affairs, Population Division, New York, 2019.
59. World Economic Outlook Database, October 2019, International Monetary Fond, retrieved from: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2019/02/weodata/weorept.aspx?pr.x=40&pr.y=13&sy=2017&ey=2021&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=942&s=NGDPD%2CPPPGBP%2CNGDPDPC%2CPPPBP%2CPCPIPC&grp=0&a=,> 22.10.2019.
60. Yang, J., "China Security Challenges: Priorities and Policy Implications", *Asia Pacific Countries' Security Outlook and Its Implications for the Defense Sector*, Joint Research Series no. 5, National Institute for Defense Studies (NIDS), Tokyo, 2010.
61. Zepp-LaRouche, H., "The New Silk Road Leads to the Future of Mankind!", In: *The New Silk Road becomes the World Land-Bridge*, EIR News Service Inc., Washington, 2015.
62. Zuokui, L., "The Role of Central and Eastern Europe in the Building of Silk Road Economic Belt", China Institute of International Studies, 2014, retrieved from: <http://16plus1-thinktank.com/1/20160111/1096.html>, 05.06.2016.

Проблема анализа структуры политических возможностей цифровизации публичного управления в России: региональный аспект¹

Каплуненко А. М.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
alekseykaplunenko8395@gmail.com

РЕФЕРАТ

Цель данной работы заключается в рассмотрении возможностей анализа социально-политического феномена цифровизации государственного управления в российских регионах с точки зрения концепции структуры политических возможностей.

Для достижения поставленной цели были использованы следующие методы: анализ политических индексов (EGDI, EPI, DESI, CPI, NRI, DAI, индекс «Цифровая Россия», индекс цифровой грамотности), анализ работ ведущих зарубежных социологов и политологов по теме цифровизации политики и публичного управления, анализ главных работ таких авторов, как Ч. Тилли, С. Тэрроу и др. по теме структуры политических возможностей. Необходимость обращения к данным индексов обусловлена потребностью определения максимально возможного спектра параметров цифровизации публичного управления, их взаимосвязей и релевантности политической системы Российской Федерации. Обращение к трудам исследователей феномена цифровизации и отдельным работам Ч. Тилли и С. Тэрроу является осевой частью данного исследования. Концептуальные разработки данных авторов являются теоретическим фундаментом данного исследования.

Результаты исследования представлены автором статьи в виде рекомендаций по включению дополнительных показателей для анализа структуры политических возможностей цифровизации публичного управления. Показатели отражают совокупность политических ресурсов, необходимых для планомерной реализации концепции цифрового публичного управления на уровне субъекта Российской Федерации с учетом специфических рисков, обусловленных региональной политикой.

В качестве вывода отмечено, что предложенные варианты дополнительных параметров могут быть оспорены или модернизированы с учетом других, не включенных в данную работу концептов и эмпирических данных.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые трансформации, государственное управление, политический контекст, динамические и стабильные показатели, индексы, региональная политика

An Issue on Analysis of Digital Public Governance Political Opportunities Structure in Russia: Regional Aspect

Aleksey M. Kaplunenko

St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; alekseykaplunenko8395@gmail.com

ABSTRACT

The objective of this work is to study ways to analyze public governance digitalization in Russian regions in terms of political opportunities structure. In order to achieve the objective, the following methods were used: political indices analysis (EGDI, EPI, DESI, CPI, NRI, DAI, 'Digital Russia' index, digital literacy index), analysis of political power institutional designs in Russian regions, analysis of research works done by leading foreign and Russian sociologists and political scientists and devoted to public governance digitalization and allied subjects, analysis of core papers of such authors as C. Tilly, S. Tarrow and etc.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00210 «Политическая онтология цифровизации: исследование институциональных оснований цифровых форматов государственной управляемости».

Learning indices is conditioned by the need to define as large as possible number of public governance digitalization parameters, its inter relations and relevance to Russian political system. Appealing to investigations of digitalization researchers and works of C. Tilly, S. Tarrow constitutes a key part of this article, and the authors' concepts provide the methodological foundation of the research. Results of this research are expressed in a set of recommendations on including additional indicators for analysis of digital public governance political opportunities structure. These indicators represent whole plurality of political resources essential for gradual realization of public governance digitalization concept on regional level allowing for particular risks caused by public policy in a sub-federal entity. Summary of the study includes author's notion about probable challenging or modernization of suggested variants of additional indicators in terms of other theoretical concepts and empirical data not included in this paper.

Keywords: digitalization, digital transformations, public governance, political context, dynamic and stable indicators, indices, regional politics

С появлением и стремительным развитием цифровых информационных технологий гуманитарные науки не только модернизировали свой методологический инструментарий, но и открыли для себя новые предметы исследования. К таким открытиям, в частности, можно отнести довольно популярную на сегодняшний день в западной политической науке проблематику внедрения цифровых технологий в процессы взаимодействия граждан и органов государственной власти. Вопросы оптимизации публичного управления при помощи достижений научно-технического прогресса стали подниматься еще с 70-80-х гг. XX в., когда ставились первые эксперименты по электронной демократии, а американскими изобретателями Робертом Эллиотом Каном и Винтоном Серфом был разработан протокол передачи данных TCP/IP, что положило начало процессу становления всемирной сети Интернет. В современной отечественной политологии также стали возникать вопросы о возможностях интеграции сетевых технологий и процедур взаимодействия граждан и органов государственной власти вплоть до создания единой открытой, но в то же время защищенной информационной экосистемы. В контексте этого правительство курируются проекты «Цифровая экономика РФ» [8] и «Открытое правительство» [7]. Однако подобные проекты на данный момент направлены лишь на трансформацию инструментов взаимодействия общества и власти. В этой связи возникают следующие вопросы. Первый — способны ли цифровые технологии изменить не только формы политических институтов, но и их содержание? Второй — каким образом возможен анализ структуры политических возможностей цифровизации публичного управления в российском регионе?

В рамках данной статьи предпринята попытка рассмотрения поставленных вопросов с использованием следующих материалов и методов исследования. Прежде всего, был проведен анализ разработанности темы воздействия цифровых информационно-коммуникационных технологий на процессы взаимодействия граждан и государственных структур в трудах зарубежных политологов и социологов: С. Коулмана, Д. Фрилона, Й. Бенклера, К. Ширки, М. Кастельса, А. Барда, Я. Зодерквиста, М. Хиндмана, Е. Морозова. В качестве теоретической основы анализа структуры политических возможностей были использованы положения концепции структуры политических возможностей, вклад в развитие которой был вложен социологами П. Эйзингером, Ч. Тилли, С. Тэрроу. В качестве эмпирических материалов исследования были использованы данные международных и внутрироссийских индексов (EGDI, EPI, DESI, CPI, NRI, DAI, индекс «Цифровая Россия», индекс цифровой грамотности), характеризующих социально-политические аспекты цифровой трансформации. Для ответа на первый вопрос о том, способны ли цифровые технологии изменить не только формы политических институтов, но и их содержание, были проанализированы труды ведущих исследователей цифровой трансформации политики. Как указывают американские социологи С. Коулман и Д. Фрилон в сборнике "Handbook of Digital Politics" [10], политика по сути своей является технологией организации общественных отношений. В то же время цифровые трансформации обеспечиваются также за счет технологий. Таким образом, по мнению исследователей, целесообразно рассматривать современное состояние политики именно как цифровой политики, т. е.

взаимосвязи вышеназванных технологий, т. к. последние играют конституирующую роль по отношению друг к другу.

Й. Бенклер, израильско-американский профессор предпринимательских правовых исследований в Гарвардской школе права, в эссе *“The Wealth of Networks”* [9] рассматривает эту конституирующую роль преимущественно в экономическом аспекте через введенное им понятие «совместного однорангового производства», т. е. создания контента участниками одного уровня в рамках системы нерыночной сетевой экономики. Здесь же он отмечает, что нахождение и функционирование в этой системе также дает совершенно новые возможности для пользователей в плане производства новых понятий экономического и политического дискурсов, политической мобилизации.

Американский исследователь медиа К. Ширки, описывая в книге *“Here Comes Everybody: Power of Organizing Without Organizations”* [22] влияние интернет-технологий на социум, подчеркивает потенциал использования ресурсов всемирной сети в политических целях. На примерах политических флешмобов в России, Белоруссии и Китае он показывает ценность координирующих возможностей социальных сетей, видеохостингов и почтовых сервисов для организации политических сил.

Испанский социолог М. Кастельс также отмечает, что политика становится все более связанной с интернетом. В своих работах [3; 4; 5] он анализирует влияние всемирной сети на такие области общественных отношений, как динамика общественных движений, консолидация локальных сообществ; информационная политика государства; ноополитика и кибероружие на геополитической арене. На основе анализа автор делает вывод, что «в настоящее время, вместо того чтобы способствовать укреплению демократии путем распространения знаний и стимулирования гражданского участия, использование интернета ведет к углублению кризиса политической легитимности в результате предоставления более широкой стартовой площадки для политики скандалов».

Шведские исследователи А. Бард и Я. Зодерквист в своей работе «Нетократия» [1] выступают с критикой ограниченности подхода М. Кастельса к анализу влияния интернет-технологий на общество. По их мнению, изменения затрагивают не только отдельные сферы жизни, но и весь философский дискурс. Возвращаясь к теме цифровой трансформации содержания демократических институтов, авторы «Нетократии» отмечают, что формирующаяся сетевая политическая структура встречает сопротивление со стороны капиталистической демократии, которая постепенно распадается, уступая место новым формам, новой логике взаимодействия акторов.

М. Хиндман в труде *“Myth of Digital Democracy”* [15] в отношении цифровой трансформации демократических институтов заявляет, что в течение долгого времени это будет лишь не более чем мифом. На сегодняшний день интернет не имеет достаточно возможностей для равного представительства интересов различных социальных групп. Эта происходит по причине двух взаимосвязанных проблем: специфичности интересов среднего класса населения и неравенства людей в плане их доступа к цифровым технологиям и навыкам работы с ними.

Американо-белорусский журналист и политолог Е. Морозов пишет на тему цифровизации в более утешительном контексте, отмечая положительное влияние интернет-технологий на организационные и мобилизационные возможности граждан по защите своих прав [19]. Однако он скептически относится к идее того, что всемирная сеть сможет вывести демократию на новый, практически утопический уровень. Главная проблема здесь заключается в использовании авторитарными правительствами интернета для проецирования и продвижения своих интересов, т. е. власть приобретает новые формы преследования инакомыслящих.

Обзор мнений вышеназванных исследователей создает лишь общую дискурсивную картину цифровых трансформаций публичного управления. Однако она довольно позитивна, и можно заключить в качестве ответа на первый вопрос, что на сегодняшний день преобладает видение не столько поверхностного, сколько конституирующего воздействия цифровых трансформаций на публичное управление.

Обращаясь к специфике цифровизации процессов взаимодействия населения и органов государственной власти в российском регионе, важно рассмотреть проблему влияния множества факторов на конституирующую роль цифровых технологий. В рамках данной статьи эти факторы интерпретированы

и представлены как политические возможности цифровизации. Идея выделения политических возможностей в отдельный объект исследования появилась в контексте изучения общественных движений в работах П. Эйзингера [13], Ч. Тилли [25], С. Тэрроу [23]. Концепция Ч. Тилли, помимо возможностей, предполагала также и учет угроз, рисков, стимулирующих и репрессивных методов воздействия на общественные движения со стороны властей. Рассмотрение преимущественно политических возможностей началось после синтеза Дугом Макадамом «модели политического процесса» [17] на основе концепции Ч. Тилли, разработок П. Эйзингера, М. Липски [16] и стратегии Р. Кловарда и Ф. Ф. Пивена [20]. Новая модель породила некоторые лакуны в научном знании о роли общественных движений в состязательной политике, но стала дорабатываться идеями Д. делла Порта [11] и других социологов и политологов. В целом исследователи полагали, что преимущественное влияние на организацию общественных движений оказывают не столько экономические факторы, сколько политические изменения, происходящие в государстве. Для анализа этих трансформаций были предложены стабильные и динамические индикаторы структуры политических возможностей. К первым относят переменные, связанные со степенью открытости / закрытости политической системы, т. е. такие как способность властей ограничивать деятельность общественных движений, количество партий и их представленность в парламенте, развитость законодательных органов и их открытость для гражданских инициатив. К динамическим относятся переменные, связанные с кризисами политической системы, конфликтами элит внутри нее, соотношением противников и союзников общественных движений.

Несмотря на то, что концепция структуры политических возможностей разрабатывалась в контексте изучения состязательной политики, ее теоретический потенциал и терминологический аппарат позволяют применять ее в сфере изучения цифровизации публичного управления. Основываясь на прочтении вышеназванных авторов, можно заключить, что в самом общем понимании структура политических возможностей представляет собой корпус взаимосвязанных и взаимозависимых политических ресурсов, объем которых и доступ к которым определяется спецификой функционирования политического режима. Цифровизация публичного управления, как уже было сказано в начале статьи, по мнению многих современных исследователей, обладает значительным конститутивным потенциалом, поэтому важно понять, какие существуют возможности и какие из них необходимы для его раскрытия. Здесь сразу нужно отметить индексы, фиксирующие степень проникновения цифровых технологий в те или иные общественные сферы. На сегодняшний день наиболее известными являются такие, как E-government Development Index, E-participation Index, Digital Economy and Society Index, Cyber Power Index, Network Readiness Index, Digital Adoption Index, индекс «Цифровая Россия», индекс цифровой грамотности. Некоторые индикаторы, составляющие основу этих индексов, могут быть интерпретированы как политические возможности цифровизации публичного управления. Так, например, в созданном ООН E-government Development Index одним из таких показателей является Online Services Index — индекс доступности и качества онлайн-услуг, который устанавливается путем опроса населения [18]. Дополнение к названному индексу, E-participation Index, базируется на трех параметрах: E-Information, E-Consultation, E-Decision-making, отражающих возможности правительственных сайтов по информированию населения, его консультированию и предоставлению возможности участвовать в принятии решений соответственно [14]. Digital Economy and Society Index, разработанный Европейской Комиссией, включает в себя конкретный индикатор цифровых государственных услуг (Digital Public Services), который высчитывается на основе данных шести индикаторов (процент пользователей услуг электронного правительства, количество предварительно заполненных электронных форм, уровень доступа онлайн-услуг, готовность открытых данных, процент пользователей услуг электронной медицины) [24]. К индексам, включающим индикаторы отношения правительства и граждан к цифровым трансформациям в государстве, относятся также такие, как Digital Adoption Index [12] и Network Readiness Index [2], демонстрирующие степень принятия в государстве цифровых трансформаций и готовность к проникновению цифровых ИКТ в общественные процессы соответственно.

В контексте изучения цифровых трансформаций в России Московской школой управления «Сколково» периодически публикуется рейтинг регионов, получивший название «Цифровая Россия». В качестве

основных параметров формализованы и обоснованы семь индикаторов, которые позволяют, используя аддитивную модель, получить результирующее значение индекса цифровизации по каждому субъекту РФ. К политическим возможностям, следуя выше обозначенному пониманию этого термина, среди этих индикаторов можно отнести лишь один — нормативное регулирование и административные показатели цифровизации [6]. «Цифровая Россия» является единственным индексом, который в той или иной степени измеряет уровень цифровых трансформаций на региональном уровне, однако важно заметить, что данный индекс нацелен на то, чтобы оценить преимущественно степень готовности инфраструктуры региона, но не его институциональной среды к внедрению цифровых технологий согласно государственной программе «Цифровая экономика Российской Федерации». Дело в том, что эта программа является ориентиром цифровых изменений, которые нацелены в большей степени на оптимизацию существующих практик взаимодействия экономических агентов.

При таких условиях решение вопроса цифровизации публичного управления ограничивается, а проблема анализа структуры ее политических возможностей остается актуальной. Из рассмотренных выше индексов были выделены отдельные индикаторы, которые в той или иной степени могут быть интерпретированы как политические возможности цифровизации. Однако, по мнению автора данной статьи, этих показателей недостаточно для того, чтобы можно было говорить именно о структуре политических возможностей. Здесь немаловажной является проблема учета особенностей региона, т. е. его политического контекста, напрямую зависящего от федеральных указов, управленческих решений губернаторов, деятельности властей на местах, партийной специфики, наличия возможностей для продвижения гражданских инициатив и, самое главное, уровня доверия населения к проводимой политике региональных властей. Параллельно с определением дополнительных параметров, доступных для включения в структуру политических возможностей региона, возникает вопрос их разделения на стабильные и динамические. Здесь можно руководствоваться принципами, по которым эти показатели выделял С. Тэрроу, т. е. к стабильным будут относиться индикаторы открытости / закрытости системы публичной политики региона, партийного представительства в парламенте и инфраструктурных возможностей продвижения гражданских инициатив. К динамическим возможно отнесение уровня доверия граждан к политике цифровизации государственно-частного взаимодействия и наличие сторонников / противников проводимых цифровых трансформаций.

В заключение стоит отметить, что обозначенные в данной статье пункты относительно структуры политических возможностей цифровизации публичного управления в российском регионе базируются исключительно на данных имеющихся индексов цифровизации и концептуальной основе, предложенной Ч. Тилли, С. Тэрроу и др. Предложенный вариант решения проблемы построения и анализа структуры политических возможностей носит рекомендательный характер и, следовательно, может быть оспорен либо дополнен. На сегодняшний день вопрос цифровых трансформаций является очевидным и по-настоящему актуальным только для представителей бизнеса, т. к. экономический и даже социальный эффекты от этой оптимизации вполне прогнозируем. В сфере государственного управления и взаимодействия рядовых граждан с органами власти этот вопрос, как указывалось в начале статьи, порождает социальных оптимистов преимущественно в рядах исследователей цифровизации, но не государственных чиновников.

Литература

1. Бард А., Зодерквист Я. Нетократия. СПб. : Изд. дом. Стокгольмской школы экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 113 с.
2. Индекс сетевой готовности. Аналитический портал «Гуманитарные технологии» [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/networked-readiness-index/networked-readiness-index-info> (дата обращения: 28.06.2019).
3. Кастельс М. Власть коммуникаций / Пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; НИУ ВШЭ. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016. 565 с.
4. Кастельс М. Галактика Интернет / Пер. с англ. А. Матвеева. Екатеринбург : У-Фактория, 2004. 328 с.

5. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М. : Изд. дом ВШЭ, 2000. 606 с.
6. Методология расчета индекса «Цифровая Россия» субъектов Российской Федерации. Московская школа управления «Сколково». Центр финансовых инноваций и безличной экономики [Электронный ресурс]. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair_Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Methodology_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 29.06.2019).
7. Открытое правительство: из 2012 в 2024. Информационный портал Экспертного совета при Правительстве РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://open.gov.ru/events/5517657/>; URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/>. (дата обращения: 26.06.2019).
8. Цифровая экономика РФ [Электронный ресурс]. Информационный портал Министерства цифрового развития, связи и коммуникаций Российской Федерации. URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/> (дата обращения: 25.06.2019).
9. *Benkler Y.* The Wealth of Networks. NH: Yale University Press, 2006. 527 p.
10. *Coleman S., Freelon D.* Handbook of Digital Politics. Padstow: T. J. International Ltd., 2015. 510 p.
11. *della Porta D. and Reiter H.* Policing Protest: The Control of Mass Demonstrations in Western Democracies. Vol. 6. Minneapolis, London : University of Minnesota Press, 1998. 309 p.
12. Digital Adoption Index [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2016/Digital-Adoption-Index> (дата обращения: 27.06.2019).
13. *Eisinger Peter K.* The Conditions of Protest Behavior in American Cities. 1973 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irp.wisc.edu/publications/dps/pdfs/dp10872.pdf> (дата обращения: 26.06.2019).
14. E-Participation Index. UN E-Government Knowledgebase [Электронный ресурс]. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Overview/E-Participation-Index> (дата обращения: 26.06.2019).
15. *Hindman M.* Myth of Digital Democracy. Princeton: Princeton University Press, 2009. 95 p.
16. *Lipsky M.* Protest as a Political Resource // American Political Science Review. Vol. 62 (4), 1968. P. 1144–1158.
17. *McAdam D., Tarrow C., Tilly C.* Dynamics of Contention. New York and Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 408 p.
18. Methodology. UN E-Government Knowledgebase [Электронный ресурс]. URL: <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/About/Methodology> (дата обращения: 26.06.2019).
19. *Morozov E.* The Net Delusion: How Not to Liberate the World. London : Allen Lane, 2011. 408 p.
20. *Piven F. F., Cloward R. A.* Poor People's Movements: Why They Succeed, How They Fail. New York : Vintage Books, 1977. 402 p.
21. *Scholl H. J., Glassey O., Janssen M.F.W.H.A.* [и др.] Electronic Government and Electronic Participation: Joint Proceedings of Ongoing Research, PhD Papers, Posters and Workshops of IFIP EGOV and ePart 2015. Vol. 32. Amsterdam : IOS Press, 2015. 376 p.
22. *Shirky C.* Here Comes Everybody. London: Penguin Books Ltd., 2008. 333 p.
23. *Tarrow S. G.* Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. New York : Cambridge University Press, 2011. 354 p.
24. The Digital Economy and Society Index (DESI) [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi> (дата обращения: 27.06.2019).
25. *Tilly C., Tarrow S.* Contentious Politics. Boulder: Paradigm Publishers, 2006. 256 p.

Об авторе:

Каплуненко Алексей Михайлович, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), участник гранта РФ № 19-18-00210; alekseykaplunenko8395@gmail.com

About the author:

Aleksey M. Kaplunenko, Postgraduate Student of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), Participant of the RSF Grant № 19-18-00210; alekseykaplunenko8395@gmail.com

Международные экономические проекты как инструмент развития БРИКС¹

Ли Цзинчэн

Высшая школа международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; li_ts@spbstu.ru

РЕФЕРАТ

Данная статья посвящена проблемам и перспективам экономической деятельности стран — участниц БРИКС. Анализируя национальные программы Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки в области международной экономической деятельности на основе сравнительного метода, в статье приводятся практические меры по разрешению конфликтов интересов стран БРИКС и развитию взаимопонимания. В заключение статьи раскрывается тенденция к формированию многополярной системы международных отношений и растущей взаимозависимости стран БРИКС, отмечается важность экономической интеграции и финансового сотрудничества между этими странами для защиты от нестабильной внешней среды и сохранения национального социально-экономического развития.

Ключевые слова: БРИКС, Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР, международное экономическое сотрудничество, мировая экономическая интеграция

International Economic Projects as a Development Tool of BRICS

Li Jingcheng

Graduate School of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation; li_ts@spbstu.ru

ABSTRACT

This article is devoted to the problems and prospects of economic activity of the BRICS member countries. Analyzing the national programs of Brazil, Russia, India, China and South Africa in the field of international economic activity on the basis of a comparative method, the article provides practical measures to resolve conflicts of interests of the BRICS countries and the development of mutual understanding. The article concludes with a tendency towards the formation of a multipolar system of international relations and the growing interdependence of the BRICS countries, emphasizes the importance of economic integration and financial cooperation between these countries to protect against an unstable external environment and preserve national socio-economic development.

Keywords: BRICS, Brazil, Russia, India, China, South Africa, international economic cooperation, world economic integration

Введение

Ведущие экономические организации — Всемирная торговая организация (ВТО), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), Международный валютный фонд (МВФ), Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) и многие другие находятся под сильным влиянием экономически

¹ Статья подготовлена при поддержке Китайского стипендиального фонда (Supported by China Scholarship Council).

развитых стран. Развивающиеся страны и страны с формирующейся рыночной экономикой оказываются на обочине принятия важных экономических решений. Однако роль и значение этих стран с каждым годом возрастает, поэтому перед ними встает задача создания собственных международных экономических организаций и механизмов сотрудничества, направленных на создание справедливых экономических отношений.

К числу таких организаций относится БРИКС (англ. BRICS — сокращенное название от названия стран-участниц: Brazil, Russia, India, China, South Africa) — группа из пяти стран: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика. Одной из задач организации является стремление изменить глобальную финансово-экономическую систему.

В основе деятельности данного механизма сотрудничества лежит экономический фактор. Его целью является содействие реформам мировой экономической системы, стимулирование участия стран с формирующейся рыночной экономикой в получении больших прав в международной финансовой системе. Быстрый экономический рост стран с развивающейся экономикой требует от международного экономического управления более справедливого и представительного места в системе мировой экономики.

Цель данного исследования — выявить основное положение экономического сотрудничества стран БРИКС, а также его значимость в глобальном управлении. В соответствии с поставленной целью формулируются задачи:

- 1) проанализировать выделенные внешнеэкономические политики и стратегии стран БРИКС;
- 2) выявить существующие проблемы в международном экономическом взаимодействии между странами БРИКС и соответствующие меры по устранению проблем;
- 3) анализировать перспективы национальных экономических проектов как инструмент развития БРИКС.

Национальные экономические проекты стран БРИКС

Страны БРИКС в последние годы стали важной организационной силой. Подтверждением этому является высокий процент исполнения принятых странами-членами обязательств. За годы существования организации было принято более 500 решений, а их исполнение на 2017 г. составляет 79%¹. Важными экономическими рычагами в развитии организации стало: создание Нового банка развития с капиталом 100 млрд долл., рост взаимной торговли между странами — членами объединения с 13 млрд долл. до 297 млрд долл. [14]; реализация формата БРИКС+, направленного на вовлечение в переговоры новых стран, представляющих ключевые регионы мира [11].

Однако страны — члены БРИКС по-прежнему находятся на относительно нижнем уровне, имея неполные права голоса в международной валютно-финансовой системе. Следует также отметить, что существуют немалая разница в экономической структуре стран БРИКС и определенная трудность в достижении единого экономического курса. В этих условиях Китай предлагает механизм сотрудничества между странами организации на платформе диалога и взаимодействия для содействия проведению реформ мирового экономического сообщества и широкому взаимному экономическому сотрудничеству.

С момента начала политики реформ и открытости Китай быстро набрал финансовый капитал, качественно улучшил рабочую силу, что существенно изменило положение страны в главных мировых экономических рейтингах. При этом Китай испытывает серьезную проблему нехватки энергетических и природных ресурсов, которые являются необходимым условием для дальнейшего экономического роста страны.

В этой связи Китай разработал экономическую политику, направленную на вовлечение стран БРИКС в совместные экономические проекты. Примером такой политики может служить принятая в 2013 г. инициатива, получившая название «Один пояс — один путь». Проект состоит из концепции «Экономический пояс Шелкового пути» («один пояс») и концепции «Морской Шелковый путь XXI в.» («один путь»). Для

¹ BRICS Research Group. 2017 BRICS Xiamen Summit Final Compliance Report [Электронный ресурс]. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/2017_xiamen_%D1%81ompliance.pdf (дата обращения: 01.09.2019).

осуществления этого проекта потребуется не одно десятилетие, сумма затрат составит сотни миллиардов долларов в перспективе.

Данный проект ставит две экономические задачи: внутреннюю и внешнюю. Внутренняя задача направлена на создание крупного транспортного коридора и содействие трансформации промышленной структуры. Внешняя задача — развитие экономического сотрудничества с предельными странами, в первую очередь странами БРИКС [9]. Морская часть проекта имеет огромное значение для Китая. 90% внешней торговли Китая реализуется водным транспортом [7]. Значительная доля стратегических ресурсов — нефть и газ — импортируются в Китай танкерами через Южно-Китайское и Восточно-Китайское моря.

Главная цель проекта направлена на перераспределение экспортных потоков в те страны, которые еще не стали участниками мировой торговли, и прежде всего страны БРИКС. В рамках реализации «Один пояс — один путь» создаются координационные системы для международных перевозок и таможенных оформлений товаров. Крупнейшие китайские корпорации под эгидой государственной стратегии «идти вовне» (выход за границу) активно осваивают зарубежные рынки: разрабатывают новые схемы логистики, строят новые портовые сооружения и совершенствуют дорожную инфраструктуру.

Проект «Морской Шелковый путь XXI в.» будет способствовать укреплению сотрудничества и доверия между странами¹. Проект начинается в городе Цюаньчжоу, далее проходит через города Гуанчжоу, Бэйхай и Хайкоу до Малаккского пролива, пересекает Индийский океан, идет до Калькутты, далее через Джибути и Суэцкий канал, до Афин и в Венецию, соединяется с наземным маршрутом. Предполагается ответвление в сторону Африки в южную часть Тихого океана².

Проект «Один пояс — один путь» стал центром дипломатического, международного, политического и экономического сотрудничества во внешней политике КНР, особенно в отношении стран БРИКС [6]. Таким образом, инициатива Китая представляет собой мегапроект, охватывающий сразу три континента планеты — Европу, Азию и Африку.

Индийский пример также заслуживает конкретного внимания. Индия на протяжении последних двадцати лет является главным производителем в мире информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). ИКТ приносит Индии более половины экономической стоимости всего производственного сектора. Тем не менее другие отрасли народного хозяйства развиваются неравномерно [2].

В 2014 г. с «Проектом Маусам» (по названию природного явления — муссонные ветра) выступила Индия. Проект разработан под руководством премьер-министра страны Нарендра Моди с целью развития взаимоотношений со странами Индийского океана. В отличие от китайского морского проекта «Проект Маусам» скромнее. Судя по своему масштабу реализации, проект направлен в первую очередь на развитие сотрудничества в области культуры и туризма и носит характер дипломатической и экономической стратегии.

Суть «Проекта Маусам» заключается в создании механизма сотрудничества Индии со странами Индийского океана, включая также Восточную Африку, Аравийский полуостров, Индийский полуостров и Индокитайский полуостров в Юго-Восточной Азии [15].

К «Проекту Маусам» Индия предложила проект «Дорога специй», связывающий Индию и Восточную Африку со странами Средиземноморья. Цель проекта — на территории Южно-Азиатского континента и побережья Индийского океана разработать платформу взаимовыгодного сотрудничества. В ходе разработки проекта главное внимание уделялось культурному сотрудничеству, позже проект поставил и экономические цели. Индия является важным составляющим элементом «Морского Шелкового пути XXI в.» и важным партнером КНР в проекте «Один пояс — один путь». Индийские и китайские проекты не противостоят друг другу, а дополняют и развивают интеграционные процессы в регионе [8].

¹ Проект «Один пояс — один путь» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/info/4383152> (дата обращения: 01.09.2019).

² Дмитрий Комаров. Новый Шелковый путь: как Китай изменит экономическую карту мира // South China Insight. 25.03.2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://southinsight.com/shelk> (дата обращения: 01.09.2019); Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство иностранных дел и Министерство коммерции КНР. Прекрасные перспективы и практические действия по совместному созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI в. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fmprc.gov.cn/rus/zxxx/t1254925.shtml> (дата обращения: 01.09.2019).

На фоне западной санкционной политики Россия преодолевает временные трудности, опираясь на цифровизацию национальной экономики, расширение экспорта энергоресурсов, развитие собственной промышленности, продвигает идею импортозамещения в области сельского хозяйства, бытовой химии, электрической техники и т. д. Все это позволило улучшить экономическое положение, расширить внутреннее производство, несмотря на сложную внешнеполитическую и экономическую ситуацию. Однако в российской экономике наблюдается невысокий темп роста по сравнению с предыдущими годами.

В качестве продуктивного инструмента для содействия региональной экономической интеграции Россия в 2015 г. начала продвигать проект «Евразийский экономический союз» (ЕАЭС) и идею Большой Евразии [1; 5]. В настоящее время члены ЕАЭС — Россия, Беларусь, Казахстан, Армения и Кыргызстан. Молдова является государством — наблюдателем организации. Этому союзу предшествовало Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС).

1 октября 2017 г. в китайском городе Ханчжоу состоялась встреча между министром коммерции КНР Чжун Шань и членом Коллегии (министром) по торговле Евразийской экономической комиссии Вероникой Никишиной. По итогам встречи обе стороны заявили о принципиальном завершении переговоров по подготовке «Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между КНР и ЕАЭС». Это первый официальный документ между КНР и ЕАЭС, подтверждающий реализацию договоренностей в «Совместном заявлении РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути» [3; 13].

Следующим шагом в этом направлении стало подписание соглашения о гармонизации таможенных процедур, межведомственного сотрудничества, содействие развитию торговли, защиты прав интеллектуальной собственности, ветеринарного и фитосанитарного контроля и т. д. [12].

Будучи крупнейшей страной в Южной Америке, Бразилия богата значительными запасами природных ресурсов и рабочей силой. С учетом большой численности населения (больше 200 млн чел.) Бразилия имеет огромный потенциальный внутренний рынок и возможность привлечения иностранных инвестиций, тем самым развивая производственный сектор национальной экономики [16]. Однако сложная политическая ситуация и серьезные социальные, классовые расслоения оказывают большое влияние на стабильность экономического развития и являются тормозом в развитии страны [4]. Тем не менее Бразилия предложила свой вариант региональной экономической интеграции на длительную перспективу — «Союз южноамериканских наций» [10; 17], суть которого заключается в продвижении товаров между странами Южно-Американского континента, при этом ведущая роль отводится Бразилии, как локомотиву проекта.

Следует выделить в процессе экономической интеграции в рамках БРИКС роль ЮАР — страны с одной из крупнейших экономик континента, поставщика финансовых услуг, обладателя богатейших полезных ископаемых в Африке. Однако сильное социальное расслоение в обществе и последствия незавершенных экономических реформ оказали негативное влияние на экономику страны. В ЮАР наблюдается значительный рост безработицы и социальное неравенство между населяющими страну народами, что не позволяет государству в ближайшие годы перейти к реализации устойчивого развития¹. Участие ЮАР в БРИКС зафиксировано на государственном уровне (борьба с бедностью и неравенством, создание новых рабочих мест), на региональном уровне (при поддержке БРИКС совершенствовать сотрудничество со странами Африки) и на международном уровне (реформирование международных финансовых институтов и ООН, возрождение Дохийского раунда переговоров). ЮАР стремится наладить продуктивное экономическое сотрудничество со странами БРИКС для модернизации своей экономики и инфраструктуры, для расширения взаимодействия в сфере науки и технологий, для привлечения инвестиций и улучшения кадрового ресурса².

¹ Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. ЮАР: успехи и проблемы развития // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Январь 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/15761.pdf> (дата обращения: 01.09.2019).

² Department of Foreign Affairs, Republic of South Africa. President Zuma Arrives in Fortaleza, Brazil for the BRICS Summit [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dirco.gov.za/docs/2014/brics0714.html> (дата обращения: 01.09.2019).

Таблица

Динамика ВВП стран БРИКС в 2008–2017 гг.¹

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Бразилия	5,1%	-0,1%	7,5%	3,9%	1,9%	3,0%	0,1%	-3,8%	-3,6%	1,0%
Россия	5,2%	-7,8%	4,5%	4,3%	3,7%	1,8%	0,7%	-2,5%	-0,2%	1,5%
Индия	3,9%	8,5%	10,3%	...	5,5%	6,4%	7,4%	8,2%	7,1%	...
Китай	9,7%	9,4%	10,6%	9,5%	7,9%	7,8%	7,3%	6,9%	6,7%	6,9%
Южная Африка	3,2%	-1,5%	3,0%	3,3%	2,2%	2,5%	1,8%	1,3%	0,6%	1,3%

На основе анализа приведенных в таблице данных можно сделать следующие выводы.

Во-первых, с 2008 г. мировая экономика в целом замедлила свой быстрый рост, тогда как страны — участницы БРИКС, преодолев системные трудности, на протяжении десяти лет с 2008 г. по 2017 г. показывали относительно лучшие данные роста по сравнению с другими развивающимися странами мира, тем самым подтверждая перспективу будущего положительного развития БРИКС [19].

Во-вторых, БРИКС поддерживает экономическое обновление и реформы стран-участниц по собственному пути. При этом ЮАР показывает позитивную динамику улучшения экономического положения страны.

Меры для укрепления взаимоотношения и сотрудничества

В основе духа сотрудничества лежит взаимное понимание и прагматическое решение, которое нуждается в многостороннем согласовании и консультации. Пять стран — участниц БРИКС совместными усилиями поддерживают инициативы и проекты по разным формам механизма в рамках взаимодействия. Это Саммит БРИКС, постоянная встреча министров правительств пяти стран, Деловой совет БРИКС, Совет экспертных центров БРИКС, Банк нового развития БРИКС, Пул условных валютных резервов БРИКС. Такая концептуальная модель представляет собой одну из важнейших специфик в изучении платформ сотрудничества БРИКС и его углубления. С целью оптимизации существующих методов и форматов многостороннего сотрудничества между пятью странами, на наш взгляд, следует выдвинуть следующие меры для укрепления отношений в области экономики, политики и гуманитарного обмена.

Во-первых, каждая страна-участница должна определить собственную экономическую стратегию по нескольким важнейшим сферам деятельности, направленную на стыковку и сопряжение с нынешними механизмами сотрудничества в рамках БРИКС, учитывая перспективное развитие самой организации и мирового сообщества. Необходимо избегать недобросовестной конкуренции между членами организации, возникающей вследствие схожести экономических ориентиров [18]. Для продолжения положительного развития БРИКС следует устранить внутренние конфликты и достичь взаимной выгоды для всех сторон, при этом не менее важно продвигать экономическую интеграцию БРИКС и формировать единый рынок.

Во-вторых, БРИКС должна иметь свой реальный голос в мировом экономическом сообществе. Для этого все пять стран должны приступать к расширению существующих каналов по обмену информацией в рамках организации. Постоянно совершенствовать механизмы диалогов на международном уровне: саммиты, встречи лидеров стран, министров, Совет экспертных центров БРИКС и другие рабочие платформы. Все эти действия являются приоритетными направлениями в процессе углубления взаимного доверия, для выражения в едином голосе от имени БРИКС на международной арене по финансовым, энергетическим, сельскохозяйственным, торговым, инвестиционным вопросам.

В-третьих, углубление межгосударственных отношений и сотрудничества между развивающимися и развитыми странами. БРИКС представляет собой новый формат неофициального межгосударственно-объединения пяти стран мира. С одной стороны, они являются ведущими странами по численности

¹ National Bureau of Statistics of China. BRICS Joint Statistical Publication (2018) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/zjtjc/ztsj/jzgjlhtjzc/jz2018/> (дата обращения: 01.09.2019).

населения, с большими запасами природных ресурсов. Но, с другой стороны, их экономика находится на относительно низком уровне по сравнению с другими развивающимися странами. Сотрудничество с развитыми странами, международными организациями помогает БРИКС выйти на международную арену и занять более активное участие в решении важнейших мировых проблем экономико-финансового и политического характера.

В-четвертых, механизм сотрудничества БРИКС нуждается в совместном детальном изучении как теоретического, так и практического характера. Страны должны путем проведения постоянных комплексных информационно-аналитических работ повысить уровень исследования и внедрять достигнутые результаты во взаимное доверие, экономику и финансы, торговлю и логистику, инфраструктуру, социальное обеспечение, культурные обмены. Придерживаясь принципов открытости и справедливости, любые действия по экономическому сотрудничеству и культурному обмену между странами должны соблюдаться местными законами.

Выводы

Проанализировав основное положение экономического сотрудничества между странами БРИКС, автор пришел к следующим выводам.

Во-первых, благодаря хорошей основе для ведения многостороннего сотрудничества, несмотря на большие различия между странами БРИКС, они продолжают активную работу. Это связано с тем, что нынешние платформы в рамках БРИКС постоянно совершенствуются: ежегодно проводится саммит, по завершению которого публикуется совместная декларация, определяющая официальную позицию стран БРИКС в отношении актуальных мировых событий и планы работы на ближайший год. Помимо саммитов проводятся постоянные встречи министров правительств, курирующих блоки внешней политики, энергетики, торговли, инвестиций, экономики, финансов, культуры, образования, науки, технологий, сельского хозяйства. Такие мероприятия успешно продвигают сотрудничество и реализуют взаимное понимание между странами БРИКС.

Во-вторых, страны БРИКС внимательно следят за мировой политикой и принимают в ней активное участие. С момента своего создания БРИКС стремится к реализации идеи реформирования мироустройства. Главной задачей в этом направлении является построение справедливого, многополярного и толерантного мира для активного участия в нем развивающихся стран и стран с развивающейся экономикой.

В-третьих, следует отметить важность углубления взаимоотношений с развитыми странами, международными организациями. Цель такого сотрудничества для БРИКС заключается в сохранении многополярности мироустройства, защите от протекционизма, продвижении реформы международного финансово-экономического управления.

В-четвертых, сотрудничество в области экономической интеграции между странами — участницами БРИКС является новым типом государственных отношений в отражении внешней политики, оно нуждается в непрерывном обновлении с точки зрения содержания такого многостороннего сотрудничества.

Литература

1. *Васильева Н. А., Лагутина М. Л.* Формирование Евразийского союза в контексте глобальной регионализации // *Евразийская экономическая интеграция*. 2012. № 3 (16). С. 19–29.
2. *Галищева Н. В.* Проблема дисбалансов в экономике Индии // *Вестник МГИМО*. 2015. № 4 (43). С. 242–254.
3. *Еременко Д., Подберезкина О., Шаронова В.* Плоды сопряжения, шансы и риски гармонизации «Шелкового пути» и Евразийской интеграции // *Международные процессы*. 2018. Т. 16. № 1 (52). Январь–март. С. 160–176.
4. *Кашин В. К., Пахомов А. П.* Экономика Бразилии: путь развития // *Экономика. Налоги. Право*. 2013. № 2. С. 104–113.

5. Кефели И. Ф. Геополитические риски и шансы в процессе становления «Большого Евразийского партнерства» // Геополитика и безопасность. 2017. № 2 (38). С. 38–46.
6. Кефели И. Ф. Императивы взаимодействия ЕАЭС, ШОС и БРИКС в глобальной геополитике // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2016. № 2 (20). С. 50–62.
7. Комиссина И. Н. Морской Шелковый путь XXI в. — глобальный геополитический проект Китая // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 1 (40). С. 60–81.
8. Лебедева Н. Б. Китайские инициативы экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути vs индийские проекты “Mausam”, “Spice Road”, “Sagar Mala” и “Cotton Routes” (проблемы, перспективы, реакция) // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. Выпуск XXVI. № 26. С. 26–57.
9. Ли Цзинчэн. Состояние и перспективы взаимодействия Евразийского экономического союза и Великого Шелкового пути // Россия в глобальном мире. 2017. № 10 (33). С. 408–418.
10. Панфилова Е. А., Соколова М. А. Союз южноамериканских наций: возможности и риски развития в современном многополярном мире // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 5 (29). С. 91–94.
11. Петраков М. И. К 25-летию установления дипломатических отношений России и ЮАР // Международная жизнь. 2017. № 2. С. 19–33.
12. Скриба А. С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций. 2016. № 3. С. 67–81.
13. Шамахов В. А., Случевский В. В. Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС — «Один пояс — один путь» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1. С. 28–33.
14. Шарова Е. А. Взаимная торговля стран БРИКС на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2. С. 150–174.
15. Akhilesh Pillalamarri. Project Mausam: India’s Answer to China’s Maritime Silk Road // The Diplomat. September 18, 2014.
16. Becard D. S. R, Barros-Platiau A. F., Lessa A. C. Brazil in the BRICS After Ten Years // The International Political Economy of the BRICS. London, New York: Routledge, 2019. P. 135–149.
17. Briceño-Ruiz J. From the South American Free Trade Area to the Union of South American Nations: The Transformations of a Rising Regional Process // Latin American Policy. 1 (2). 2010. P. 208–229.
18. Khurana G. S. China, India and “Maritime Silk Road”: Seeking a Confluence // Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India. 2015.11 (1). P. 19–29.
19. Toloraya G. BRICS Current and Future Role in Maintaining International Peace and Security //Realizing the BRICS Long-Term Goals: Road-Maps and Pathways — A proposal by the BRICS Think Tanks Council. Delhi: Vinset Advertising, 2017. P. 68–84.

Об авторе:

Ли Цзинчэн, ассистент Высшей школы международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); li_ts@spbstu.ru

About the author:

Li Jingcheng, lecturer of the Graduate School of International Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation); li_ts@spbstu.ru

Совместный вектор развития Арктического региона в рамках национальных программ стран Азии и Российской Федерации

Попов Д. Г.^{1,*}, Роговской Д. А.²

¹ Высшая школа медиакоммуникаций и связей с общественностью СПбПУ Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; * klacik_p2@list.ru

² Факультет международных отношений и политических исследований РАНХиГС, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Статья посвящена анализу Арктических стратегий стран Азии и РФ. Автор рассматривает национальные программы развития Арктического региона стран Азии и принципы, на которых выстраиваются данные программы. Особое внимание уделяется общим чертам и различиям рассматриваемых стратегий. Арктические стратегии являются важнейшими декларациями о намерениях и возможностях заинтересованных в развитии региона стран. Исследуя и сравнивая стратегии, можно прогнозировать возможности для кооперации в Арктическом регионе между странами Азии и РФ. В ходе написания работы были использованы методы абстрагирования, классификации, сравнительного анализа и моделирования.

Ключевые слова: регион, международные отношения, Арктика, КНР, РФ, стратегия, белая книга, Арктическая стратегия

Joint Development Vector of the Arctic Region in the Framework of National Programs of the Countries of Asia and the Russian Federation

Dmitry G. Popov^{a,*}, Dmitry A. Rogovskoi^b

^a Peter the Great SPbPU Graduate School of Media Communications and Public Relations, Saint Petersburg, Russian Federation; *klacik_p2@list.ru

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of Arctic strategies of the countries of Asia and the Russian Federation. The author considers national programs for the development of the Arctic region provided by the Asian countries and the principles on which these programs are built. Much attention is paid to the common features and differences of the strategies under consideration. Arctic strategies are the most important declarations of intentions and opportunities of the countries interested in the region's development. By exploring and comparing strategies it is possible to predict opportunities for Asian countries — Russian Federation cooperation in the Arctic region. For the research, methods of abstraction, classification, comparative analysis and modeling were used.

Keywords: region, international relations, Arctic, People's Republic of China (PRC), Russia, strategy, white paper, Arctic strategy

Арктическая повестка XXI в. стала одной из наиболее актуальных с точки зрения активности стран в регионе. К традиционным участникам Арктического региона стремительно приближаются по своему потенциалу и возможностям новые участники арктического дискурса. В условиях развития Арктического

региона и увеличения числа заинтересованных сторон высокий интерес вызывает арктическая политика стран Азии, из чего она формируется, в каких документах обозначается направление развития арктической политики азиатских стран и в связи со всем этим существуют ли возможности для совместной работы и развития Арктического региона между Россией и странами Азии.

Политика стран Азии формируется исходя из отсутствия прямого выхода в арктическое пространство, единственный возможный для стран Азии «выход» в Арктику проходит через территориальные воды Российской Федерации.

С точки зрения активности стран в регионе действия Китайской Народной Республики (КНР) имеют наиболее важное значение в силу стратегического партнерства между РФ и КНР¹. 26 января 2017 г. руководство КНР официально представило новую политику страны в отношении Арктики, так называемую «Белую книгу»². Данный документ можно воспринимать как декларацию о намерениях, соотносимую с Арктическими стратегиями стран Европы или же с «Арктической стратегией» РФ. С начала документа сразу декларируется заинтересованность Китая в защите арктического пространства: «В настоящий момент ситуация в Арктике перестала затрагивать интересы только лишь непосредственно арктических стран, проблемы и возможности этого региона стали важными для всего международного сообщества. Это касается и вопросов выживания, и возможностей развития, и строительства общего будущего для всего человечества». Официальные лица КНР посредством заинтересованности и опасений за экологию региона в первую очередь обозначают, что видят Арктику зоной интересов не только арктических стран, но и всех остальных государств, аргументируя это тем, что экологическая и не только безопасность в Арктике напрямую влияет на весь мир. Продолжая экологическую повестку, подчеркивается: «Таяние льдов может создать новые условия для исследования и развития Арктики, предоставить возможности для коммерческого использования новых морских путей и разработки природных ресурсов региона». Из данного отрывка мы можем обозначить высокую заинтересованность Китая в Северном морском пути (СМП), который, следует заметить, на данный момент значительной частью находится в зоне влияния Российской Федерации. Китай готов к сотрудничеству в вопросах развития морских путей, лежащих через арктическое пространство: «Капитал, технологии, рынок, знания и опыт Китая должны сыграть важную роль в расширении сети транспортных путей в Арктике, обеспечив экономический социальный прогресс для всех прибрежных стран вдоль этих путей, интересы которых Пекин разделяет». Данную цитату из документа мы не можем декларировать как угрозу суверенности нашего Морского пути, лишь как перспективу для совместного развития, официальная позиция была высказана не так давно, поэтому следует признать, что настоящие намерения китайского правительства мы сможем выяснить лишь в перспективе. Несмотря на это, в документе, конечно, обозначается претенциозное желание руководства КНР добавить СМП в проект «Один пояс — один путь» и по традиции назвать его «Арктический шелковый путь», однако у нас существует высокая степень сомнения, что подобное название приживется, ведь все же на данный момент СМП лежит в территориальных водах РФ, а «шелк» все же исконно китайский, а не российский атрибут.

Республика Корея (РК) также стремится обозначить свою заинтересованность в Арктическом регионе. Арктическими вопросами в Республике Корея занимается семь ведомств: Министерство иностранных дел; Министерство земли, транспорта и инфраструктуры; Министерство экологии; Министерство развития технологий и науки; Министерство развития промышленности, торговли и энергетики; Морское и рыболовное министерство; метеорологическое управление. Официальная позиция РК обозначается в «План активизации политики в отношении арктических областей», позже в «План реализации комплексной политики в отношении Арктики»³. Серьезность намерений руководства РК показывает постройка собственного ледокола «Араон» в 2009 г.

¹ [Электронный ресурс] МК: Стратегическое партнерство. 05.05.2019. URL: <https://www.mk.ru/politics/2019/06/05/putin-okharakterizoval-rossiyskokitayskie-otnosheniya-kak-besprecedentnye.html> (дата обращения: 25.04.2019).

² Stiven Blank. *Arkticheskaya strategiya Kitaya* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.daokedao.ru/2013/06/24/arkticheskaya-strategiya-kitaya/> (дата обращения: 13.09.2019).

³ Черкашин П. Планы Республики Корея в отношении Арктики и перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в этом регионе [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=1433 (дата обращения: 24.09.2019).

В силу своей высокой зависимости от поставки ресурсов Корея крайне заинтересована в СМП. В 2013 г. она совершила свой первый переход по СМП, начальным пунктом которого являлся российский порт Усть-Луга, а конечным — корейский Джангуанг. Также РК является крупным импортером углеводородов. Для Кореи, бесспорно, важны возможности диверсификации источников снабжения. В РК сильно развит кораблестроительный сектор экономики, множество судов для перевозки СПГ строится на южнокорейских судостроительных верфях¹. РФ активно сотрудничает с РК в данном направлении в силу заинтересованности в размещении заказов на корейских верфях ради обмена технологиями, пополнения своего флота и развития технологической базы строительства флота. Российская судоходная компания «Совкомфлот» заказала у корейской компании DSME строительство девяти танкеров для перевозки сжиженного природного газа (СПГ). СМП будет играть важную роль в реализации «Евразийской инициативы» — национальной стратегии Республики Корея².

Другой, не менее важный азиатский игрок — это Япония. Арктика для Японии — новый регион. Заинтересованность в исследовании Арктики появилась лишь в 2009 г., когда Япония подала заявку на получение статуса постоянного наблюдателя Арктического совета. Разработка Арктической программы началась лишь в 2010 г. с учреждением «Японского совещания по Арктике». Основная задача совещания состояла в выявлении перспектив Арктического региона для Японии. В 2010 г. также была создана «Арктическая оперативная группа» (Arctic Task Force) в составе Министерства иностранных дел Японии. Основная компетенция данной организации лежит в анализе, мониторинге и систематизации получаемых данных о происходящих в регионе изменениях по экономическим, политическим, экологическим, логистическим и военным направлениям. В дополнение к данной группе в 2012 г. на базе парламента Японии была создана «лига», первоначальной задачей которой являлось создание условий по обеспечению безопасности СМП. В 2015 г. на базе штаб-квартиры по вопросам политики в области океана была обозначена официальная Арктическая стратегия Японии, по сути, она лишь систематизировала уже названные ранее приоритеты³.

Правительство Сраны восходящего солнца уделяет значительное внимание энергетической безопасности государства, планируется в сотрудничестве с приарктическими государствами наладить систему добычи газа и нефти через поддержку государственными органами Японии проектов Японской национальной корпорации по нефти, газу и металлам⁴.

Также азиатские партнеры могут быть заинтересованы в энергетической составляющей арктического пространства, для этого следует привести наиболее полные и авторитетные на актуальный момент данные о запасах нефти и газа Арктики к северу от Полярного круга. В 2008 г. специалисты из USGS (United States Geological Survey — Геологическая служба США) представили свою обновленную версию доклада — «CARA» [15, с. 62]. По их данным, которые высоко оцениваются экспертным сообществом, в Арктике залегает около 413 млрд баррелей нефти. На долю традиционной нефти приходится 134 млрд баррелей, что является 13–15% ее общемировых запасов. Также предполагается, что Арктика скрывает 279 млрд баррелей, что соответствует 30% всех запасов газа в мире [10, с. 4].

Китай также имеет свою ресурсную позицию в Арктическом регионе и декларирует ее в уже обозначенной «Белой книге» и ее редакции 2018 г. Позиция Китая особенно интересна расширением глобализации и глобального управления в арктическом пространстве, в частности, в гл. 3 п. 2 стратегии Китая обозначается, что «Китай уважает суверенные права арктических государств на нефть, газ и минеральные ресурсы в районах под их юрисдикцией в соответствии с международным правом»⁵. В данном пункте отсутствует упоминание о принятии конвенциональной системы раздела Арктики, КНР явно имеет

¹ Южнокорейская верфь строит 16 кораблей // Корабел [Электронный ресурс]. URL: http://www.korabel.ru/news/comments/yuzhnokoreyskaya_verf_dsme_budet_stroit_ne_16_a_tolko_9_tankerov_dlya_yam_al-spg.html (дата обращения: 25.09.2019).

² The Development and Responses of South Korea's Eurasia Initiative: Realization vs. Illusion Day, Dong-Ching [Электронный ресурс]. URL: http://jirfp.com/journals/jirfp/Vol_5_No_2_December_2017/2.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

³ Японская Арктическая стратегия [Электронный ресурс]. URL: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/arctic/pdf/japans_ap_e.pdf (дата обращения: 25.09.2019).

⁴ 我が国の北極政策 Arkticheskaya strategiya Yaponii. S.5. // Oficial'ny'j sajt Prem'er-ministra Yaponii [Электронный ресурс]. URL: [http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy\[JPN\].pdf](http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy[JPN].pdf) (дата обращения: 25.09.2019).

⁵ Китайская арктическая стратегия. Январь 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения: 08.04.2019).

определенные планы на совместное международное и глобальное развитие ресурсного потенциала территории вне юрисдикции арктических государств.

Ресурсному аспекту напрямую соответствует энергетическая безопасность и контроль логистических путей. Как уже говорилось ранее, в Китайской Арктической стратегии Северному морскому пути даже по периодизации отдается из всех ресурсных аспектов первое место, в частности, говорится: «В результате глобального потепления арктические судоходные маршруты, вероятно, станут важными транспортными маршрутами для международной торговли. Китай уважает законодательные, правоприменительные и судебные полномочия арктических государств в водах, находящихся под их юрисдикцией. Китай считает, что управление арктическими судоходными маршрутами должно осуществляться в соответствии с договорами, включая ЮНКЛОС и общее международное право, и что следует обеспечить свободу судоходства, которой пользуются все страны в соответствии с законодательством, и их права на использование арктических судоходных маршрутов. Китай считает, что споры по поводу арктических судоходных путей должны быть надлежащим образом урегулированы в соответствии с международным правом».

Рассматривая данный отрывок следует «идти от обратного», особую настороженность может вызвать высказанная в тексте позиция о том, что судоходство должно быть урегулировано с международным правом, следует понимать, что вопросы законности экспроприации РФ Северного морского пути, с точки зрения мирового сообщества и некоторых акторов, не решены до конца, и в этом вопросе руководство Китая может сконцентрировать свои усилия на кооперации с руководством Японии, которое официально обозначило свое покровительство организации IMO (International Maritime Organization). В частности, Арктическая стратегия Японии подразумевает: развитие идеи о единых нормах международного морского права, применяемого к Арктике, — Полярного кодекса, разработкой которого сейчас занимается Международная морская организация, а также законодательной базы, регулирующей рыболовство в Арктике. Данная организация, в свою очередь, настаивает на либерализации морского законодательства. На данный момент эта международная морская организация внесла ряд поправок в некоторые договоры, затрагивающие сферы безопасности и охраны природы. Также в своем интервью Кодзи Сэкимидзу большое внимание уделил вопросам экологии и прямо упомянул о либерализации СМП¹, что еще раз свидетельствует о намерениях наших партнеров отнять монополию на часть СМП, которая, важно подчеркнуть, является исключительной экономической зоной РФ. В свою очередь, возвращаясь к «Белой книге» Китая, в гл. 3 п. 1 указано, что Китай всячески поддерживает инициативу IMO по Полярному кодексу и инициативе о разработке новых международных правил навигации, что, конечно, может вызывать у Российской Федерации лишь опасения.

Теперь следует перейти к практическим шагам коллег из Азии по освоению Северного морского пути. На данный момент налажено сотрудничество между КНР и РФ по СМП. В частности, в августе 2013 г. первое китайское судно прошло по СМП. Особо интересно, что в обратном пути китайское судно прошло высокоширотным маршрутом, обогнув трассу «Севморпути»². А это говорит нам о том, что китайское руководство ищет возможности по уменьшению влияния РФ на китайские торговые интересы, ведь коммерческое использование СМП предполагает использование российских ледоколов на платной основе и оплату, а именно сборы, за возможность прохода СМП.

Китайское руководство видит большие перспективы в СМП. Следует понимать, что СМП — это канал поставок энергетических и других ресурсов, которые крайне тяжело будет перекрыть, к примеру, американскому военному флоту. Также СМП значительно дешевле и, что немаловажно, короче маршрута из Шанхая до Гамбурга. Китайские коллеги оценивают выгоду от использования СМП от 0,5 до 3,5 млн долл. для каждого «северного» рейса контейнеровоза или сухогруза взамен южного направления. Данный вопрос приоритетен для крупнейшей страны экспортера, учитывая, что 46% экспорта зависит от международного судоходства. 19.07.2018 в китайский порт Цзянсу Жудун прибыли два российских танкера с партией сжиженного газа, это была первая партия с предприятия «ЯМАЛ-СПГ» в рамках долгосрочного

¹ 國際海事機関 北極海航路に国際ルール 露ルールに代えて [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/world/20141104-OYT1T50002.html> (дата обращения: 09.09.2019).

² Barents Observer [Электронный ресурс]. URL: http://barentsobserver.com/sites/barentsobserver.com/les/styles/grid_8/public/main/articles/xue_long_snow_dragon_sinoshipnews_com.jpg (дата обращения: 13.09.2019).

контракта, особый интерес вызывает тот факт, что это первый случай доставки такого объема по СМП без ледокольной поддержки, что значительно удешевляет перевозку грузов¹. 5 сентября 2018 г. китайское универсальное грузовое судно ледового класса Tian En, принадлежащее Cosco Shipping Specialized Carriers Co, прибыло в порт Руан. Судно ледового класса Tian En отправилось из порта Ляньюньган 8 августа 2018 г., 15 августа обогнуло Камчатку, а 17 августа 2018 г. прошло Берингов пролив. На трассе СМП судно Tian En сопровождали атомные ледоколы Атомфлота. Завершив прохождение СМП, Tian En доставил перевозимое оборудование в порты Швеции, Нидерландов и Франции. Оно стало первым китайским судном, прошедшим по всей трассе СМП². Данные примеры вкупе с официальной позицией КНР показывают не только высокую степень заинтересованности КНР в развитии СМП, но и попытки к значительной степени независимости в вопросе использования СМП.

Также важно понимание инвестиций в развитие СМП, на данный момент КНР только декларировала перспективы инвестиционного развития данного направления, но уже сейчас, по открытой информации, КНР активно инвестирует в свободный порт Владивосток (далее — СПВ), с участием китайского капитала реализуют более 30 проектов стоимостью около 4,2 млрд долл.³

Исходя из данной информации можно вывести несколько направлений действий азиатских стран в арктическом пространстве:

1. Глобализация арктического пространства.
2. Разработка месторождений в рамках уже созданной системы международных отношений через частные компании.
3. Отстранение от попытки участвовать в распределении ресурсной составляющей арктического пространства и концентрация на развитии Северного морского пути.

Несмотря на активное сотрудничество с РК и Китаем, следует понимать, что РК является в первую очередь нашим конкурентом в вопросе постройки арктического флота, по-видимому, на данный момент РК не выработала позицию по отношению к ресурсной составляющей арктического пространства или же считает, что перспективнее получать доход со своей сильной стороны, а именно кораблестроительного корпуса, поэтому придерживаются третьей стратегии.

Особое внимание следует обратить на декларируемую в «Белой книге» КНР либерализацию правил навигации в арктическом пространстве. КНР в первую очередь будет концентрироваться на дружеских отношениях с руководством РФ, но, несмотря на инвестиционные вложения и уже имеющиеся успехи в использовании СМП, руководство КНР на международной арене будет двигаться в сторону либерализации Арктического региона, не входящего в юридическую зону арктических государств, обозначенных в Конвенции ООН по морскому праву, и в целом глобализации Арктики, что обозначено в официальной концепции КНР. Исходя из этого можем сделать вывод, что Китай планирует сконцентрироваться в первую очередь на второй стратегии, сочетая ее при возможности, в силу особенностей международных отношений, с первой стратегией. Следует заметить, что, к примеру, действия Кореи полностью подпадают под китайские планы о глобализации Арктики, ведь чем больше заинтересованных участников будет в арктическом пространстве, тем больше будет сторон, желающих «глобализировать» Арктический регион.

Япония заинтересована в первую очередь в энергетической безопасности государства, в силу этого будет сконцентрирована не на инвестициях в СМП, а именно в попытках поставить под сомнения современную систему деления арктического пространства. Японии остается придерживаться первой обозначенной стратегии в силу отсутствия налаженных отношений с РФ и отсутствия технической базы по производству арктического флота.

Полученные результаты говорят нам о том, что высокая заинтересованность стран Азии в арктическом пространстве дает Российской Федерации не только перспективы для развития северных регионов страны, но и угрозу для суверенности арктических территорий. А следовательно, привлекая инвестиции

¹ Претензии будут расти // RT [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/535621-arktika-morskoi-put> (дата обращения: 13.09.2019).

² СМП // Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2476905.html> (дата обращения: 13.09.2019).

³ Китайские инвестиции // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/vef-2018/articles/5486435> (дата обращения: 13.09.2019).

стран Азии, следует концентрировать значительные ресурсы как на наращивании оборонительного потенциала, так и развивать позицию государства на международно-правовой арене.

Литература

1. Бланк С. Арктическая стратегия Китая [Электронный ресурс]. URL: <http://www.daokedao.ru/2013/06/24/arkticheskaya-strategiya-kitaya/> (дата обращения: 13.09.2019).
2. Данные и исследования USGS // USCS Fact Sheet [Электронный ресурс]. URL: <https://pubs.usgs.gov/fs/2008/3049/fs2008-3049.pdf> (дата обращения: 25.09.2019).
3. Китайская Арктическая стратегия. Январь 2018 [Электронный ресурс]. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm (дата обращения к сайту 08.04.2019).
4. Китайские инвестиции // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/vef-2018/articles/5486435> (дата обращения: 13.09.2019).
5. Претензии будут расти // RT [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/article/535621-arktika-morskoi-put> (дата обращения: 13.09.2019).
6. СМП // Regnum [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/2476905.html> (дата обращения: 13.09.2019).
7. Стратегическое партнерство // МК [Электронный ресурс]. 05.05.2019. URL: <https://www.mk.ru/politics/2019/06/05/putin-okharakterizoval-rossiyskokitayskie-otnosheniya-kak-besprecedentnye.html> (дата обращения: 25.04.2019).
8. У карты Тихого океана // Информационно-аналитический бюллетень ИИАЭ ДВО РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://ihaef.org/files/pacific-ocean-map/45.pdf> (дата обращения: 25.09.2019).
9. Черкашин П. Планы Республики Корея в отношении Арктики и перспективы российско-южнокорейского сотрудничества в этом регионе [Электронный ресурс]. URL: http://russiancouncil.ru/blogs/dvfu/?id_4=1433 (дата обращения: 24.09.2019).
10. Швец Н. Н., Береснева П. В. Нефтегазовые ресурсы Арктики: правовой статус, оценка запасов и экономическая целесообразность их разработки // Вестник России [Электронный ресурс]. URL: <https://vestnik.mgimo.ru/jour/article/view/160/160> (дата обращения: 08.09.2019).
11. Южнокорейская верфь строит 16 кораблей // Корабел [Электронный ресурс]. URL: http://www.korabel.ru/news/comments/yuzhnokoreyskaya_verf_dsme_budet_stroit_ne_16_a_tolko_9_tankerov_dlya_yam_al-spg.html (дата обращения: 25.09.2019).
12. Японская Арктическая стратегия [Электронный ресурс]. URL: https://www8.cao.go.jp/ocean/english/arctic/pdf/japans_ar_e.pdf (дата обращения: 25.09.2019).
13. Barents Observer [Электронный ресурс]. URL: http://barentsobserver.com/sites/barentsobserver.com/les/styles/grid_8/public/main/articles/xue_long_snow_dragon_sinoshipnews_com.jpg (дата обращения: 13.06.2017).
14. The Development and Responses of South Korea's Eurasia Initiative: Realization vs. Illusion Day, Dong-Ching [Электронный ресурс]. URL: http://jirfp.com/journals/jirfp/Vol_5_No_2_December_2017/2.pdf (дата обращения: 25.09.2019).
15. 我が国の北極政策. Арктическая стратегия Японии // [Электронный ресурс]. Официальный сайт премьер-министра Японии. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/singi/kaiyou/arcticpolicy/Japans_Arctic_Policy_JPN.pdf (дата обращения: 25.09.2019).
16. 国際海事機関 北極海航路に国際ルール 露ルールに代えて [Электронный ресурс]. URL: <http://www.yomiuri.co.jp/world/20141104-OYT1T50002.html> (дата обращения: 09.09.2019).

Об авторах:

Попов Дмитрий Геннадьевич, кандидат философских наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью СПбПУ Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); klacik_p2@list.ru

Роговской Дмитрий Александрович, магистрант факультета международных отношений и политических исследований СЗИУ РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

About the authors:

Dmitry G. Popov, PHD in Philosophy, docent Peter the Great SPbPU graduate school of media communications and public relations; klacik_p2@list.ru

Dmitry A. Rogovskoi, Master's Student of the Faculty of the International Relations and Political Science of the RANEPa, Bachelor of the Faculty of the International Relations RANEPa

01.10.2019

Решением Высшего Евразийского экономического совета от 1 октября 2019 г. № 20 (г. Ереван) утверждена «Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза»

Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза

I. Общие положения

Настоящая Концепция разработана в целях реализации Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее — Договор) и распоряжения Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2016 г. № 6 и определяет цели, принципы, этапы, критерии и основные направления формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза (далее соответственно — общий финансовый рынок, Союз).

Общий финансовый рынок представляет собой финансовый рынок государств — членов Союза (далее — государства-члены), дающий возможность упрощенного и недискриминационного доступа субъектов финансового рынка на рынки друг друга. Общий финансовый рынок охватывает банковский сектор, сектор рынка ценных бумаг и страховой сектор каждого государства-члена, а также совокупность отношений, регулирующих взаимодействие между секторами финансового рынка.

Общий финансовый рынок является неотъемлемой частью евразийской интеграции и обеспечительным условием реализации основных целей Союза.

Процесс формирования общего финансового рынка сопряжен с процессом формирования цифровой экономики и учитывает необходимость создания условий для развития финансовых технологий и поддержки инноваций на финансовых рынках, в том числе направленных на снижение издержек для финансовых организаций, расширение доступности финансовых услуг, снижение стоимости и обеспечение кибербезопасности финансовых услуг для потребителей и снижение рисков.

Концепция формирования общего финансового рынка утверждена в ЕАЭС.

Концепция определяет цели, принципы, этапы, критерии и основные направления формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Общий финансовый рынок представляет собой финансовый рынок государств — членов Союза, дающий возможность упрощенного и недискриминационного доступа субъектов финансового рынка на рынки друг друга.

Общий финансовый рынок охватывает банковский сектор, сектор рынка ценных бумаг и страховой сектор каждого государства-члена, а также совокупность отношений, регулирующих взаимодействие между секторами финансового рынка.

Общий финансовый рынок является неотъемлемой частью евразийской интеграции и обеспечительным условием реализации основных целей Союза.

Процесс формирования общего финансового рынка сопряжен с процессом формирования цифровой экономики и учитывает необходимость создания условий для развития финансовых технологий и поддержки инноваций на финансовых рынках, в том числе направленных на снижение издержек для финансовых организаций, расширение доступности финансовых услуг, снижение стоимости и обеспечение кибербезопасности финансовых услуг для потребителей и снижение рисков.

При формировании общего финансового рынка особое внимание уделяется снижению возможностей для регуляторного арбитража и концентрации рисков финансовой стабильности как на уровне отдельных стран, так и на общем финансовом рынке в целом. Одним из критериев формирования общего финансового рынка является поддержание и улучшение уровня защиты прав потребителей финансовых услуг и инвесторов.

Государства-члены стремятся проводить согласованную политику по формированию прозрачности происхождения капитала финансовых организаций.

Основными целями формирования общего финансового рынка являются:

- повышение уровня доступности, качества и набора финансовых услуг для компаний и граждан государств-членов;
- обеспечение роста и повышение эффективности финансового сектора государств-членов, развитие конкуренции на этом рынке.

Как отмечается, достижение этих целей позволит внести вклад в решение таких общих целей создания Союза, как:

- укрепление экономики государств-членов и обеспечение их стабильного и гармоничного развития, сближения в интересах повышения жизненного уровня населения, а также гарантирование устойчивого роста деловой активности, сбалансированной торговли и добросовестной конкуренции;
- стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы в рамках Союза;
- решение стоящих перед государствами-членами общих задач по устойчивому экономическому развитию, всесторонней модернизации, кооперации и усилению конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики;
- укрепление экономического взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с другими странами, а также международными интеграционными объединениями и международными организациями.

В Концепции изложены направления формирования общего финансового рынка в отношении трех секторов финансового рынка (банковский сектор, рынок ценных бумаг и страховой рынок), реализацию которых предполагается осуществлять в течение двух периодов формирования и функционирования общего финансового рынка (до 2025 г. и после 2025 г.).

Одной из приоритетных целей интеграции в финансовой сфере, закрепленной в Договоре, является создание общего финансового рынка. Для реализации этой цели государства-члены определяют:

- подходы к регулированию рисков на финансовых рынках;
- требования к деятельности на общем финансовом рынке;
- порядок осуществления регулирования и надзора за деятельностью участников финансового рынка;
- условия для взаимного признания лицензий на финансовом рынке через проведение гармонизации законодательства государств-членов;
- условия для развития общего платежного пространства на принципах независимости национальных платежных систем;
- условия для функционирования наднационального органа по регулированию общего финансового рынка;
- условия для развития финансовых технологий.

Документ развивает и детализирует эти положения Договора, определяет критерии, этапность, принципы и направления формирования общего финансового рынка.

Также Концепция фиксирует общее понимание государствами-членами направления и динамики процесса углубления интеграции в финансовой сфере. Права и обязательства государств-членов будут определяться международными договорами, подлежащими заключению в развитие настоящей Концепции.

Правовая основа общего финансового рынка представляет собой систему нормативных правовых актов, регулирующих общий финансовый рынок, и состоит из законодательства государств-членов, Договора, международных договоров в рамках Союза и актов органов Союза.

Решение вступило в силу с даты его принятия.

Источник: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37532588#pos=1;-82

11.10.2019**Политолог рассказал, когда Таджикистан вступит в ЕАЭС**

Когда Таджикистан и Узбекистан вступят в ЕАЭС, рассказал директор Института стратегического планирования, доктор политических наук, профессор Александр Гусев.

Вступление Узбекистана в ЕАЭС важно для обеих сторон, считает директор Института стратегического планирования, доктор политических наук, профессор Александр Гусев.

Конечно, вступление Узбекистана — более реальная перспектива, так как Узбекистан является крупнейшей страной в Центральной Азии (по количеству жителей — ред.) с населением более 20 млн чел., отметил эксперт.

Политолог добавил, что президент Республики Узбекистан Мирзиев нацелен на укрепление позиции Узбекистана в Центральной Азии и дальнейшем развитии отношений с Россией.

Гусев отметил, что у президента Таджикистана Рахмона есть понимание о том, что взаимодействовать в ЕАЭС проще с позиции его членства.

Вступление в организацию подтолкнет Таджикистан на более тесные отношения со странами — членами союза.

Но эксперт уточнил, что вступление Таджикистана в ЕАЭС — это более длительная перспектива.

«Таджикистан проигрывает Узбекистану в ВВП, численности населения и структуре экономических связей», — добавил Гусев.

Все страны постсоветского содружества рано или поздно войдут в состав ЕАЭС, заключил политолог.

Источник:

<https://tj.sputniknews.ru/radio/20191008/1029998948/tajikistan-EAES-vstuplenie-uzbekistan.html>

11.10.2019**Таджикистан и ЕАЭС: преимущества при любом раскладе**

С 2015 г. в Таджикистане идет процесс рассмотрения целесообразности вступления в ЕАЭС. О выгодах и перспективах, которые получит республика после вступления в организацию, рассказывает *Александр Караваев, научный сотрудник Института экономики РАН — для «Sputnik Таджикистан»*.

Границы макроэкономического влияния Евразийского экономического союза придвигаются непосредственно к Таджикистану.

На этой неделе Минэкономики Узбекистана опубликовало важный концептуальный документ посткаримовской эпохи — Концепцию комплексного социально-экономического развития республики до 2030 г. Согласно документу, Узбекистан планирует до конца 2021 г. подписать соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). На втором этапе (2022–2025 гг.) предполагается изучение вопроса о вхождении страны в ЕАЭС и Всемирную торговую организацию (ВТО). Также на этот период Ташкентом запланированы либерализация торговой политики и экспорта, пересмотр нетарифных тарифов и приведение их в соответствие с соглашениями и нормами ВТО. В связи с этим становится очевидно, что границы макроэкономического влияния ЕАЭС непосредственно придвигаются к Таджикистану.

Весь регион идет в ногу. Напомним, что с октября вступают в силу правила ЗСТ между зоной ЕАЭС и Ираном, являющимся историческим другом, важнейшим донором Таджикистана. Евразийское объединение снизило импортные пошлины для Ирана по 502 позициям. Это касается наиболее востребованных товаров на постсоветском пространстве. В сфере продовольствия — фисташки, финики, инжир, изюм, креветки. А также посуда, бытовая химия и ковры. Иран, в свою очередь, снизит пошлины по 864 товарам. Уже понятно, что страны ЕАЭС увеличат экспорт медикаментов, продукции химии, бумаги, текстиля, продукции сталелитейной промышленности, различных видов механического и электрического оборудования, автомобилей. Причем, что важно для Таджикистана, это происходит на фоне стягивания торгово-экономического ядра вокруг ЕАЭС. Россия — главный торговый партнер республики, это известно даже школьнику. Но заметное влияние оказывает и Казахстан (товарооборот двух стран растет от года к году и достиг 700 млн долл.). В прошлом году, после визита президента РУз Мирзиева в Душанбе, в рамках

новой повестки с президентом Таджикистана Рахмоном было подписано 27 соглашений в различных сферах, включая соглашение о снятии визового режима. Естественно, оно будет влиять на развитие предпринимательской активности в регионе. Также продвинулись в параметрах эксплуатации Рогунской ГЭС. В целом Узбекистан достаточно активно возобновил деятельность на таджикском направлении: открывается новое посольство, растет число делегаций различных министерств и ведомств, укрепляются отношения в рамках совместных бизнес-проектов.

Ситуация может кардинально измениться. Поэтому разговор о формализации взаимодействия Таджикистана с ЕАЭС уже не является отвлеченным. В перспективе нескольких лет ситуация с условиями допуска компаний из третьих стран и режимов взаимодействия между ЕАЭС и другими государствами может измениться кардинально. Недавнее назначение такой знаковой для евразийской стратегии фигуры как академик Сергей Глазьев на пост министра по интеграции и макроэкономике ЕАЭС (вместо Татьяны Валовой) тоже сигнализирует о подобном развитии событий.

Другое дело, что, конечно, в условиях сохранения режима ЗСТ СНГ (в которую входит Таджикистан) и сетки двусторонних соглашений между Таджикистаном и его основными торговыми партнерами (Россия, Казахстан, Узбекистан), а также заинтересованности в сохранении Таджикистана в орбите постсоветского притяжения трудно себе представить, что Душанбе окажется в условиях экономической сегрегации. Но, с другой стороны, нужно понимать, что если преимущества при конкретных проектах взаимодействия будут отдаваться членам ЕАЭС и странам из ЗСТ ЕАЭС, то возможна ситуация потери для Душанбе реальных выгодных перспектив по конкретным проектам. В частности, если на сегодняшний день есть гарантии Астаны и Ташкента о снятии барьеров в плане транзита таджикских товаров в РФ, то в дальнейшей перспективе, без специальных соглашений с ЕАЭС, таковой ясности не будет.

Преимущества много, рисков нет. Имеет смысл провести комплексный анализ преимуществ и рисков, которые дает постепенное сближение Таджикистана с ЕАЭС как в формате ЗСТ, так и в рамках пошаговой гармонизации на пути полноценного членства в организации. Это:

- Возможность коллективных инфраструктурных инвестиций. Таджикистан может стать регионом более активного взаимодействия ЕАБР (Евразийского банка развития) и Азиатского банка, включая приход российских инфраструктурных банков. Косвенно это будет страховать от избытка китайского предложения в сфере долгосрочных госкредитов, будет способствовать выравниванию дисбалансов.
- Рост показателей в международных рейтингах. Таджикистан уже вошел в топ-20 стран-реформаторов в очередном рейтинге Всемирного банка Doing Business 2020. Однако, как показала практика, членство в ЕАЭС усиливает тенденции продвижения вверх по данной шкале, благодаря обмену позитивным опытом в сфере административного управления и реформ исполнительной власти, оказывающей услуги населению.
- Проекты промышленной модернизации в рамках ЕАЭС. Многие аналитики сходятся в прогнозах, что в текущем и следующем году рост экономики Таджикистана составит порядка 7%. Это очень приличный показатель. Поэтому, с одной стороны, можно ожидать расширения инвестиций как в сферы среднесрочной отдачи — туризм, сельское хозяйство, добыча редкоземельной руды (учитывая глобальный дефицит фосфора, открываются перспективы развития фосфоритового месторождения Риватское, напротив города Пенджикента), так и долгосрочные проекты, к примеру, реабилитация ключевых автомобильных коридоров, развитие городской цифровой инфраструктуры. Один из примеров — стартовавший в прошлом году совместный белорусско-таджикский тракторный завод «Агротехсервис» в Гиссаре. Также Таджикистан можно вписать в «дорожную карту» по созданию в ЕАЭС агро- и биоиндустриальных парков: выращивание и глубокая переработка аграрной продукции с использованием цифровых и беспилотных технологий. К программе уже подключены десятки предприятий в странах ЕАЭС.
- Цифровизация управления. Один из «коньков» общей евразийской повестки — возможность интеграции множества субъектов и цифровых платформ, что в ряде конкретных сфер, таких как транспорт и логистика, позволяет наращивать транзитные возможности ЕАЭС.

- Пенсионное обеспечение на общем рынке труда. С 2020–2021 г. в рамках ЕАЭС стартует новая практика, учитывающая рабочую деятельность как в стране постоянного гражданства, так и в стране пребывания. Попросту говоря, Россия готова выплачивать пенсию рабочим и специалистам ЕАЭС, занятым во всех сферах российской экономики, — это один из важнейших плюсов общего пространства.

Конечно, преимущества соседства с ЕАЭС во многом зависят от эффективности выстраиваемой модели евразийского взаимодействия. Но определенно ясно, что глубина управленческих реформ и поддержка бизнес-проектов евразийцев возрастает в соответствии с лучшими стандартами, воплощаемыми в организации, и позитивными ожиданиями обществ этих стран. Так что Таджикистану есть на кого ориентироваться.

Источник:

<https://tj.sputniknews.ru/analytics/20191011/1030021990/Tajikistan-EAES-vstupleniye-preimuschestva.html>

11.10.2019

В. А. Чижов: Постпред России при ЕС рекомендовал Европе интеграцию с ЕАЭС Мировой (бес)порядок и европейская (не)безопасность

Организаторы нашей сегодняшней дискуссии совершенно правильно определили, что истоки современной нестабильности во многом гнездятся в Европе (точнее, наверное, в Евроатлантике) и, соответственно, тесно связаны с кризисом общеевропейской системы безопасности.

Завершающий свой яркий срок пребывания в должности Председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкер не так давно охарактеризовал состояние Евросоюза как «поликризис». И действительно, налицо еще не завершившийся, а лишь преодолевший только-только острую фазу кризис евро, периодически выплескивающий лаву гнева «миграционный вулкан», стагнация уровня жизни, буквально вымывающая средний класс — главную социальную опору Евросоюза, а также мучительно затянувшийся процесс «брекситы». К этому списку я добавил бы и кризис тех самых ценностей ЕС — предмет не только его гордости, но и попыток продвижения далеко за пределы своей территории.

Хотел бы напомнить, что основан Евросоюз был все же не на ценностях, а на интересах, как инструмент предотвращения новой войны в Европе. Именно поэтому у двух ключевых европейских держав того времени, Франции и Германии, отцы-основатели решили отобрать первичные средства производства — уголь и сталь. Гораздо позже ЕС как идея трансформировался в «сверкающий храм на вершине горы», затмивший глаза тем, что искал опору в условиях смятения после окончания «холодной войны». Но и этот этап развития также уже стал историей. Сейчас ЕС в известном смысле вернулся к своему первоначальному предназначению и вновь превратился в инструмент сопряжения интересов своих стран-членов. Менее чем через три недели начнет работу новая Еврокомиссия, глава которой У. фон дер Ляйен определила ее как «геополитическую». Посмотрим, как геополитика в исполнении новоиспеченных еврокомиссаров будет способствовать преодолению перечисленных мною кризисных явлений и сохранению за Европой в широком смысле этого слова глобальных позиций как в экономике, так и в политике в меняющемся многополярном мире.

Я, конечно, далек от того, чтобы давать советы новому руководству ЕС. Но хотел бы обратить внимание на очевидное. Единственный путь для того, чтобы Евросоюз уже в этом веке не превратился в захудалый «задний двор» мировой экономики и политики, — это объединение Европы или даже Евразии от Лиссабона до Владивостока. Конечно, это задача непростая, и выполнение ее потребует немалых усилий всех вовлеченных стран. Но, как отметил еще в VI в. до нашей эры (то есть когда даже Парфенон не был построен) китайский философ Лао-цзы, всякий путь начинается с первого шага.

Таковыми первыми шагами могли бы стать отказ от того, чтобы называть ЕС «континентом», к примеру, когда главы евроинститутов провозглашают своей целью сделать из объединения «первый в мире континент, нейтральный с точки зрения выбросов». Или перестать громоздить искусственные барьеры, произвольно именуемые санкциями, и прочие рестрикции. Или перестать подменять ясное и понятное

международное право, основанное на Уставе ООН, неким «миропорядком, основанным на правилах». Иначе навязанное извне искусственное, по моему убеждению, противоречие между патриотизмом и глобализацией неминуемо заведет Европу куда-нибудь не туда. Ту самую Европу, которую адепты концепции «плавильного котла» культур и цивилизаций презрительно описывали как «миску салата» — возможно, но позволяющую тем не менее различным странам, народам и культурам, тесно общаясь друг с другом, сохранять национальные черты.

Что же касается более общего «рецепта» объединения Евразии, то он, на мой взгляд, уместается в простое словосочетание — интеграция интеграций. То есть сопряжение экономических потенциалов двух сосуществующих на нашем континенте крупнейших интеграционных проектов — ЕАЭС и ЕС. Характерно, что зафиксирован этот рецепт был впервые еще на московском саммите Россия — ЕС в 2005 г. в «дорожной карте» по общему пространству внешней безопасности: «Россия и Европейский союз признают, что процессы регионального сотрудничества и интеграции, в которых они участвуют и которые основаны на суверенных решениях государств, играют важную роль в укреплении безопасности и стабильности. Они соглашаются активно продвигать эти процессы взаимовыгодным образом посредством ориентированного на результат тесного сотрудничества и диалога между Россией и Европейским союзом, внося тем самым эффективный вклад в формирование Большой Европы без разделительных линий и основанной на общих ценностях».

На мой взгляд, трудно поспорить с тем, что только «Большая Евразия» с ее смычкой инвестиционно-технологического потенциала ЕС и ресурсной базы России и ее партнеров по ЕАЭС сможет составить здоровую конкуренцию бурно развивающемуся Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР). Помимо явных экономических бонусов, выбор в пользу интеграции интеграций позволил бы поддерживать и культовый для Евросоюза принцип многосторонности.

Подчеркну: говоря о здоровой конкуренции, мы отнюдь не противопоставляем евразийский мегапроект тем инициативам, которые исходят из АТР, в т. ч. от КНР. Исходим из того, что китайская инициатива «Одного пояса — одного пути» вполне сочетается с нашим видением общего экономического и гуманитарного пространства на просторах Евразии. Очевидно, что и в плане обеспечения безопасности в нашем общем европейском «доме» друг без друга нам не обойтись. Думаю, хорошо понимают это и в странах — членах Евросоюза. Просто некоторым евростолицам их упрямство, а может быть, какие-то застарелые комплексы не позволяют признать это вслух. Но, например, президент Э. Макрон на совещании французских послов в августе с. г. без обиняков объявил, что период гегемонии Запада в мире заканчивается и настала пора глубоко переосмыслить отношения с Москвой, без участия которой построить новую архитектуру безопасности в Европе невозможно. Российская сторона к началу предметных переговоров о параметрах надежной и справедливой системы равной и неделимой безопасности в Евroatлантике и Евразии готова. Наши предложения — «на столе». Из последних назову объявленное президентом России В. В. Путиным решение не размещать наземные РСМД в Европе и — подчеркну — других регионах, если и пока от этого будут воздерживаться США. Мы призвали Вашингтон и НАТО присоединиться к такому мораторию. Надеемся на более субстантивную и осмысленную реакцию, нежели прозвучавшее инстинктивное отрицание. Тем более что неумолимо приближается час икс для судьбы последнего оставшегося соглашения в сфере контроля над вооружениями.

Вести переговоры о таких темах необходимо коллегиально, без политизации процесса и предварительно договорившись о единообразном толковании принципов и норм международного права. Это, безусловно, сложнее, чем выдвигать ультиматумы, однако очевидно, что терпеливо согласованные компромиссы будут гораздо более надежным механизмом предсказуемого ведения мировых дел.

Понятно также, что для обсуждения многочисленных стоящих между всеми нами проблем необходимо иметь постоянный канал диалога, желательно на самом высоком уровне. Смена руководства ЕС, как представляется, дает шанс рассмотреть возможности прервать паузу в российско-евросовских отношениях, которая — как признают и в Брюсселе — слишком затянулась. Безусловно, возобновление

нашего общения принесло бы больше пользы, если бы при этом еэсовская сторона четче определилась с моделью собственного развития и с тем, как ей стоит отвечать на стоящие перед ней вызовы. Не принимать при этом реалии объективного хода истории, думается, было бы легкомысленно, ведь механически возвращаться к business as usual больше вряд ли получится. В мире кардинально выросла востребованность в более справедливой и инклюзивной системе, а множественность моделей развития не позволяет говорить о том, что западный набор либеральных ценностей безальтернативен. И уж, конечно, вряд ли получится и дальше навязывать эти ценности насильно, без учета истории государств, их культурного и политического «кода». В общем, пора разговаривать, слушать и слышать друг друга. Россия к этому готова.

*Выступление В. А. Чижова на конференции
«Глобальный (бес)порядок: на пути к мировоззрениям на основе диалога»
в рамках 17-го Родосского Форума «Диалог цивилизаций»*

Источник:

<https://russiaeu.ru/ru/vystuplenie-vachizhova-na-konferencii-globalnyy-besporjadok-put-k-mirovozzreniyu-na-osnove-dialoga>

15.10.2019

Глазьев считает, что гармоничный валютный контроль будет стимулировать инвестиции КНР в РФ

По мнению министра по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, китайские власти должны понимать, что вклады в российскую экономику не обменивают на доллары и не выведут в офшоры.

Для активизации инвестиций из Китая в Россию необходимо проработать систему гармоничного валютного контроля, заявил министр по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Сергей Глазьев. «Для того чтобы китайские инвестиции шли более активно, нам нужна гармонизация валютного регулирования. Иными словами, китайские денежные власти должны понимать, что деньги, которые кредитуются и вкладываются в российскую экономику, не будут обменяны на доллары и выведены в офшоры», — отметил он в ходе брифинга по итогам пленарного заседания Евразийского промышленного конгресса.

Глазьев напомнил, что китайская национальная валюта (юань) является неконвертируемой, кроме того, в стране действует жесткая система органов контроля. Для упрощения процедуры инвестирования из Китая в Россию было предложено создать специальные российско-китайские инвестиционные фонды, в частности Фонд регионального развития.

При этом министр заметил, что российская экономика открыта для иностранных инвестиций. «Для любого иностранного инвестора либеральный характер экономики партнера — это большой плюс. Потому что либеральная — означает свободная, то есть нет ограничений или же ограничения невелики. Сегодня российская экономика очень открыта, у нас нет практически никаких ограничений по привлечению иностранных инвесторов, им предоставляется национальный режим. У нас относительно небольшой таможенный тариф, мы находимся в ВТО и соблюдаем все нормы международной торговли так же, как и нормы Всемирной таможенной организации. Поэтому с правовой точки зрения работа с Россией не обременена какими-то большими трудностями», — пояснил он.

Ранее министр по торговле ЕЭК Вероника Никишина говорила о возможности создания зоны свободной торговли стран ЕАЭС и Китая. По ее словам, главным драйвером этой инициативы выступает Китай, заинтересованный в продвижении своего экспорта, тем не менее страны ЕАЭС пока не готовы к запуску зоны свободной торговли с Китаем. В данный момент страны Союза и Китай ведут работу над непреференциальным соглашением о торгово-экономическом сотрудничестве.

Источник: <https://tass.ru/ekonomika/7003473>

16.10.2019

Для промышленного рывка в ЕАЭС необходимы кооперация производства и инновационные проекты

Проблемы и перспективы промышленного сотрудничества в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) и инструменты развития взаимодействия предпринимателей обсудили участники Евразийского промышленного конгресса «Интеграция», который прошел 15 октября в Москве. В дискуссии приняли участие члены Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Инициатива проведения конгресса исходит от представителей бизнеса государств Союза, заинтересованных в наращивании эффективного сотрудничества, продуктивном кооперировании и создании востребованных рынком высокотехнологичных производственных объединений.

Модератор пленарного заседания, член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК Сергей Глазьев, открывая конгресс, отметил достигнутые успехи в росте объемов взаимной торговли, наращивании совместных инвестиций, повышении эффективности работающих на общий рынок ЕАЭС предприятий. По его мнению, это свидетельствует о правильности принятых главами государств решений по евразийской интеграции.

«Общие рамки функционирования единого экономического пространства определены, и оно реально работает. Вместе с тем мы находимся еще в начале этого сложного пути, на котором предстоит преодолеть немало препятствий, чтобы выстроить современную высокoeffективную экономику на основе нового технологического уклада. Это невозможно сделать без разработки научно обоснованной стратегии развития промышленности, — подчеркнул Сергей Глазьев. — Главный вопрос, который нас сегодня волнует, — как это пространство используется нашими предпринимателями. Нам нужно думать о том, чтобы на общем рынке Евразийского экономического союза было представлено больше товаров, которые создают наши предприятия. В основе этого лежит кооперация производства, создание совместных предприятий и реализация инновационных проектов».

Он добавил, что ЕАЭС активно развивает сотрудничество с третьими странами и интеграционными объединениями. В частности, подписано Соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) с Сингапуром, в ближайшее время вступит в силу Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем и Временное соглашение, ведущее к образованию ЗСТ с Ираном, готовится к подписанию Соглашение о ЗСТ с Сербией.

Министр по промышленности и агропромышленному комплексу ЕЭК Александр Субботин остановился на сотрудничестве стран ЕАЭС с Китаем в реальном секторе экономики. Приоритетными направлениями должны стать создание единого цифрового пространства в промышленности и АПК, локализация технологий, а также эффективное взаимодействие в научно-технической и инновационной сферах.

«Комиссия совместно со сторонами работает над созданием карты индустриализации, которую мы представим на очередном заседании Совета ЕЭК в ноябре, — подчеркнул Александр Субботин. — Этот документ позволит определить механизмы взаимодействия национальных правительств, финансовых и банковских структур. Карта индустриализации обозначит те сферы, в которые привлечение иностранных инвестиций и технологий будет наиболее целесообразно как с точки зрения развития экономик наших стран, так и с точки зрения союзной интеграции. Это станет основой для более взвешенного диалога с Китаем».

О необходимости снятия технических барьеров в торговле заявил министр по техническому регулированию ЕЭК Виктор Назаренко. По его мнению, для обеспечения эффективного развития промышленного сотрудничества требуется решить три задачи: защитить внутренний рынок от небезопасной продукции, устранить торговые барьеры и перейти к совместному созданию конкурентоспособной продукции для выхода на внешние рынки.

«Мы работаем над тем, чтобы уровень требований к продукции в ЕАЭС максимально приближался к международным требованиям. Это не просто принятие стандартов и регламентов, это подготовка нашей промышленности, техническое оснащение предприятий, повышение качества продукции, организация контроля. Принять документ легко, сложно выйти на эти требования. Промышленность должна готовиться к тому, чтобы эти требования были достигнуты», — выразил уверенность Виктор Назаренко.

Министр по внутренним рынкам, информатизации и информационно-коммуникационным технологиям ЕЭК Карине Минасян отметила основные тенденции в трансформации промышленного сектора. Она обратила особое внимание на повышение доли цифровых услуг и «умных» товаров и на то, что вся продукция уходит в «цифру», а главными субъектами цифровой трансформации становятся цифровые платформы и экосистемы, которые будут определять конкурентоспособность, в том числе и в промышленности.

«Говоря о платформах, мы понимаем, что все платформы должны быть транс-кросс-отраслевыми, а все цифровые экосистемы — построены на двух принципах: сети и данных. В рамках ЕАЭС начали реализовывать совместные проекты, в которые заложены такие принципы, как цифровой суверенитет каждого государства, распределенность, бесшовность, — отметила Карине Минасян. — Мы предлагаем конкретное видение механизмов сопряжения с международными экосистемами, прежде всего, реализуя свои проекты через евразийские цифровые экосистемы. Стоит отметить, что уже сейчас назрела необходимость ускорения разработки и подписания Соглашения об обороте данных ЕАЭС».

О тесном взаимодействии ЕЭК с бизнес-сообществом рассказал министр по экономике и финансовой политике ЕЭК Тимур Жаксылыков. В Комиссии существует Консультативный совет по взаимодействию с Деловым советом ЕАЭС, а также множество консультативных комитетов, рабочих и экспертных групп.

«Успешно развивается институт оценки регулирующего воздействия проектов решений Комиссии. У нас есть большой блок наднациональных актов, которые носят регулирующий характер и затрагивают интересы бизнеса. С 2015 г. мы ведем оценку регулирующего воздействия этих актов, а теперь делаем еще оценку фактического воздействия уже принятых актов. Благодаря этому мы получаем механизм обратной связи с бизнесом и стараемся сделать регулирование более эффективным», — отметил Тимур Жаксылыков.

В заседании приняли участие представители промышленных предприятий российских регионов, законодательных и исполнительных органов власти, ученые и ведущие международные эксперты. Участники заседания высказали предложения по дальнейшему развитию евразийской интеграции. В частности, председатель правления Евразийского банка развития Андрей Бельянинов озвучил идею расширения полномочий ЕЭК.

«За пять лет, прошедшие с момента подписания Договора о ЕАЭС, государствами-партнерами достигнут значительный прогресс в интеграционном развитии, в том числе в области промышленной кооперации, — заявил глава ЕАБР. — И сегодня Союзу необходимо сфокусироваться на развитии промышленности в передовых несырьевых отраслях, ориентироваться на рост перерабатывающей промышленности, поддержание конкуренции и обеспечение привлекательных для бизнеса правил игры».

По его словам, Евразийский банк как ключевой институт развития и содействия реализации крупных проектов (в машиностроении, металлургии, горнодобывающей и химической промышленности, инфраструктуре) оценивает свою деятельность, ориентируясь на максимизацию интеграционного эффекта, эффектов промышленной кооперации и создание цепочек добавленной стоимости, включающих предприятия всех государств — участников ЕАБР.

Исполнительный вице-президент Российского союза промышленников и предпринимателей Александр Мурычев, выступая на конгрессе, констатировал дефицит общих кооперационных проектов и низкий уровень взаимных инвестиций. Эксперт призвал к созданию расчетно-клиринговых центров, обеспечивающих безналичные расчеты. А советник президента Торгово-промышленной палаты РФ Георгий Петров призвал стимулировать заинтересованность стран ЕАЭС во взаимных поставках различной продукции. Определению этого и других приоритетов, по словам эксперта, помог прошедший недавно в Бишкеке организованный ЕЭК форум «Евразийская неделя».

В свою очередь, президент Вольного экономического общества России Сергей Бодрунов сконцентрировал свое выступление на точках сопряжения между Россией и КНР.

«Наращивая двустороннюю торговлю между Россией и Китаем, важно развивать сотрудничество в научно-технической и инновационной сферах, акцентировать внимание на растущих возможностях техноло-

гического обмена между нашими странами и развитии трансграничных инновационных проектов, реализуемых китайскими и российскими предприятиями, — отметил ученый. — Остро стоит вопрос об организации совместных научных исследований, о приоритете фундаментальных исследований для формирования ядра новых технологий и общих экономических цепочек в совместном интеграционном технологическом развитии. Для этого сегодня есть все условия».

Сергей Бодрунов также выразил мнение, что сопряжение проекта «Один пояс — один путь» с Евразийским экономическим союзом несет в себе много возможностей — в частности, это возможности перспективных инфраструктурных проектов в области транспорта, энергетики, экологии, торговли, финансов и цифровой экономики.

Справка

Евразийский промышленный конгресс «Интеграция» — новая международная дискуссионная площадка для обсуждения актуальных проблем и перспектив промышленного сотрудничества в ЕАЭС и вопросов поставок промышленных товаров на общий рынок ЕАЭС и на рынки третьих стран, а также выработки действенных инструментов с целью эффективной интеграции и развития взаимодействия предпринимателей на пространстве ЕАЭС и дружественных стран.

Источник: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/16-10-2019-2.aspx>

12.11.2019

В Москве состоялась научно-практическая конференция об итогах развития евразийской интеграции

Итоги развития евразийской интеграции подвели 11 ноября в Москве на научно-практической конференции «Новое измерение евразийской интеграции: итоги пятилетия Евразийского экономического союза». Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Тигран Саркисян, Председатель суда Евразийского экономического союза (ЕАЭС) Жолымбет Баишев, государственный секретарь Союзного государства России и Белоруссии Григорий Рапота, Председатель Исполнительного комитета — Исполнительный секретарь Содружества Независимых Государств Сергей Лебедев, члены Коллегии (министры) ЕЭК и представители научно-экспертного сообщества стран ЕАЭС (далее — Союз). Модератором пленарной сессии выступил декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ Сергей Караганов.

Организаторы конференции — Евразийская экономическая комиссия и НИУ «Высшая школа экономики». Представители ЕЭК, органов власти и академического сообщества стран ЕАЭС обсудили развитие Союза и перспективы интеграции, выявили ряд проблемных точек и определили пути дальнейшего сотрудничества пяти стран.

Открывая конференцию, Председатель Коллегии ЕЭК Тигран Саркисян отметил, что «Евразийскому экономическому союзу на нашем пространстве нет альтернативы». Об этом свидетельствует мировое развитие. В настоящее время в мире насчитывается порядка 50 региональных экономических объединений. Это глобальный тренд, который начался в середине прошлого века. «Сегодня всем странам очевидно, что сообща им легче преодолевать сложности и создавать комфортные условия для граждан и бизнеса», — подчеркнул Тигран Саркисян.

Председатель Коллегии ЕЭК сообщил, что Комиссия получает десятки предложений о сотрудничестве со стороны региональных объединений, которые заинтересованы в диалоге с ЕАЭС; заключаются меморандумы о взаимодействии. В частности, недавно в Сочи был подписан Меморандум о взаимопонимании с Африканским союзом. «ЕАЭС является одним из наиболее интегрированных региональных объединений, Союз — на втором месте после Европейского союза», — отметил глава Коллегии ЕЭК.

Среди достижений Союза Тигран Саркисян назвал формирование наднационального органа — ЕЭК. Среди целей Комиссии — обеспечение свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. В союзном Договоре существуют определенные сроки по реализации этих свобод. До 2025 г.

должны быть запущены все механизмы, заложенные в этом ключевом документе ЕАЭС. В частности, это формирование общих рынков электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов, транспорта и финансового рынка.

Хотя к ряду поставленных целей ЕАЭС в значительной степени приблизился, еще есть значительное количество нерешенных вопросов, которые в повестке Комиссии. Прежде всего, это преодоление недоинтеграции, связанной с существованием барьеров, изъятий, ограничений на пути формирования общего рынка ЕАЭС. На эту задачу регулярно указывают главы государств ЕАЭС.

Тигран Саркисян рассказал в этой связи, что ЕЭК выступила с предложением гармонизировать национальные законодательства для проведения согласованных политик и пресечения появления новых препятствий. «В этом году в кооперации с парламентами стран ЕАЭС Комиссия разработала программу гармонизации по 18 направлениям, которые зафиксированы в союзном Договоре, где мы должны совместно продвигаться вперед. Это стратегическое направление углубления нашей интеграции», — заявил Тигран Саркисян.

Однако самый важный потенциал ЕАЭС — это человеческий капитал. «Будущее нашего интеграционного объединения во многом связано с тем, как мы будем вовлекать в этот проект нашу молодежь, сумеем ли мы заразить идеей евразийской интеграции, донести до них все те цели и задачи, которые стоят перед нашим молодым объединением, — рассказал глава Коллегии ЕЭК. — Поэтому мы придаем очень важное значение диалогу с Высшей школой экономики, другими нашими партнерами — вузами стран ЕАЭС, которые изучают евразийскую повестку и готовят специалистов. Мы периодически проводим с ними встречи, семинары, аналитические сессии. Мы надеемся, что благодаря этому движению нам удастся сформировать евразийскую элиту, что будет являться движущей силой, послужит укреплению, быстрому продвижению вперед нашего проекта».

Говоря о достижениях ЕАЭС на международном треке, Тигран Саркисян сказал, что здесь ЕЭК переданы как полномочия, так и инструменты, права по их реализации. Заключены меморандумы о сотрудничестве с интеграционными объединениями, успешно ведутся торговые переговоры по формированию зон свободной торговли (ЗСТ). Уже функционирует ЗСТ с Вьетнамом. Начало работать Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли с Ираном, Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем. Заключены соглашения о ЗСТ с Сингапуром, Сербией. ЕЭК ведет переговоры с Египтом, Индией, Израилем. Это приоритетные страны, которые определены президентами стран Союза.

При этом глава Коллегии ЕЭК отметил существующую определенную асимметрию между целями, которые поставлены перед интеграционным объединением, и инструментами, правами, полномочиями, которые переданы Комиссии.

«Мы видим, где нет полномочий у ЕЭК, идет медленное продвижение вперед, наблюдается бюрократизированность процедур, согласования позиций стран, в результате чего мы видим, что появляется определенный скепсис, критика, что мы недостаточно быстро и эффективно продвигаемся вперед. Эту тему мы обсуждаем на уровне премьеров, президентов, какие полномочия надо передать национальному органу с тем, чтобы наш Союз был бы более эффективным. Мы надеемся, что в рамках сегодняшнего форума эта тема будет обсуждаться и ваши рекомендации и предложения, безусловно, нам помогут в продвижении нашего проекта вперед», — подчеркнул Тигран Саркисян.

Председатель Коллегии ЕЭК призвал научно-экспертное сообщество участвовать в обсуждении новых идей и предложений, которые Комиссия получает в том числе от бизнеса, стран ЕАЭС.

Декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ Сергей Караганов подчеркнул, что «последние два года были отмечены гораздо большей активностью ЕЭК и, соответственно, поддержкой нашего научного сообщества, что связано в том числе в значительной степени с деятельностью Тиграна Суреновича».

Председатель Суда ЕАЭС Жолымбет Баишев рассказал, с какой целью был создан Суд ЕАЭС. Вопросом правильного истолкования и применения Договора о ЕАЭС — кодифицированного юридического документа — занимается специально созданный в рамках ЕАЭС судебный орган. Суд защищает те дого-

воренности, которые между собой определили государства. Этот орган занимается не только контролем соответствия любых нормативно-правовых актов, принятых в рамках ЕАЭС, но и практической защитой прав хозяйствующих субъектов. В ведении Суда — также рассмотрение дел по антимонопольным вопросам и по вопросам применения штрафных санкций, таможенного регулирования. Т. е. весь экономический блок, который оспаривается хозяйствующими субъектами по отношению к принятым в рамках ЕАЭС решениям, входит в компетенцию Суда. По словам Жолымбета Баишева, иностранные государства и международные объединения, которые имеют отношение к суду, положительно оценивают наличие Суда ЕАЭС и его компетенцию.

Председатель Суда ЕАЭС предложил для ознакомления молодежи стран Союза с деятельностью Суда ЕАЭС ввести в вузах специальный курс права Евразийского союза. Он также выступил с инициативой говорить о евразийском правопорядке в рамках ЕАЭС и «подумать о создании при Суде или с участием Суда арбитражного центра, который завоевал бы такое же признание, скажем, как Лондонский и другие, и наши хозяйствующие субъекты могли бы обращаться в этот орган. Тогда была бы обеспечена объективность, которую мы часто хотим видеть в разрешении международных споров».

По мнению государственного секретаря Союзного государства России и Белоруссии Григория Рапота, сегодняшняя конференция — это шаг в правильном направлении. Он отметил, что поддержка экспертного сообщества необходима для развития интеграции... Будущее ЕАЭС заключается в объединении усилий в созидательной деятельности, считает Григорий Рапота. Он также предложил постоянно искать возможности взаимодействия с другими интеграционными объединениями.

Председатель Исполнительного комитета — Исполнительный секретарь Содружества Независимых Государств Сергей Лебедев отметил, что СНГ и ЕЭК реализуют два меморандума о взаимодействии. В прошлом году документ был обновлен. Он отражает новые реалии и обстоятельства и эффективно реализуется, по мнению Исполнительного секретаря СНГ.

Сергей Лебедев высоко оценил опыт взаимодействия с ЕЭК и в целом деятельность Комиссии: «Тот опыт, который наработан с коллегами ЕЭК, для нас бесценен. Я с большим удовлетворением оцениваю опыт работы наших коллег как весьма положительный. Доказательством является то, что они прошли интеграционный путь намного быстрее, чем тот же путь страны ЕС. Они движутся быстрее. Это говорит об успешности проекта. У него хорошие перспективы. И тот факт, что интерес к присоединению ЕАЭС проявляют многие государства мира, — это тоже говорит о том, что ЕАЭС — успешное объединение».

Проректор НИУ ВШЭ Иван Простаков сказал, что тематика евразийской интеграции для Высшей школы экономики является одним из приоритетных направлений в экспертной работе. Евразийская интеграция находится в центре внимания исследователей, ученых вуза. «Для нас важно формирование евразийского молодого поколения», — заявил он.

«Большая Евразия это не просто некий политический лозунг, это наш экономический интерес, основанный на открытии рынков интересных для нас партнеров, повышении экономической и инфраструктурной взаимосвязанности, развитии международной кооперации. Это системный инструмент поддержки нашего экспорта», — отметила член Коллегии (министр) по торговле ЕЭК Вероника Никишина.

В своем докладе член Коллегии (министр) по таможенному сотрудничеству ЕЭК Нурлан Акматов обратил внимание на тот факт, что евразийская интеграция началась с таможенного администрирования. Поэтому закономерно, что единое таможенное регулирование в Союзе, который отметил свое пятилетие, — это сфера, где достигнут высокий уровень унификации и согласованности действий. По мнению министра, единые правила таможенного регулирования в государствах-членах способствуют экономическому росту, улучшению бизнес-климата и повышению транзитной и инвестиционной привлекательности Союза.

По словам члена Коллегии (министра) по конкуренции и антимонопольному регулированию Комиссии Серика Жумангарина, большое значение сейчас занимает совершенствование нормативной правовой базы ЕАЭС, внедрение инструментов предупреждения и предостережения. Министр ЕЭК также рассказал о сотрудничестве с Институтом права и развития ВШЭ — Сколково, в рамках которого по заказу Комиссии в этом году институтом был выполнен комплекс научно-исследовательских работ на тему

«Анализ законодательства и правоприменительной практики государств — членов ЕАЭС и Евразийского экономического союза по вопросам привлечения к ответственности и освобождения от нее за нарушение антимонопольного законодательства, рассмотрение международного опыта».

Источник: https://mir24.tv/press_release/16385644/v-moskve-sostoyalas-nauchno-prakticheskaya-konferenciya-ob-itogah-razvitiya-evraziiskoi-integracii

14.11.2019

Евразийская экономическая комиссия заинтересована в сотрудничестве с аналитическими центрами

Об этом заявил Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) Тигран Саркисян 14 ноября на пленарном заседании I Евразийского аналитического форума «ЕАЭС: опыт, проблемы, приоритеты развития и безопасности», который прошел в Общественной палате Российской Федерации в Москве.

Наука помогает предугадывать закономерности развития. С этой точки зрения формирования и развития региональных экономических объединений исследование таких закономерностей имеет первостепенное значение. На сегодняшний день насчитывается порядка 50 региональных экономических объединений. «Без аналитиков сложно вырабатывать стратегические пути развития интеграционных процессов в нашем Союзе, — сказал глава Коллегии ЕЭК. — Мы заинтересованы в сотрудничестве с аналитическими центрами при принятии наших решений. Безусловно, роль аналитиков имеет важнейшее значение. Особенно в современном мире, когда необходимо принимать нормативные регулятивные акты не только исходя из наших планов, но и исходя из того, что в мире происходят серьезные фундаментальные сдвиги, и мы не имеем права ошибаться при принятии решений».

Тигран Саркисян отметил, что Комиссия всегда готова поддерживать любые инициативы научно-экспертного сообщества стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) при принятии качественных важных решений. Сейчас при активном участии аналитиков разрабатывается Стратегия развития ЕАЭС до 2025 г. Вместе с тем Председатель Коллегии ЕЭК обратил внимание на то, что необходимо планировать стратегический горизонт развития не менее чем на 25 лет. Однако это сложная задача с учетом того, что мир усложняется, появляются новые формы взаимодействия, новые взаимоотношения, все процессы ускоряются. По словам Тиграна Саркисяна, среди научного сообщества уже есть консенсус, что необходимо разрабатывать стратегические документы как минимум на 25 лет, начиная с прогнозов развития научно-технического прогресса и со стратегических планов комплексного экономического развития. А уже эти фундаментальные документы должны лежать в основе более конкретных программ на пятилетие. Он также обратил внимание на важность учета при разработке таких стратегических документов тех реалий, которые есть на евразийском экономическом пространстве. В частности, на тот факт, что национальные правительства часть своих полномочий передали на наднациональный уровень. «Необходимо, чтобы страны ставили задачи перед наднациональным органом на 25 лет вперед, чтобы национальные стратегии стран ЕАЭС не были оторваны от стратегии развития регионального экономического объединения», — заявил Тигран Саркисян.

Председатель Коллегии ЕЭК выступил с инициативой о необходимости формирования новой управленческой культуры принятия решений на основе обсуждения с аналитическими и научными центрами ЕАЭС. «К сожалению, в сегодняшней системе управления научные и аналитические центры слабо вписаны в процедуры принятия решений. Мы с вами должны сформировать новую культуру, суть которой в том, чтобы без предварительного обсуждения вопросов с аналитическими и научными центрами нельзя было принимать стратегических документов, — сказал Тигран Саркисян. — Они должны быть вовлечены во все наши процессы. Эту культуру мы должны сформировать вместе с вами». Глава Коллегии ЕЭК выразил благодарность председателю Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума Николаю Бордюже за организацию мероприятия и внимание к теме развития экспертно-аналитической работы на евразийском пространстве.

Со своей стороны Николай Бордюжа подчеркнул, что Евразийский информационно-аналитический консорциум — полезное начинание. «Мы попытались объединить представителей аналитических кругов

стран ЕАЭС. На мой взгляд, это позволяет нам объективно отслеживать те процессы, которые происходят на евразийском пространстве, выявлять слабые места, вырабатывать рекомендации и принимать решения на уровне Евразийского экономического союза», — сказал он. Председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума также сообщил, что главная задача организации — проводить аналитическую работу в сфере интеграции. В этой связи Николай Бордюжа отметил вклад Тиграна Саркисяна в создание консорциума. «Тигран Суренович много сделал для того, чтобы консорциум состоялся. Он много внимания уделяет взаимодействию аналитических подразделений и ЕЭК, во всем поддерживает начинания, которые способствуют углублению, укреплению наших отношений в аналитической сфере», — сказал председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума.

В форуме приняли участие представители Администрации Президента Российской Федерации, Министерства иностранных дел Российской Федерации, Евразийской экономической комиссии, Исполнительного комитета СНГ, Постоянного комитета Союзного государства Россия — Белоруссия, Евразийского банка развития. По мнению заместителя министра иностранных дел РФ Александра Панкина, объективные экономические процессы предопределяют безальтернативность восстановления и развития кооперационных связей и выстраивание эффективного регионального и интеграционного взаимодействия. Общей целью совместной работы является стремление обеспечить комфортные условия для граждан и их благополучие. «Только сообща у нас есть шансы обеспечить достойное место в мировой экономике, и мы можем рассчитывать на справедливое участие наших стран в международном разделении труда и цепочке создания добавленной стоимости», — заявил Александр Панкин. Он также отметил, что ЕАЭС сегодня — это серьезный фактор в мировой экономике. «ЕАЭС постепенно эволюционирует в ключевой механизм отстаивания экономических интересов государств-членов на международной арене. Растет его авторитет и привлекательность. Роль Союза в деле преобразования экономического ландшафта в государствах-членах становится все более ощутимой: увеличивается объем взаимной торговли и инвестиции, формируется новая производственная цепочка, наращивается экспорт в третьи страны; усиливается позитивный эффект для граждан: расширяется ассортимент товаров, с рынков уходит контрафактная продукция», — уверен замминистра иностранных дел РФ. В приветственном слове государственного секретаря Союзного государства России и Белоруссии Григория Рапоты отмечается, что «в современном конкурентном мире как никогда важны зоны стабильности и предсказуемости, которыми является интеграционное объединение. Вместе с тем в последнее время формируются вызовы и угрозы устойчивому развитию стран, в том числе их объединению. Это требует более тщательного аналитического обеспечения интеграционных процессов, своевременного прогнозирования возможных последствий, изменения ситуаций международных отношений». По итогам пленарного заседания Председатель Коллегии ЕЭК Тигран Саркисян был награжден почетным знаком «За заслуги в международной аналитической деятельности» в знак профессионального и общественного признания, за заслуги в развитии Евразийского информационно-аналитического консорциума.

Справка

Форум организован при поддержке Евразийской экономической комиссии. Среди его организаторов: Евразийский информационно-аналитический консорциум, Ассоциация «Аналитика», Общественная палата Российской Федерации, Российская академия наук, Академия военных наук Российской Федерации, Российский университет дружбы народов, Международный научно-исследовательский институт проблем управления, Институт энергетической политики и дипломатии МГИМО(У), Институт социально-политических исследований РАН, АО «Системы управления». Партнеры форума: Финансовый университет при правительстве Российской Федерации, Институт Европы РАН, Институт экономики РАН, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Центр изучения кризисного общества, национальные академии наук Беларуси, Казахстана, Армении и Кыргызстана. Девиз форума, посвященного пятилетию образования Евразийского экономического союза (ЕАЭС), — «Аналитика во благо развития и сотрудничества».

Источник: www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/_layouts/listfeed.aspx?List=d522404c-5ce0-4e71-92b1-19f95f72ee43

Публикации журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» в 2019 г.

От главного редактора Глазьев С. Ю.	№ 1	Слово главного редактора	с. 11
	№ 2	«Четвертая свобода» интеграции как фактор зрелости ЕАЭС	с. 11
	№ 3	Российско-китайское экономическое сотрудничество: трансформировать политическую волю в масштабные кооперационные проекты	с. 9
	№ 4	ЕАЭС — ЕС: перспективы всеобъемлющего экономического соглашения	с. 11
ГЛАВНОЕ	№ 1	Обращение Премьер-министра Республики Армения Н. В. Пашиняна к главам государств — членов Евразийского экономического союза	с. 12
	№ 1	<i>Валовая Т.</i> Участие в ЕАЭС дает большие экономические эффекты	с. 16
	№ 1	<i>Глазьев С. Ю.</i> Большое евразийское партнерство: создавая новый мир	с. 18
	№ 1	<i>Денисов А.</i> Российско-китайское сотрудничество — стабилизирующий фактор в нынешнем турбулентном мире	с. 21
	№ 1	<i>Алферов Ж. И.</i> Квантовая экономика. Российской науке надо переходить от выживания к развитию	с. 25
	№ 2	Бишкекская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества	с. 13
	№ 3	<i>Денисов А. И.</i> Два семидесятилетия	с. 11
	№ 3	<i>Глазьев С. Ю., Архипова В. В., Агеев А. И., Ершов М. В., Митяев Д. А., Нагорный А. А., Ван Вэнь, Ян Цинцин, Джон Росс, Гуань Чжаоюй, Чжан Тинтин</i> Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» в представлениях Китая и России	с. 13
	№ 4	<i>Кефели И. Ф., Шамахов В. А.</i> Геополитические и геоэкономические аспекты взаимодействия ЕАЭС и ЕС в формате Большого евразийского партнерства	с. 17
	№ 4	<i>Шухно С. С.</i> ЕАЭС и китайская инициатива «Один пояс — один путь»	с. 26
ЭКОНОМИКА	№ 1	<i>Шамахов В. А., Случевский В. В.</i> Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС — «Один пояс — один путь»	с. 28
	№ 1	<i>Свиридович В. А.</i> Финансовая поддержка предпринимательства в странах ЕАЭС	с. 34
	№ 2	<i>Каргаполова Е. В., Крипакова Д. Р., Дулина Н. В.</i> Динамика защищенности прав и свобод граждан современной России (на примере Астраханской области)	с. 23
	№ 2	<i>Неверов К. А.</i> Применение конкурентно-кооперативной стратегии на основе технологии блокчейн для повышения эффективности управляемости	с. 33
	№ 3	<i>Томайчук Л. В.</i> Цифровизация экономики Китая	с. 31
	№ 4	<i>Асаул М. А., Малыгин И. Г., Мохов А. Е.</i> Международные транспортные коридоры Евразии и Экономический пояс Шелкового пути	с. 33
	№ 4	<i>Красильников С. Р., Михневич С. В.</i> Продвигая евразийскую интеграцию: роль бизнеса в развитии сотрудничества в сфере услуг и торговой политике	с. 41
	№ 4	<i>Кукулина Е. А.</i> Энергетический вектор российско-азербайджанского экономического сотрудничества в цифровом пространстве современного мира	с. 50
	№ 4	<i>Тун Вэй, Уржумцева Т. Б.</i> Анализ внешней торговли и ее экономическое влияние на страны Центральной Азии	с. 62
ПРАВО	№ 1	<i>Архипова А. Ю.</i> Прогнозирование и практическая реализация политико-правовых идей постсоветской России	с. 42
	№ 1	<i>Воронов А. М.</i> Актуальные вопросы администрирования миграционных процессов на пространстве ОДКБ в современных условиях	с. 49
	№ 2	<i>Алексеев Г. В., Галеев А. А.</i> Интеграционное правосудие: опыт Южной Америки	с. 41
	№ 2	<i>Кириленко В. П., Фотопулу А.</i> Проблемы цифрового государства в современном обществе	с. 49
	№ 2	<i>Макаров О. С.</i> К вопросу о новых рисках в информационной сфере и реализации принципа «безопасность через развитие»	с. 57
	№ 2	<i>Шунаев А. М., Шунаев В. М.</i> Теневая экономическая деятельность как угроза экономической безопасности коммерческих организаций	с. 63
	№ 3	<i>Атнашев В. Р., Яхьяева С. Н.</i> Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом	с. 37
	№ 3	<i>Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Яндукова М. В.</i> Международные договоры и юрисдикция государств в современных геополитических условиях	с. 43
	№ 3	<i>Лебедев А. С., Гинойн А. А.</i> Международно-правовые источники сохранения водных биоресурсов Каспийского моря	с. 53

	№ 4	Кирилленко В. П., Мишальченко Ю. В., Торопыгин А. В. Экономическое и правовое обеспечение развития внутреннего водного транспорта Евразийского региона	с. 68
	№ 4	Лебедев А. С. Особенности регулирования международной электронной торговли в таможенном законодательстве ЕАЭС	с. 76
	№ 4	Никоноров В. В. Правовые особенности международной организации ИНМАРСАТ	с. 82
ПОЛИТИКА	№ 1	Кефели И. Ф., Комлева Н. А. К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве	с. 54
	№ 1	Марджанян А. А. ОДКБ — современные вызовы. Взгляд из Армении	с. 61
	№ 2	Митько В. Б., Минина М. В. Российско-китайское сотрудничество в Арктике и безопасность морской деятельности	с. 69
	№ 2	Баранов Н. А., Попов П. В. Стратегии гибридных войн стран НАТО как вызов Российской Федерации	с. 79
	№ 2	Выходец Р. С. Российско-китайские стратегические коммуникации в рамках проекта «Один пояс — один путь»	с. 87
	№ 2	Шушилов М. М., Нуруллаев Ш. Х. РЭК С-400 как фактор изменений в турецко-американских отношениях	с. 93
	№ 3	Волкова А. В. Цифровая бдительность: этика сетевой коммуникации и пределы гражданского контроля	с. 59
	№ 3	Кефели И. Ф. Геополитические аспекты инициатив и проектов формирования «Большого евразийского партнерства»	с. 65
	№ 3	Томин Л. В., Балаян А. А. Цифровой паноптикум. Как автократии используют технологическую инфраструктуру?	с. 77
	№ 4	Дмитриевич Душко Сербско-китайское всестороннее стратегическое партнерство как внешнеполитическая парадигма «Нового Шелкового пути» (In eng)	с. 94
	№ 4	Каплунов А. М. Проблема анализа структуры политических возможностей цифровизации публичного управления в России: региональный аспект	с. 107
	№ 4	Ли Цзинчэн Международные экономические проекты как инструмент развития БРИКС	с. 113
	№ 4	Попов Д. Г., Роговской Д. А. Совместный вектор развития Арктического региона в рамках национальных программ России и стран Восточной Азии	с. 120
ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА	№ 1	Рябухин П. П. Бишкекский протокол: взгляд с дистанции в четверть века	с. 67
	№ 1	Торопыгин А. В. Бишкекский протокол. Как это было: воспоминания и комментарии	с. 71
	№ 2	Комплекс мер по выполнению Минских соглашений	с. 103
	№ 2	Декларация Президента Российской Федерации, Президента Украины, Президента Французской Республики и Канцлера Федеративной Республики Германия в поддержку Комплекса мер по выполнению Минских соглашений, принятого 12 февраля 2015 г.	с. 106
	№ 2	Циндаоская декларация Совета глав государств — членов Шанхайской организации сотрудничества	с. 107
	№ 3	Субботин А. В Евразийском союзе будет обеспечена полная кооперация всех отраслей	с. 83
	№ 3	Положение о Совместной Комиссии по реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны	с. 86
	№ 3	Положение о Евразийской части Совместной Комиссии по реализации Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны	с. 92
	№ 3	Короткой строкой	с. 99
	№ 4	Концепция формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза	с. 126
	№ 4	Политолог рассказал, когда Таджикистан вступит в ЕАЭС	с. 128
	№ 4	Таджикистан и ЕАЭС: преимущества при любом раскладе	с. 128
	№ 4	Постпред России при ЕС рекомендовал Европе интеграцию с ЕАЭС	с. 130
	№ 4	Глазьев считает, что гармоничный валютный контроль будет стимулировать инвестиции КНР в РФ	с. 132
	№ 4	Для промышленного рывка в ЕАЭС необходимы кооперация производства и инновационные проекты	с. 133
	№ 4	В Москве состоялась научно-практическая конференция об итогах развития евразийской интеграции	с. 135
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	№ 1	Клаус Шваб Глобализация 4.0. Новая архитектура для четвертой промышленной революции	с. 79
	№ 3	Лукницкий П. Н. Таджикская экспедиция. Средняя Азия	с. 103

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей не должен быть меньше 16 000 знаков с пробелами. Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождается сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем ограничен 250–300 словами. В реферате обязательно указываются: Цель, Методы, Результаты, Выводы (по 1–2 предложения для каждого пункта).

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова. Обычно — 5–6 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
Заведующий кафедрой
Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– **монографии:**

Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– **статьи в научных сборниках:**

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– **публикации в многотомных изданиях:**

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– **статьи в научных журналах:**

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– **статьи в газетах:**

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– **правовые акты:**

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2019. № 4(30)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
О. Д. ПОЛЕЖАЕВА
E-mail: polezhaeva-od@ranepa.ru

Корректор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 01.12.2019.
Подписано к печати 13.12.2019.
Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 9,125. Тираж 100 экз.
Заказ № 4/2019.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления — Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В. О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72
